Л. Б. Горянов

НОВЕЛЛЫ О ВРАТАРЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

А. Чернышев, А. Хомич, Пеле, Чарльтон, Мюллер, Бене.

Вот лишь несколько имен тех, чьи письма использовал журналист Л. Горянов в этой книге. Рассказы знаменитых футболистов, известных тренеров, грозных форвардов посвящены одному человеку - знаменитому советскому вратарю Л. Яшину.

Из этих рассказов читатель узнает много нового и интересного о нем, о его выдающемся спортивном мастерстве.

-
- ПРОЩАНИЕ
- ПРЕДИСЛОВИЕ, ПОСТАВЛЕННОЕ НЕ НА СВОЕ МЕСТО
- «ТЫ СОЗДАН ДЛЯ ФУТБОЛА»
- «ПУСТЬ ДЫШИТ ВРАТАРСКИМ ВОЗДУХОМ!»
- ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДЕБЮТ
- «А еще впереди лето!»
- «Бейте ему издалека!»
- «Напишите об этом парне»
- ПРИЗНАНИЕ
- «Вы не сказали о главном»
- «У моего героя другое имя»
- «Четыре проигранных дуэли»
- У МИРА НА ВИДУ
- Драма в трех действиях
- «Мне долго чудилось его лицо»
- «Мы оба были новичками…»
- КОРОНАЦИЯ
- «Я считаю — ему нет равных в мире»
- «Ему нельзя не аплодировать!»
- Задание, которое не удалось выполнить
- ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ
- «И никого другого!»
- «Человек из будущего»
- «Тысячи рук, тысячи глаз»
- «Вы действительно лев!»
- ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ
- И «звезда» с «звездою» говорит…
- «Величайший поэт футбола»
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ПРОЩАНИЕ

Казалось, вернулось далекое детство, пора волнующих матчей с басками, первого знакомства со сборной Праги. Пора, когда каждый поединок московских команд «Спартак» и «Динамо» становился для нас величайшим событием.

Так казалось потому, что вновь, как бывало, вся Москва жила футболом. Люди, оставив самые неотложные дела, выстраивались в длинные очереди у касс Центрального стадиона имени В. И. Ленина и стояли под лучами палящего солнца у окошечек, не уходя и тогда, когда над ними вывешивали обжигающие безнадежностью таблицы «Все билеты проданы».

Люди не хотели мириться с неудачей. И те, кто еще не сумел себе обеспечить права присутствия на трибунах, вдруг вспоминали давно забытых и незабытых приятелей и звонили, звонили, звонили по телефонам, умоляя;

— Дружище, спаси, достань!

Звонили рабочие и академики, генералы и поэты, люди, не пропускающие ни одной игры, и люди, забывшие, когда они в последний раз были на футбольном матче. Доводы «посмотришь по телевизору» на этот раз решительно отвергались; каждому хотелось лично присутствовать на стадионе и своими глазами увидеть все, что там произойдет.

Наступал день 27 мая 1971 года — день прощания с великим вратарем, Лев Яшин должен был сыграть свой последний в жизни матч и навсегда покинуть зеленое поле. Подумать только — последний в жизни!

— Завтра мы в последний раз увидим его игру; как игрок, он погибнет для всех нас, — сказал мне мой старый товарищ, известный советский журналист,

— О чем ты говоришь?! — протестующе воскликнул я. — А память? Человеческая память? Разве не сохранит она нам все дорогое и трогательно Слизкое, что связано с этим именем?

— Память,— усмехнулся мой друг,— она жива, пока футболист на поле. Годы, как пыль, оседают на имена «звезд» и невольно заставляют их потускнеть…

Чем чаще вспоминаю я этот разговор, тем сильнее растет желание возразить другу. Даже одна блестяще проведенная игра бесконечно впечатляюща, А если таких игр десятки. Сотни. Тысячи. Они становятся легендой и не умирают даже тогда, когда не остается в живых ни одного свидетеля этих игр. Слава о

мастерстве передается из уст в уста, из поколения в поколение. Нет, память о спортсменах — самая яркая. И воспоминания о них — самые сильные.

На дворе снова май. Прошел ровно год, как Лев Яшин «ушел в запас». Я сижу за письменным столом, и память с поразительной отчетливостью воспроизводит каждую деталь прощания с ним.

Было тепло. Над головой раскинулось голубое, перечеркнутое белесыми полосками облаков небо. Приветливо улыбалось солнце, и озаренное его лучами игровое поле выглядело особенно праздничным. И люди на трибунах, нарядно одетые, весело и громко переговаривающиеся, были настроены по-праздничному, как и подобало случаю.

Полузакрыв глаза, я слушал гул стадиона, как слушают музыку. Случалось ли вам предаваться такому занятию? Если нет, послушайте, В рокоте трибун вы легко различите то клокотание рвущихся наружу страстей, то предвкушение неминуемого торжества, ту отчаянную жажду реванша…

Но на этот раз лейтмотив «увертюры» был совсем новым, который мне не приходилось слышать здесь, лишенный обычной мажорности, страстности. Все было подчинено одному настроению — трепетности ожидания. В предчувствии необычного даже самые говорливые не решались повышать голос. По рядам прокатывался лишь легкий гул, как в партере и ярусах театра.

И, как в театре, я стал с любопытством рассматривать в бинокль ряды и ложи. Передо мной открылась живая история отечественного футбола в лицах. Тесно прижавшись друг к другу, сидели, убеленные сединами, ветераны, чьи имена звучали, как названия футбольных эпох. Горделиво восседал первый капитан первой Олимпийской сборной России Василий Бутусов, специально, как потом оказалось, в последний в своей жизни раз приехавший в Москву; неподалеку, до обидного обыкновенный, ничем особенно не приметный, разве лишь сохраненной статностью, пристроился игрок впервые созданной после Великой Октябрьской социалистической революции сборной страны, участник ее победного и героического турне по странам Скандинавии, заслуженный мастер спорта Павел Канунников. А чуть пониже, на своих излюбленных, «семейных» местах, словно три футбольных богатыря, расположились знаменитые, неподдающиеся судьбе и времени братья Старостины — Николай, Александр, Андрей. Вот в окуляры попала ложа Федерации футбола, и волнение охватило меня, когда я увидел, словно в едином строю, заслуженных-перезаслуженных Михаила Якушина, Сергея Ильина, Василия Трофимова, Бориса Пайчадзе, Владимира

Степанова, Всеволода Боброва, Никиту Симоняна, Валентина Иванова…

Вместе, словно понимая, что так оно и должно быть в этот незабываемый день, расположились вратари. На правом фланге — первый вратарь сборной СССР, родоначальник советской вратарской школы Николай Соколов, о котором в свое время складывались волнующие легенды. На его высоком мастерстве, обогнавшем свое время, учились следующие поколения вратарей. Сейчас они сидели рядом: Федор Чулков, Михаил Леонов, Валентин Гранаткин, Анатолий Акимов, Алексей Хомич, Леонид Иванов, Алексей Леонтьев. Евгений Рудаков. Они пришли сюда не просто как зрители, я как живые свидетели того, что Лев Яшин появился не случайно, что он велик прежде всего тем, что вобрал в себя весь многоликий опыт, всю спокойную уверенность и гордую славу русских вратарей.

Мои размышления прервал взрыв оваций: из огромного проема лужниковского гиганта показались футболисты — «сборная звезд мира», одетые в белые футболки, и московское «Динамо» — в ярко-голубые. Они простучали по настилу, выложенному по беговой дорожке, и потянулись двумя цепочками к центру поля. Вышли двадцать два человека, но глаза ста тысяч зрителей были прикованы к одному. Они жадно ловили каждое движение, каждый шаг высокого, статного человека в зеленой вратарской фуфайке с красной ленточкой на рукаве. Его сейчас же обступила целая толпа фотокорреспондентов и он, понимая полную безнадежность сопротивления, повел их к Западной трибуне.

Удивленные и несказанно обрадованные его покладистостью, фотокорреспонденты старались так и сяк, то разбегались, то вновь сжимали кольцо окружения, и все просили:

— Еще минуточку!

— Еще!

Он соглашался безропотно, лишь поглядывая на часы. Смеялся, шутил и охотно отвечал на шутки, даже принимал «рекомендованные» позы, чего прежде не делал в своей жизни никогда. Но вдруг, взглянув еще раз на часы, стал серьезным:

— Простите, господа! Простите, товарищи! Мне пора на разминку.

Кто-то крикнул умоляюще;

— Еще несколько секунд!

Лев Иванович решительно:

— Ни одной!

И в этот день, как всегда, Яшин оставался самим собою: человеком точного режима и высокого чувства долга, Перед

зрителем. Перед футболом.

Десять минут он тренировался с такой яростью, как будто предстоял матч на первенство мира или поединок не меньшего значения, где каждый спасенный мяч, шедший в твои ворота, ценится в буквальном смысле этого слова на вес золота. А может быть, этот матч был для него важнее самых важных?!

Ударил гонг, словно напоминая нам всем о неумолимости судьбы. Поле опустело. Команды скрылись под трибунами. Волнение нарастало.

И вскоре появились судьи. В центре, с мячом в руках, седоволосый красавец Тофик Бахрамов, счастливый баловень удачи, а по бокам, как верные оруженосцы, ассистенты — П. Казаков и К. Круашвили. За ними команды.

Было 19 часов 25 минут по московскому времени. Патетический голос произнес по радио:

— Привет участникам международной встречи по футболу, посвященной Льву Ивановичу Яшину,— но я сомневаюсь, чтобы участники и зрители услышали эту фразу. Гром оваций гремел над стадионом.

Когда команды вновь выстроились у бровки беговой дорожки, лицом к западной трибуне, все стихло. И над стадионом зазвучали слова о Яшине.

— Дорогие друзья,— усиливали динамики торжественный голос диктора,— мне хочется сказать несколько слов о главном герое сегодняшнего торжества. Лев Яшин! Мы отдаем ему почести, как человеку, сумевшему довести свое мастерство до грани искусства, как замечательному гражданину и патриоту, за то, что по всем стадионам мира он с честью и достоинством пронес высокое звание советского спортсмена.

Здесь же, на стадионе, был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За заслуги в развитии футбола и спортивные достижения наградить заслуженного мастера спорта СССР Яшина Льва Ивановича орденом Трудового Красного Знамени».

Мы все срываемся со своих мест — в едином, беспредельно искреннем порыве. Мы до боли в ладонях аплодируем Яшину, сделавшему так много для своего Отечества. Мы аплодируем Отечеству, в котором сердечно, по-отцовски заботливо относятся к спортсменам. Отечеству, где вырастают такие богатыри, как Яшин.

Стоило мне подумать об этом, как я вновь перевел взгляд на именинника. Он стоял у микрофона с огромным букетом в руках, и розы на фоне его зеленой фуфайки казались еще краснее. Он иногда опускал свое лицо к цветам, пряча улыбку, а которой

заключалось и безмерное счастье, и смущение, и обыкновенная человеческая растерянность.

Этому человеку было не впервой стоить на виду у стотысячной толпы. Но всегда он был лишь одним из участников того бескровного сражения, которое разыгрывалось на поле. Он привык к бешеным взрывам эмоций, к яростному крику, вырывающемуся как из одной груди, к вздохам разочарования. Он привык отключаться от сознания, что за ним смотрят, впиваясь в мяч, отдаваясь всем существом поединку.

Сейчас было тихо. И тысячи взглядов впивались в Яшина, и он почти физически ощущал это и чувствовал еще никогда не испытанное прежде волнение.

Торжественная церемония продолжалась, говорил господин Стэнли Роуз — глава не имеющей границ, великой и могущественной «футбольной империи». Об этом могучего роста господине журналисты не зря писали, что из него слова не вытянешь. Не очень любил он в последнее время и путешествия: за долгие годы пребывании на своеобразном футбольном троне они ему попросту надоели. Но на приглашение приехать проводить Яшина он немедленно ответил согласием. А речь его свидетельствовала о том, что он подыскивал для нее самые лучшие слова.

— Я считаю для себя большой честью быть здесь, среди вас, господа, на этом великолепном празднике футбола. К вам в Москву, под флаг символической сборной мира приехали выдающиеся мастера кожаного мяча из разных стран. Они оставили свои клубы и свои команды, чтобы воздать должное истинно великому футболисту — Льву Яшину, человеку, ставшему легендарным еще при жизни, в расцвете сил. Мы собрались, чтобы сказать: великим его сделали не только изумительное мастерство, но и его прекрасный характер, трудолюбие и скромность. Прославляя Яшина, мы даем прекрасный пример молодежи. Прославляя Яшина, мы прославляем Россию. Потому что всем, чего он достиг, Яшин обязан своей стране и своему народу,

И Яшин, подойдя к микрофону, по-своему подтвердил эти слова. Он прижал свою ладонь к сердцу, которое еще никогда о жизни не наполнялось такой теплотой и такой огромной любовью. Ему хотелось бы обнять всех этих многочисленных друзей, пожать каждому руку и сказать какое-то свое, сокровенное слово.

Но его еще ждала игра, и это слово людям он должен был, прежде всего, сказать там — в воротах. Лев Яшин, признанный капитан сборной мира, подошел к Бобби Чарльтону, своему

преемнику на посту капитана «сборной мира». А потом привычной трусцой побежал к воротам своей команды, на ходу подбирая разбросанные но полю цветы. Торжественная часть праздника закончилась. Началась художественная часть.

В борьбу вступала сборная миря. Мазуркевич, Джоркаефф, Факкети, Шульц, Мэй, Мюллер, Бобби Чарльтон, Джаич — такому подбору звезд мог позавидовать любой тренер, И этим выдающимся мастерам должна была противостоять сборная «Динамо» и ее вратарь — Лев Яшин.

Придя на стадион задолго до начала этого необыкновенного состязания, я стал невольным свидетелем тех необычайно жарких споров, которые вели между собой болельщики. Я сам слышал, как некоторые из них говорили:

— Все заранее оговорено…

— Конечно, это не футбол, а спектакль. Но посмотреть интересно…

Другие стояли на том, что борьба будет настоящей, бескомпромиссной.

Кто же оказался прав? По-видимому, все же последние. Конечно, в этом поединке не было той ожесточенности, той нервозности, взвинченности, которые отличают официальные соревнования. Но футбол никогда не может быть спектаклем, даже если бы он оказался задуманным, как таковой. В футбол играют живые люди, спортсмены, и вид чужих ворот, провисшей за ними сетки, вид пригнувшегося голкипера зажигает их страстью, жаждой неугасимой борьбы, жаждой гола и победы.

Так и эта игра, дебют которой был исполнен в подчеркнуто академическом стиле, вскоре стала резко менять первоначальные ритмы и окраски.

Я смотрю в свой испещренный записями блокнот. 6-я минута: сборная «Динамо» в замедленном темпе начинает разыгрывать многоходовую комбинацию. Спокойно от линии своей штрафной движется с мячом Хурцилава. Внезапно он делает ускорение, и, словно соединенная с ним приводными ремнями, переходит на новый темп вся команда. Стремительно несется по краю Численко, быстро смещается вправо Хмельницкий. Серия передач. Кто-то из гостей допускает недозволенную жесткость в борьбе за мяч.

Штрафной подает Еврюжихин, Он производит не очень сильный, но весьма коварный удар. Мазуркевич, вратарь сборной мира, выйдя наперехват, не успевает дотянуться до резаного мяча. Зато на месте оказывается Хмельницкий, он только вынужден уйти, как говорят штангисты, в низкий подсед, чтобы ударить по летящему вдоль ворот мячу, и вот уже черно-белый

шар влетает в самую «девятку».

Через три минуты ветеран нашего футбола Сабо «выстрелил» по воротам метров с двадцати пяти. Мазуркевич, честно говоря, прозевал этот мяч. И вот уже счет 2:0.

Стадион, настроенный смотреть Яшина, находившийся до этого момента во власти какого-то оцепенения, вдруг сразу взорвался громом оваций, радостными возгласами, зашумел на все лады. Все вмиг переменилось и на поле и в сознании людей. Футбол стал футболом и ничем иным.

Такое бурное и успешное начало динамовцев можно очень легко понять: они испытывали необычайный подъем, ту особую приподнятость, как и каждый из нас в тот день, но они переживали это острее. Они жаждали победы, жаждали достойно защитить цвета клуба, в котором вот уже четверть века бессменно нес и несет свою вахту Лев Яшин.

Нетрудно объяснить некоторую растерянность, некоторую несыгранность, царившую в стане гостей. Собравшись из разных стран мира, едва успев провести одну тренировку, они, естественно должны были потратить какое-то время на то, чтобы найти взаимопонимание, найти «свою игру».

Счет 2:0 явился своеобразным ускорителем для решения этой задачи: у сборной было не только высокое индивидуальное мастерство, но и достаточно развитое чувство самолюбия. И, очутившись перед угрозой поражения, она как-то сразу, глубоко и сознательно определила ту точку опоры, с помощью которой ей предстояло, перевернуть ход состязания. Этой «точкой» был знаменитый Бобби Чарльтон.

Став добровольно у пульта управления, он, прирожденный и признанный диспетчер, быстро сумел придать машине нужный ход. Его исполненные глубокой мысли передачи настроили на одну высокую волну тактическое мышление команды и придали ей необходимый боевой задор.

И уже к середине первого тайма поединок приобрел всю естественную остроту и динамику настоящего футбольного состязания. И люди, утверждавшие, что все заранее, задолго до начала обговорено и что по этому договору наши ворота останутся «сухими» до тех пор, пока в них будет стоять юбиляр (право же, ортодоксы находятся всегда) — теперь поняли всю нелепость и необоснованность своих утверждений. Вопрос о «неприступности» динамовских ворот не зависел ни от уговоров, ни от благородства соперников, ни от их настроения или желания. Этот вопрос мог решать только один человек — Лев Яшин.

Очень скоро он доказал это всем нам. На острие атаки

сборной стоял знаменитый Мюллер — одни из лучших бомбардиров мира. Динамовцы прикрепили к нему Хурцилаву, дав этому признанному дуэлянту «персональное» задание, на помощь тбилисцу то и дело приходил киевлянин Соснихин. И все-таки неугомонный Мюллер не успокаивался.

19-я минута. Ловко обманув своих сторожей, немецкий футболист на какое-то мгновение освобождается от опеки и оказывается с мячом у самой линии штрафной площадки. Сильнейший удар сотрясает перекладину. Мяч отлетает к одиннадцатиметровой отметке, здесь его достает невесть откуда появившийся Чарльтон и, казалось, точно посылает в угол ворот.

— Гол! — выкрикнул кто-то.

Действительно, гол был просто неминуемым, ибо трудно было представить, что на этот удар можно среагировать, тем более человеку, которому уже больше сорока.

Но в том-то и состоит высшая прелесть спорта, что он всегда, день за днем, удивляет нас, открывая все новые и новые грани давно знакомого. Вот и сейчас, разве можно было не изумиться тому, с какой мальчишеской легкостью бросился Яшин наперерез опасности и предотвратил ее. Штапов, Хурцилава, Зыков поочередно подбегали к нему и сжимали в объятиях, а он очень корректно, но решительно отстранял своих товарищей. Он не любил нежностей на поле, никогда не признавал и не одобрял их. И решительным жестом он давал это понять своим товарищам.

Но запретить толпе восторженно приветствовать своего кумира он не мог. Это было ее право. И сто тысяч зрителей, встав, как по команде, со своих мест, сердечно и единодушно скандировали:

— Яшин! Яшин! Молодец!

— Яшин! Яшин! Молодец!

Он и впрямь выглядел молодцом, умеющим не покоряться предательскому времени. Прошло еще семь минут, и новый удар Мюллера распорол воздух. Мяч шел на уровне метра от земли, направленный в щель между штангой и распластавшимся в воздухе телом вратаря, но в последнее мгновенье Яшин буквально кончиками пальцев дотянулся до мяча и отвел его на угловой.

— Господи, молодые б так играли!— выкрикнула сидевшая двумя рядами выше женщина. Я посмотрел на нее, она вся была поглощена тем, что делалось в квадрате штрафной площадки. И так же, как мы все, отчаянно аплодировала Яшину.

Нет, этот последний матч был для прославленного вратаря ничуть не легче, чем все остальные, И в этом, вероятно, было его и наше счастье. Мы видели нашего великого вратаря в игре последний раз, и он оставался в наших глазах, в нашем сознании,

в нашей памяти таким, каким мы его знали всегда — молодым, уверенным, умеющим постоять за команду и за себя.

Чем большее расстояние проходила часовая стрелка по своему вечному кругу, чем длиннее становился ползущий за ней след из световых пятнышек, тем продуманнее, острее и, можно сказать, яростнее атаковала сборная. Потом, где-то в конце этой книги, я приведу высказывания тех, кто находился в этот момент на ее переднем крае, и вы, дорогие друзья, к которым я обращаю эти слова, поймете, что переживали в последние минуты последнего тайма Яшина его последние спортивные соперники.

Но как бы там ни было, счет 2:0 в пользу «Динамо» сохранился до самого перерыва. Конечно, в этом была заслуга не только одного Левы, как его любовно называют товарищи и все многочисленные поклонники — знакомые и незнакомые. Героически действовала защита, не жалели сил игроки средней линии, много, активно атаковали соперника форварды. Для многих динамовцев это была, особенно в первой половине, едва ли не лучшая их игра в жизни. И нечего объяснять, почему так произошло: каждому хотелось сыграть достойно яшинского юбилея.

Перерыв пролетел мгновенно. На поле вновь завязалась борьба. Никто не знал, что в этом не придуманном никем течении матча есть все-таки одна сценарная деталь.

На пятой минуте второго тайма, когда борьба за мяч шла где-то в середине поля, Лев Яшин поднял руку. Раздался свисток. Над трибунами повисла напряженная тишина. Только самые нетерпеливые, толкая соседей, шептали:

— Что там?

— Что произошло?

Но тут вездесущие фотокорреспонденты высыпали на поле, прежде чем Лев Яшин стал стаскивать со своих могучих ладоней истертые в сражениях перчатки. Потом на поле появился Володя Пильгуй, и тогда как иглой кольнуло в сердце: так это, значит, минута прощания!

Мы знали, что она настанет, что она неизбежна, и все-таки она ворвалась в этот праздник неожиданно.

Снова, в который уже раз, над бетонной громадой Лужников воцарилось молчание. Любопытство почти всегда сопутствует зрителю спортивных состязаний, но сейчас все продолжали оставаться на своих местах, словно всех нас придавила какая-то тяжесть. У женщины — той, двумя рядами выше — повлажнели глаза. Чтобы успокоить ее, сосед сказал:

— Ну, вот, он же не умирает…

— Чего говоришь-то. Не умирает, слава богу. А футбол без

него намного осиротеет.

Я до сих пор помню эти слова. Да, когда с поля уходят такие люди, сиротеет спорт. Он теряет что-то очень большое, что-то неповторимое.

От сознания этого нам всем было больно. Какую же неизмеримую тяжесть должен был испытывать в те минуты Лев Яшин. Не знаю, конечно, сколько самых различных чувств обуревали в тот миг ветерана. Но, вероятно, обнимая Володю Пильгуя, который вышел заменить его в воротах, Яшин очень завидовал ему. Может быть, он с удовольствием отдал бы всю накопленную за эти годы славу, все громкие имена и гордые награды, чтобы начать все сначала.

Но жизнь не спектакль, и в ней нельзя менять роли по собственной прихоти. Лучше всех это знал в тот миг сам Яшин. Он еще помедлил немного, словно желая отдалить то неизбежное, что ему сейчас предстояло, и вдруг решительно, не оглядываясь, под громовую овацию стадиона, прошел к проходу, ведущему в раздевалку.

Так он ушел, не пропустив гола в своем последнем матче, словно хотел остаться в нашей памяти, на последней странице своей истории «сухим» вратарем.

Матч сразу потерял свою прежнюю окраску, но, несмотря на это, а, может быть, именно поэтому борьба на поле разгорелась с новой силой. Все яростней, все продуманней становятся атаки гостей, словно они, не сумев поразить ворота Яшина, поставили перед собой задачу всерьез проэкзаменовать его преемника.

Яшин ушел на пятой минуте второго тайма. А еще через три минуты сборная мира испытала первое торжество. Атаки. Контратаки. Ярость борьбы. Радость нового успеха сборной. Все это пронеслось в каком-то едином, неудержимом вихре, игра была красивой — это бесспорно. И, вероятно, впервые в жизни все мы, поклонники нашей команды, ничуть не огорчились, когда второй мяч влетел в ворота. Мы даже где-то в тайниках своей души берегли желание, чтобы этот матч, исполненный красоты, благородства, высоких порывов, окончился вничью.

И вот уже судья вздымает к небу руки — время истекло. Но мы понимаем, что этот матч не может окончиться обыденно. Так оно и вышло. Команды, словно почетный караул, снова выстроились у Западной трибуны. Появился Яшин. Его не сразу узнали в элегантном, строго сшитом костюме, ведь многие видели его вне поля, вне борьбы первый раз в своей жизни.

Он подошел к микрофону и произнес слова, которые давно жили в его сердце:

— Спасибо тебе, моя страна! Спасибо тебе, мой пород!

Он сказал это с глубоким волнением и, подняв руки повернулся на четыре стороны, низко, по-русски кланяясь людям.

Потом подошли товарищи и подняли его на плечи, понесли по зеленому ковру футбольного поля, к воротам, которые он защищал в этом матче и в тысячах других.

А голос диктора, усиленный динамиками, разносил по стадиону слова, под которыми мог бы охотно расписаться каждый из нас:

— До свидания, Яшин! Пример твоей вратарской и человечесной надежности останется в истории нашего спорта. Он будет звать других к новым спортивным подвигам!

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПОСТАВЛЕННОЕ НЕ НА СВОЕ МЕСТО

В тот памятный день 1971 года я уходил со стадиона со своими друзьями. Среди них были известные в прошлом футболисты, чье мастерство, отвага, непреклонность явились в известной мере фундаментом, на котором выросло непревзойденное искусство артиста футбольного поля, чей бенефис мы только что отпраздновали.

— Так и хочется назвать его великим,— произнес отнюдь не склонный к восторженности заслуженный мастер спорта Анатолий Акимов.— Но у нас не любят, когда это определение употребляют со словом спортсмен.

«Великий спортсмен…» Действительно, очень многих коробит это сочетание. Но пора привыкнуть к этому определению, пора утвердить законность его существования. Спорт занимает такое же всеобъемлющее место в жизни современного общества, как, например, искусство. И, как в искусстве, в нем люди достигают великих свершений, чудес мастерства, создают неповторимые образы, глубоко проникая в существо исполняемой роли.

Мы искренне, с восторгом приветствуем танцовщика, взлетевшего над сценой в красивом и легком прыжке, выполнившего сложный пируэт, который всю глубину чувств передает нам в сложных и предельно простых движениях. А разве не достоин восхищения юноша, взмывающий над планкой на такую высоту, на которую не поднимался еще ни один человек в мире? Разве рекорды, поставленные им, потребовали меньше талантливости и труда, чем роль, исполненная героем сцены?

Сама жизнь уже ответила на эти вопросы. В Финляндия сорок лет назад был поставлен памятник знаменитому бегуну Пааво Нурми рядом с памятником безымянным создателям «Калевалы». В национальном музее в Осло вы увидите портрет Эдварда Грига и почти рядом портрет Хауга Торлейфа, знаменитого лыжника, выигравшего в Шамони три золотые олимпийские медали. И никого не удивляет это соседство: оба они, каждый по-своему, выразили достижения норвежской национальной культуры. В Англии футболисту Стэнли Мэтьюзу был дан титул лорда и вручен орден «Британской империи», которого до этого удостаивались только самые знаменитые поэты, художники, актеры, музыканты…

Прощальный матч Яшина, с описания которого я начал эту

книгу, знаменателен тем, что и мы воздаем должное нашим спортсменам, самым лучшим из них. Не только, когда они побеждают — устанавливают рекорды, завоевывают медали, — но и тогда, когда они уходит из большого спорта, становясь его прошлым.

Прошлое… Былое… В них заключены неисчерпаемые моральные и материальные силы. Древние римляне не зря обожествляли Януса. У Януса было два лица не потому, что он был двуликий, как часто говорят даже весьма просвещенные люди. Нет, он был мудрым: одно его лицо всматривалось в будущее, другое было обращено к прошлому. И это позволяло ему всегда оставаться сильным. Это относится к жизни вообще и к спорту — в частности.

Вот почему, мне кажется, мы должны стараться оставить в сердцах нашей молодежи, в сердцах грядущих поколений память о выдающихся мастерах всех футбольных эпох. Мы должны заботливо и терпеливо рисовать портреты героев, чтобы на их примере звать к свершению новых чудес наших детей.

На протяжении долгих лет эту работу выполняло за нас (как это ни печально признавать) устное, самодеятельное народное творчество. Из уст в уста, из поколения в поколение передавались и передаются взволнованные, отличающиеся редкой образностью, сочностью краток, обилием деталей рассказы о неотразимых ударах Михаила Бутусова, о филигранной технике Петра Дементьева, о непревзойденной виртуозности Федора Селина… Правда, признаемся, далеко не всегда эти рассказы отличаются точностью и скорее похожи на легенды, нежели на устную документальную повесть. В этом их главный и весьма существенный недостаток.

Но на смену устному творчеству все чаще и чаще приводит книга — более надежный и фундаментальный хранитель истины и более активный пропагандист. В последние годы паши издательства все больше выпускают книг о спорте.

Среди них выделяются книги, написанные рукой самих спортсменов. Нужно ли доказывать их особую ценность: кому, как не самому герою, лучше знать тайны своего мастерства, кто лучше может объяснить свои поступки, свои успехи и промахи.

Но этот жанр имеет и существенный недостаток: естественная скромность не позволяет авторам останавливаться на своей персоне, перечислять, а тем более оценивать свои поступки и заслуги. Поэтому получил распространение второй жанр спортивной книги — книги о герое. Такая литература тоже все чаще и чаще появляется на книжных полках.

Но в этом все нарастающем потоке спортивной литературы

нет пока ни книги Яшина (а ее ждут многочисленные болельщики), ни книги о Яшине. Да, как это ни парадоксально, о Льве Ивановиче написано огромное количество риторических очерков, зарисовок, статей, а книги, которая как-то обобщала бы его творческий путь, его опыт, воссоздавала его образ, еще нет.

Автор делает первую попытку исправить этот недостаток. Но перед тем как отдать свое произведение на суд читателей, я должен рассказать, как оно было задумано и появилось на свет.

Десять лет назад я сел за книгу о вратарях, которая вышла в 1965 году под названием «Повесть о вратарях». В футбольной команде одиннадцать человек, и каждый из них «держит» свое место и играет ответственную роль. И только вратарь — фигура исключительная. Дело, конечно, не в его особых правах, а в особых обязанностях. Ему доверена святыня команды — ее ворота. Он отвечает за неприступность их. Его уверенную и хорошую игру чаще не замечают, но любая неточность или оплошность на виду, вырастая порой в глазах болельщиков до размеров бедствия.

Но не только исключительность роли вратаря толкнула меня написать книгу. Был еще один довод — более весомый. Изучая историю мирового футбола, и пришел к выводу, что ни одна другая страна не дала миру такого созвездия блестящих стражей ворот, как Россия. В самом деле, Испания гордится своим неповторимым Заморой, Чехословакия — Планичкой, Бразилия — Жильмаром, Англия — Бенксом… А наших игроков — Николая Соколова, Анатолия Акимова, Алексея Хомича, Леонида Иванова — называли лучшими вратарями мира самые признанные авторитеты. Да и не только их. Мне кажется, что издавна бытовавшее в игровом лексиконе слово «голкипер» прочно уступило место исконно русскому «вратарь» в знак уважения к нашим мастерам и преклонения перед советской вратарской школой.

Так или не так, а книга была написана. Она состояла из восьми очерков, и последний был посвящен Льву Яшину.

Через некоторое время я стал получать на нее отклики читателей. Среди них было письмо доктора исторических наук Бориса Николаевича Турушина, Написав много хороших, теплых слов, мой адресат заключал:

«Пожалуй, несколько беднее других выглядит очерк о Яшине. Вы смотрите на него только своими глазами — теми же, которыми смотрим на него и мы. Отсюда у литератора и читателя одна точка видения, часто совмещающая наши представления об этом человеке. А как бы было хорошо, если бы вы нам помогли увидеть Леву глазами тех, кто сражался против него или рядом с

ним…»

Я читал это письмо поздним осенним вечером. За окном лил холодный дождь, навевая тоскливое настроение. В конце письма стоял номер домашнего телефона его автора. Родилось желание позвонить. Я снял трубку. На другом конце линии энергичный мужской голос произнес:

— Я слушаю!

— Борис Николаевич?

— Да-да…

— Хочу сказать нам большое спасибо. Вы подсказали мне идею любопытной книги…

Я решил воспользоваться счастливым советом. Я разослал письма в различные страны — в Англию, Бразилию, Венгрию, Италию, Югославию, Болгарию…

— Смешная затея,— подтрунивали надо мной друзья.— Что ты, не знаешь «звезд»? Ну кто тебе ответит хоть слово?!

Не скрою, я не считал такие заявления оскорбительными для «звезд». Я готов был согласиться с мнением моих товарищей. Тем более что я не знал адресов тех, к кому обращался, и посылал свои просьбы в конторы футбольных федераций. Тем большим чудом показалось мне то, что ни один запрос не остался без ответа. Ни один! Прислал его легендарный Пеле, прислал удивительный сэр Стэнли Мэтьюз, могучий Буцек и многие другие.

Письма… Драгоценный человеческий материал. Но не только они составили материал этой книги. Когда мои товарищи и коллеги отправлялись на мировые чемпионаты и другие крупнейшие международные турниры, я умолял их привезти мне интервью с кем-нибудь из тех, кого я еще «не достал». И мне хочется сказать большое, сердечное спасибо Анатолию Акимову, Александру Кулешову, Александру Доброву, Леониду Прибыловскому, которые привезли мне из различных частей света много ценного сырья для этой книги. Ну, а когда предоставлялась счастливая возможность, я добывал это сырье сам.

Так день за днем, год за годом накапливался материал для задуманной книги. И вот она написана. Я ставлю под ней свою подпись и должен, конечно, присовокупить имя своего сына — Михаила Горянова, написавшего десятки инеем на английском языке и выполнившего такое же количество обратных переводов.

Хочу надеяться, что эта первая книга о Яшине не останется последней. Жизнь и дела этого человека заслуживают того, чтобы мы постоянно и всесторонне напоминали о нем нашей молодежи. Всесторонне! А в этой книге вы найдете лишь одну грань: оценку

его мастерства.

Ознакомившись с ней, вы, может быть, спросите:

— Откуда оно у него? Что породило это высшее искусство?

На этот естественный вопрос лучше всего ответил сам Яшин. В одной из своих статей он писал:

«…Хочу сделать одно общее замечание, высказать свое кредо в оценках, разъяснить, что я вкладываю в понятие «игрок международного класса», «гроссмейстер современного футбола».

Как ни парадоксально это будет звучать, первое условие — наличие большой любви к игре итого, что поэты называют вдохновением. Только тот, кто способен годами сохранить трепетность ожидания каждой встречи, для кого, несмотря на ранги, звания, заслуги, опыт, любой матч — это праздник, радость, кто до последнего дня сохраняет в себе мальчишескую жадность к мячу — только тот достигает настоящих высот. Ибо футбол весь соткал из творчества и не терпит ремесленничества ни в каком виде.

На второе место я ставлю технику. Но она непременно должна сочетаться с высокими бойцовскими качествами, огромной работоспособностью, выносливостью и скоростью.

И еще одно, может быть, самое главное: интеллект. Большой мастер должен быть мыслителем, уметь непрестанно думать на поле, правильно оценивать тактическую обстановку, делать, подобно шахматным гроссмейстерам, самые сильные, самые неожиданные, самые острые ходы. Примитивность тактического мышления способна свести на нет многие другие достоинства».

Повторяю: это слова Яшина, объясняющего, каким он видит сегодня игрока международного класса, футбольного гроссмейстера XX века. Но в то же время — это, несомненно, в какой-то мере и автопортрет. Потому что все лучшие черты мастеров современности блестяще соединились в Яшине, стали органическими чертами его характера.

Об этом говорят самые авторитетные судьи — его учителя и его соперники. Об этом — моя книга. Книга-новелла о великом вратаре.

«ТЫ СОЗДАН ДЛЯ ФУТБОЛА»

Этого человека знают все и почти всё о нем. Он пришел в наш большой спорт более тридцати лет назад, был другом и партнером знаменитого Григория Федотова и футбольной команде «Металлург», с 1936 года выступал за столичное «Динамо», еще до войны, вместе со своими товарищами, завоевывал звание чемпиона СССР по футболу и был признан одним из лучших полузащитников страны. Давние дружеские узы связывают его с Михаилом Якушиным, Василием Трофимовым, Вместе с ними он сражался на ледяных полях, защищая цвета столичного «Динамо» в русский хоккей.

И история шайбы тоже связана с именем этого человека: он был первым игроком и тренером первого чемпиона страны по хоккею с шайбой, создавал и растил первую сборную страны, довел ее до первого в нашей истории мирового чемпионата и обеспечил выигрыш его. Участвовал в первом олимпийском экзамене, который был выдержан на самую высокую оценку. И во всех остальных официальных турнирах, где росла и мужала год от года наша хоккейная слава.

В 1948 году за выдающиеся успехи на футбольных полях ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта, а через восемь лет за блестящие достижения хоккеистов, которыми он руководил,— звание заслуженного тренера СССР.

Это знают миллионы связанных со спортом людей. Но я знал то, что известно очень немногим: Аркадию Ивановичу Чернышеву принадлежит несомненная честь открытия Льва Яшина. Когда я сказал об этом одному из моих товарищей журналистов, правда, пришедшему в спорт уже в середине пятидесятых годов, он воскликнул:

— Не может быть! Как же это произошло?

Вот на этот, безусловно, любопытный вопрос я и попросил ответить самого автора «находки».

* * *

— Сейчас,— начал Аркадий Иванович,— невозможно даже подумать о том, чтобы один и тот же человек тренировал и хоккеистов, и футболистов, А в конце сороковых это было

обычным явлением. И педагоги и игроки легко делили свою любовь между тем и другим, Да оно и понятно: «шайба» только входила в моду, хоккейный сезон длился не более полутора месяцев, а учебно-тренировочный сезон и того меньше. Так что времени хватало на все.

Вот почему я охотно принял предложение руководства клуба тренировать молодежную команду «Динамо». Дело это казалось мне очень интересным, перспективным, кожаный мяч я тогда, признаюсь, любил куда больше, чем шайбу.

Приняв команду и попробовав ее в нескольких товарищеских играх, я увидел, что «материала» для создания хорошего коллектива не хватает — нужны были одаренные нападающие, выносливые, работоспособные полузащитники. Сейчас, к сожалению, такие проблемы зачастую решаются быстро: ищут «варягов», комплектуют команды игроками, привезенными из других городов.

Тогда постановка была иная и, к слову сказать, дай-то бог к ней вернуться: футбольная Москва «питалась» москвичами. Наверное, поэтому и силенки у нее тогда было куда побольше.

Действуя по тому же принципу, что и все мои коллеги, я стал посещать соревнования низовых коллективов, чтобы там отыскать нужных для команды игроков.

В один из обыкновенных июньских дней я пришел на стадион «Локомотив» на Ново-Рязанской улице, где хозяева поля встречались с одним из наших райсоветов в товарищеском матче тремя командами.

В воротах одной из динамовских дружин я увидел высокого, худого, не очень ладного паренька, И стал наблюдать за ним. Не подумайте только, ради бога, что здесь сыграла роль интуиция. Мое любопытство объяснялось совсем иным.

С юношеских лет люблю высоких вратарей. Считаю, что для человека, поставленного защищать футбольные ворота, хороший рост обязателен. Все вратари, которых я, еще выступая на зеленых полях, принимал за идеал, отвечали атому требованию — Анатолий Акимов, Владислав Жмельков, чуть позднее Володя Никоноров. Конечно, бывают исключения, но именно исключения, не более.

Высокий парень в воротах. Он меня, естественно, привлек. Но как нарочно, в этом разряде динамовцы оказались на голову сильнее своих соперников, и долговязый почти не вступал в игру. Я записал в блокнот несколько фамилий — из форвардов и полузащитников — и пошел размяться, чтобы потом посмотреть следующий матч.

Когда судья вызвал очередную команду на поле, мне

показалось, что у меня галлюцинация: в воротах первой динамовской команды стоял тот же паренек. Или, во всяком случае, его двойник. Спросить, в чем тут дело было не у кого: состязание носило товарищеский характер, и тренер, дав ребятам общие установки на игру, отбыл по своим неотложным делам.

На этот раз соперник нашим попался позубастее, и уже на десятой минуте долговязый пропустил мяч, посланный примерно с одиннадцатиметровой отметки. Он довольно точно отреагировал на удар, но взять мяч не смог, как, наверное, не смогли бы и десятки других вратарей классом выше.

Однако защитники были иного мнения и стали обвинять паренька в свершившемся, жестикулируя и ругаясь. Будь я или кто другой на месте этого злосчастного голкипера, непременно начал бы спорить, огрызаться. А этот спокойно стоял и слушал гадости, которые ему выкрикивали в лицо. Казалось, в этом потоке трескотни и оскорблений он пытался уловить что-то важное для себя.

Не знаю, может быть, это теперь уже приходят мне подобные мысли, но несомненно одно: кроме роста, меня привлекли в этом парне его удивительная невозмутимость, олимпийское спокойствие. Я знал по опыту, что именно в таких «тихонях» часто таится огромный запас взрывной энергии, делающей их реакцию молниеносной. Правда, подтверждения своей концепции я в тот раз так и не получил. Видимо, упреки защитников сделали свое дело: как ни сдерживался внешне парень, расстроился он, наверное, здорово и пропустил еще три легких мяча.

К счастью, спешить мне было некуда, я дождался конца состязания и пошел в раздевалку. Приглянувшийся мне мальчишка собирал свои вещи как ни в чем не бывало.

— Это ты стоял в предыдущем матче? — спросил я его.

Он молча кивнул головой и продолжал укладывать чемоданчик.

— Что же так, две игры подряд? — допытывался я.

— Значит, надо…

«Не очень разговорчивый»,— и я решил сразу перейти к делу,

— Как твоя фамилия?

— А зачем? — задал он в свою очередь вопрос.

Я назвал себя и объяснил цель своего прихода. И вдруг увидел, как юноша буквально на глазах преобразил он. Равнодушие мгновенно слетело с его лица, оно все сияло надеждой, ожиданием и в то же время неверием в возможность того, что ему предлагали.

— А как мне вас разыскать?— наконец спросил он.

— Стадион «Динамо» знаешь?

— Еще бы,— улыбнулся он,— я ведь возле него вырос.

— Левка,— заторопили его товарищи,— ждать не будем. Поторапливайся,

— Ну, давай собирайся. Только вот фамилию свою все-таки назови.

— Яшин,— весело протянул он,— Лев Яшин.

Так почти четверть века назад я записал эту фамилию в блокнот. Мог ли я предположить, что пройдут годы и ее будут знать и благоговейно произносить знатоки и любители спорта во всем мире.

Через несколько дней на тренировочном поле Малого стадиона мы проводили очередное занятие молодежной команды. По обыкновению я пришел примерно за час до назначенного срока, чтобы решить необходимые вопросы по работе, заполнить документацию, еще раз продумать план урока. Поле было еще пустынным, только у дальних ворот два босоногих мальчишки сильно и метко били по мячу. Я взглянул чуть повыше и… обомлел: в воротах стоял Лев Яшин. Я подозвал его.

— Давно пришел?

— С утра,— произнес он как ни в чем не бывало. А потом прибавил доверительно,— чтобы не опоздать.

— Как же тебя не выгнали отсюда?

— А я сказал, что принят в молодежную команду. Они и поверили.

— Ну что ж, сказал ты правильно. Только работать надо в меру. А то, чего доброго, загонишь себя,

— Да вы не беспокойтесь, я двужильный,— пробасил он, и эти его слова, поверьте, запомнились мне на всю жизнь.

Вскоре я увидел, что он действительно вроде двужильного: раньше всех приходил на тренировку, а занимался всегда с каким-то неподдельным вдохновением, с полной самоотдачей. Причем охотно соглашался на любую роль: нужно заменить защитника — заменит, нужно стать в передней линии — станет.

Однажды мы встречались с молодежной командой «Спартака», вратарей у нас, как и положено, оказалось двое (одного звали Виктором, фамилию его вспомнить не могу, но играл он тогда явно сильнее Яшина), а в нападении организовался прорыв: человека три из заявленного состава не смогли прийти — были заняты по службе.

— Лева, поиграешь впереди? — спросил я.

— С удовольствием,— ответил он. И еще раз повторил: — С удовольствием.

В тот день мы выиграли со счетом 3:2, и все три гола в ворота соперников забил наш запасной голкипер. Помня, с каким жаром

он согласился на роль форварда, я подумал тогда, что играть в линии атаки его мечта. И спросил его об этом.

— Нет,— сказал он твердо,— хочу быть только вратарем.

— А почему же говорил «с удовольствием», когда я тебя посылал в нападение?

— Аркадий Иванович, я действительно с радостью использую каждую возможность побыть в линии атаки, в полузащите, сыграть в обороне. Думаю, для того чтобы стать хорошим вратарем, нужно отлично знать психологию каждого полевого игрока.

Я не был еще уверен тогда, что Лева станет хорошим стражем ворот, но меня поразила глубина и широта его мышления.

После этого разговора молодой нескладный солдат (в военной форме первое время Яшин казался мне очень смешным) стал интересовать меня все больше и больше. Я часто оставлял его после тренировки и расспрашивал о жизни.

Я узнал, что Лева родился в дружной рабочей семье. Отец его коммунист, шлифовщик по профессии, считался хорошим специалистом, о нем всегда с гордостью и большим уважением говорили товарищи, Иван Петрович отличался верным глазом, степенностью и, как отмечали все, кто его знал,— рабочей честностью. Интересы страны, интересы завода для него всегда превыше всего.

Шла Великая Отечественная война. Каждый человек в тылу ценился на вес золота. И едва сыну исполнилось 14 лет, отец привел его на завод, где трудился сам.

— Время сейчас такое, сынок, что каждый свой камушек должен положить в здание общей победы.

И мальчишка старался. За какой-нибудь год вышел из учеников, стал самостоятельно работать слесарем на сборке. Прошло еще немного времени, и на его участке укрепил и красный флажок — свидетельство того, что здесь работает человек, регулярно выполняющий и перевыполняющий производственные нормы.

Отец учил его: работа всегда главное для человека. И сын доказывал, что усвоил эти уроки. Однако, что ни говори, трудно в пятнадцать лет стать совсем взрослым. И как только предоставлялась возможность (понятия «смена» в точном смысле этого слова тогда не существовало), Лева не без радости покидал душный цех и несся играть в футбол.

Сначала он с такими же подростками, каким был сам, гонял мяч на пустыре, прилегавшем к заводскому стадиону, но вскоре началась Спартакиада, в цехе стали создавать свою команду и Леве предложили пост вратаря.

Он сразу полюбил свою определившуюся футбольную профессию. Ему нравилось взять, вытащить из угла какой-нибудь особенно трудный мяч и посмотреть в раздосадованное лицо чужого форварда. Он все больше входил в свою спортивную роль, и вскоре на заводе о нем стали говорить:

— Играет, как работает!!

Я специально привожу и особенно подчеркиваю эти слова. Несомненно, в становлении Яшина-спортсмена колоссальную роль сыграла его «рабочая косточка», его с детства привитая, любовь к труду, высокое чувство ответственности за любое дело, которое ему поручено.

Жизнь все больше подтверждала мои выводы. Если я давал какое-нибудь задание на тренировке, то никто не выполнял его старательнее и серьезнее Левы,

Помню один, уже курьезный, случай, который помог мне увидеть «железную» дисциплинированность моего ученика. Как-то в один из дней, когда тренировка подходила к концу, Яшин попросил:

— Аркадий Иванович, побейте мне немножко по воротам.

Но в это время прибежал посыльный от председателя общества, сказав, что тот меня вызывает к себе, Я пошел.

— А я как же? — умоляюще спросил Яшин.

— Освобожусь, приду. Но уж тогда берегись!

— Обязательно придете?

— Конечно!

Увы, дело, по которому меня вызвал председатель, оказалось сложным и, главное, срочным. Председатель нервничал, стал нервничать и я. За спорами, работой, телефонными разговорами совсем забыл о своем обещании. Переоделся, уж уходить собрался, вдруг меня кто-то окликает: ребята задержались после тренировки.

— Ну, все в порядке?

— Да вроде бы.

— Что ж, до следующего раза,— пожелал я им доброго пути.

И вдруг кто-то с укоризной мне говорите

— Аркадий Иванович, а вас там Лева ждет.

— Да вы что, ребята, шутите? Ведь уже третий час пошел, как меня вызвали. Неужели не догадался?

— Дак ведь и мы ему то же самое твердим. А он ни в какую…

Я вернулся в раздевалку, быстро натянул тренировочный костюм и пустился трусцой к игровому полю. Лева как ни в чем не бывало вгонял мячи в пустые ворота.

— Не устал? — крикнул я.

— Нет.

— Извини, дела задержали,

— Так я и понял. А ребята говорят — не прядет. Чудаки.

Тогда мы тренировались с ним до глубоких сумерек, испытывая, кажется, взаимное удовольствие от этих минут. Я старался быть максимально точным и посылать не очень сильные, но «интересные» мячи. Яшин, казалось, приобрел невесомость: так здорово, заворожительно носился он из угла в угол.

Этот случай очень сдружил нас, а меня заставил обратить на своего подопечного более серьезное внимание. Я стал давать ему задания по акробатике, заставил заниматься легкой атлетикой, особенно прыжками и спринтом. Не было ни одного случая, чтобы он от чего-нибудь отказался или что-либо выполнил не так.

Я уже говорил, что основным вратарем молодежной команды считался в ту пору Виктор — очень техничный, ладный спортсмен, но ужасно несимпатичный как человек. Ребята называли его «пижоном» (может быть, именно поэтому я не помню его фамилии) за страсть к сверхмодным нарядам ярких цветов, к различным мещанским безделушкам. Виктор откровенно стал «задирать нос», однажды перед официальным матчем он потребовал, чтобы я отменил свое решение по составу и поставил угодных ему защитников. Ни на минуту не задумываясь, я отрезал:

— Сегодня в воротах будет играть Яшин.

Лева в тот раз удачно отстоял «вахту», не заставив меня пожалеть о столь мгновенно принятом решении. И в последующих матчах защита ворот поручалась ему. Не скажу, чтобы его действия были стабильными. Случалось, он допускал серьезные ошибки и досадные промахи, но в общем играл не хуже других, А главное — всегда умел трезво оценить свои ошибки. Он приходил ко мне на следующий день после очередного поединка и подробно рассказывал, как — в его видении — был забит гол, в чем виноват он лично, а в чем нет. И, сделав этот своеобразный доклад, спрашивал всегда:

— Правильно я говорю?

Зимой Лева тренировался с нами в хоккей. Я несколько раз пробовал уговорить его поиграть в поле, в линии обороны, где его высокий рост и неизменно возраставший вес могли стать весьма существенными аргументами в борьбе с соперниками. Но он проявлял завидную твердость, повторяя одно и то же:

— Я уж лучше постою в воротах…

В хоккейной команде мастеров в ту пору этот пост был доверен К. Лииву — спортсмену опытному, с прекрасным пониманием сути игры, имевшему достаточно высокий для того времени «стаж». Лииву довелось какое-то время играть в «шайбу»

в Прибалтике, когда у нас о ней еще не знали. Я не скрывал от Левы, что здесь ему будет пока трудно пробиться на первые роли, но он отвечал с подкупающей откровенностью:

— Мне, Аркадий Иванович, важно играть, а первым или вторым, это, в конечном счете, не имеет значении…

Хоккей с шайбой ему нравился. Да это и не мудрено: как всякий московский мальчишка, он отлично стоял на коньках, любил сражения на льду, в детстве и юношестве много погонял мяч. К тому же такие качества, как быстрота реакции, предельное внимание, прыгучесть заставляли меня и Василия Дмитриевича Трофимова, с которым мы вдвоем тренировали тогда команду, смотреть на Леву все серьезней и в хоккейном плане. Именно мастерство и самоотверженность Яшина во многом, помогли нам 12 марта 1953 года выиграть финальный матч III Кубка СССР по хоккею с шайбой у команды ЦДСА со счетом 3:2. Все газеты в ту пору отметили прекрасную игру Яшина в хоккейных воротах, и один из ведущих наших обозревателей обещал ему на этом поприще большое будущее. Но судьба его была решена год назад. И вот при каких обстоятельствах.

Еще в пятидесятом году я назвал фамилию Яшина моему старому доброму другу Михаилу Иосифовичу Якушину, который в ту пору был старшим тренером футбольной команды мастеров московского «Динамо».

Опытный педагог, горячо любящий молодежь, Якушин охотно согласился принять и попробовать Леву в играх. Он даже, в силу особо сложившихся обстоятельств, выставил его уже в сезоне 1950 года на официальный матч против московского «Спартака», что по тем временам было у нас футболом высшего ранга. Лева сыграл неплохо, конечно, не без ошибок, что вполне объяснимо для дебютанта. Но в коллективе имелись такие вратари, как Хомич и Саная, и потому молодому человеку посоветовали посидеть на скамейке.

— Понимаешь,— откровенно говорил со мной Якушин,— настораживает меня игра этого паренька. Данные, действительно, отличные, да уж слишком часто и нерасчетливо выбегает. Да и в дубле, случается, мячей по пять за одну игру пропускает.

Действительно, иногда получалось черт знает что. Как-то в Гаграх, во время тренировочного матча, Лева выдвинулся к самой границе штрафной площадки. Вратарь волгоградского «Трактора» сильно выбил, мяч подхватило ветром, и он, под смех болельщиков и сдержанные улыбки товарищей по команде, очутился в воротах. Другой раз, выступая за «дубль», Лева вышел наперехват, а нападающий соперников не отдал пас, срезал угол и забил гол в пустые ворота. В следующем матче такая ситуация

повторилась еще дважды.

Это, естественно, вызывало у всех, в том числе и у меня, серьезные сомнения, хотя (не примите это за хвастовство) где-то в глубине души я верил в способности Яшина. Но нужны были факты, веские доказательства, подкрепляющие мое предчувствие. И они скоро появились.

Летом 1952 года молодежная команда «Динамо» вышла в полуфинал кубка Москвы, где жребий свел ее с нашей первой клубной командой. Могу заверить вас, что это был очень сильный коллектив. В нем выступали тогда многие спортсмены, только покинувшие команду мастеров — Иван Станкевич, Василий Трофимов, Сергей Ильин, ваш покорный слуга… И ни мы, никто иной не сомневались, что молодым не устоять.

Хорошо помню, как уже в раздевалке (чего уж теперь греха таить), рассуждая о матче, мои товарищи особенно уповали на ненадежность Яшина, который занял место в воротах молодежной.

— Как начнем, надо сразу его издалека пощупать…

— Только представится возможность, сразу бейте, ребята.

— Да тут лишь бы попасть, да чтобы посильнее,

Я не вмешивался в общий хор, но думал о том, что если Лева и впрямь сыграет в этой встрече неважно, его авторитет значительно упадет: ведь посмотреть сражение «старых» и молодых пришли руководители общества и все, кто в той или иной степени имел отношение к динамовскому футболу. Да и не только динамовскому. А уж болельщиков собралось столько, что сегодня бывает меньше на самом «гвоздевом» состязании в высшей лиге чемпионата страны.

Молодость есть молодость. Наши соперники начали игру с задором, с огоньком, но опытная наша оборона отбила несколько острых атак, и все мы очень искусно стали сбивать темп и постепенно перевели состязание в выгодное для нас русло.

И вот мы все чаще и чаще подходим к воротам «красных» (по жребию они надели такие футболки). Наконец, следует неожиданный отрыв Карцева, и этот форвард, перед которым буквально дрожали лучшие вратари, своим сильнейшим, резким ударом посылает мяч в верхний угол. «Гол!» — пронеслось в сознании. Но к моему и, конечно же, всеобщему изумлению Лева, угадавший направление полета мяча, в четком броске перевел его на угловой.

Что ж, бывает. Мы продолжали спокойно разыгрывать комбинации, выводя на свободные места наших признанных бомбардиров. Однако все их удары Яшин отражал, а острые передачи перехватывал на выходах.

— Что это «журавль» разыгрался? — спросил кто-то не без злости в раздевалке.— Еще глядишь, чего доброго, и не пробьешь его…

Мы, действительно, не смогли в тот день пробить ворота молодых и проиграли 0:1. Я, знавший Яшина уже несколько лет и твердо веривший в его талантливость, не представлял себе, что он может так сыграть. В том матче он обогнал самого себя на несколько лет вперед и показал класс игры, к которому пришел много позже. Он играл вдохновенно, словно желая доказать всем, что от него можно ожидать в будущем.

В раздевалке я подошел к нему его поздравить:

— Ну, Лева, свидетельствую во весь голос: ты, брат, рожден для футбола. И только для него!

В тот же день я сказал Михаилу Иосифовичу:

— Бери его по-настоящему в команду мастеров. Не ошибешься!

Прошел год, может быть, два, и он твердо утвердился в ее основном составе.

«ПУСТЬ ДЫШИТ ВРАТАРСКИМ ВОЗДУХОМ!»

Весной 1945 года, где-то на подступах к Праге, я получил письмо от старого фронтового товарища, тяжело раненного на Висле и отправленного в тыл, гвардии капитана, мастера спорта Андрея Ведерникова. Письмо это хранится у меня до сих пор, и я часто цитирую его. Вот и сейчас хочу привести из него небольшой, но очень любопытный отрывок:

«…Теперь о делах футбольных. Они, видимо, не очень «дойдут» до тебя в той сутолоке и боевой суете, что происходит сейчас. Но ведь все-таки «не войной единой» занят человек.

Так вот, недавно поковылял я на своих костылях в Химки. Смотрел товарищеский матч «Динамо» — «Торпедо». Впечатление такое, будто войны не было, будто она, проклятая, не унесла среди других жертв и сотен прекрасных футболистов: играют здорово. Может быть, даже лучше, чем в сороковом.

Особенно понравился мне динамовский вратарь. Он хоть и пропустил три мяча (0:3 — мы проиграли), но стоял великолепно. Знаешь, я такого еще и не видел. Среднего роста (примерно, с Ивана Станкевича, помнишь?), коренастый, с чуть выступающей вперед челюстью, он сначала не производит особого впечатления. Но в игре, скажу тебе, неповторим. Мертвая хватка, отличный прыжок и прямо-таки непостижимая реакция. Не человек, а тигр…»

Так, далеко от Москвы, в боевых порядках наступающих советских войск впервые я услышал эту кличку применительно к Алексею Хомичу — кличку, которую несколько месяцев спустя присвоила ему футбольная Англия, назвавшая нашего соотечественника одним из лучших вратарей мира.

Хоть я не люблю, когда знаменитых спортсменов наделяют сенсационными кличками, но прозвище «Тигр», мне кажется, очень шло к Алексею Хомичу, точно передавало своеобразие этого спортсмена; его недюжинную силу, чувствовавшуюся в каждом движении, особую настороженность, готовность в любую минуту к прыжку, к броску за мячом.

Алексей Хомич принадлежит к тому поколению советских спортсменов, чьи лучшие годы «украла» война. В сороковом году он показал отличную игру на зеленых полях, а в сорок первом, как и тысячи его сверстников, был призван в армию и нес вахту в наших частях, находившихся на охране важнейших боевых

коммуникаций. В свободное время здесь часто играли в футбол. И Алексей, стараясь участвовать во всех тренировках и соревнованиях, поддерживал всячески свою спортивную форму.

Вероятно, это помогло ему весной сорок пятого быстро «вписаться» в команду мастеров прославленного московского «Динамо». А осенью того же года родина футбола Англия назвала его чудо-вратарем.

Когда пришла пора расстаться с вратарской должностью, он не оставил зеленое поле, а лишь чуть переместился на нем. Раньше мы его привыкли видеть в воротах, теперь он оказался за ними, с фотоаппаратом в руках. И не было ни одного матча в нашей столице, который бы он не увековечил па пленке.

Молчаливый, необычайно скромный человек, Хомич, к сожалению, редко говорит о себе и о других. А ведь ему-то есть что поведать людям.

Часто мы начинали с Алексеем Петровичем беседы о Яшине, и он, словно неохотно, сообщал мне каждый раз все новые и новые сведения о своей малоизвестной широкому кругу стороне жизни. Когда я прочитал ему все, что накопилась в блокнотах (увы, не так уж и много), он удивленно покачал головой:

— Ого, какой рассказ получился!

С этим рассказом я и познакомлю вас сейчас.

— Первый раз я увидел Леву зимой 1949 года у Восточной трибуны московского стадиона «Динамо». Он стоял, положив руку на перекладину хоккейных ворот и держа в другой широкую вратарскую клюшку. Одетый в доспехи, он выглядел прямо-таки великаном на фоне маленького, окрашенного в красный цвет металлического квадратика, который ему было поручено защищать.

Началась игра. День выдался яркий, солнечный, ослепительно сверкал лед, играла музыка, и уходить со стадиона не хотелось. Я стал следить за тем, что происходит там, за бортиками, и постепенно кипение схватки захватило меня. Особенно привлекал мальчишка, защищавший ворота нашей динамовской команды.

Играл Лева Яшин старательно, смело и очень решительно, но мне казалось, что ему тесно на ледяном пятачке. «Этому парню стоять бы в настоящих воротах — в футбольных»,— мелькнула почему-то мысль.

Каково же было мое удивление, когда месяца через два (мы уже занимались на крытых теннисных кортах), ко мне подошел Михаил Иосифович Якушин, подталкивая того самого «верзилу», чьей игрой па ледяном поле я недавно откровенно восхищался.

— Будет у нас стажироваться,— сказал тогда старший тренер,

ничего к этому не добавив.

В Москве мы тренировались около месяца, но так получилось, что познакомиться с ним ближе не смогли. Новички занимались в другую смену, а после тренировки каждый спешил по своим делам: кто домой, кто в казарму. Потом отправились на учебно-тренировочный сбор. Обычно на сборах и в поездках я жил в одной комнате с Вальтером Саная — моим напарником по игре в основном составе. Но на этот раз получилось по-иному. Меня вызвал к себе Михаил Иосифович и сказал:

— Леша! Будешь жить с Левой Яшиным.— И, увидев мое недоумение, пояснил: — Так надо, дружище. Пусть он все время дышит вратарским воздухом. И видит во сне вратарские сны. Уж ты, пожалуйста, позаботься об этом! Хорошо?

— Да…

— Что тянешь? Парень хочет играть в воротах. У него для этого все есть: и рост отличный, и руки цепкие, и, как лопата, ладони. Я его и в деле уже не раз видел; иногда такое покажет, что смотреть приятно. Ну, конечно, еще зеленый. Поэтому и поручаю его тебе.

Через день зашел к нам старший тренер посмотреть, как устроились. Поговорил о том, о сем, потом положил руку на плечо моего молодого товарища и проникновенно сказал ему:

— Ну, вот что, Лева, ты теперь посвящаешься в сан вратарей классной команды, а это не только высокая честь, но и серьезная обязанность. Поэтому старайся всегда быть рядом с Алексеем Петровичем. Он человек опытный и охотно тебе свои «секреты» раскроет. Только будь жаден до знаний, смотри и учись.

Так нас объявили учеником и учителем. Но очень скоро мы стали друзьями, понимающими друг друга с полуслова.

Прежде всего, нас сроднили биографии. Оба мы были коренными москвичами, выросли в рабочих семьях и сами с юношеских лет встали к станкам. Я, окончив семилетку, поступил в фабрично-заводское училище и овладел специальностью токаря по металлу. А Лева в 14 лет пришел на завод, был строгальщиком, потом слесарем. Когда исполнилось шестнадцать, он получил свою первую правительственную награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Узнав о награде, я спросил:

— А почему не носишь?

— Да что вы, Алексей Петрович, скажут бахвалится…

Это был первый штришок, обозначивший для меня его скромность, даже застенчивость. И был он таким всегда, во всяком случае, до тех пор, пока мы играли вместе. Лева избегал, чтобы его хвалили на людях, он при этом ужасно смущался и не

знал, как себя вести.

Естественно, первые наши беседы, разговоры касались одного предмета — футбола, который свел нас вместе.

— Удивительно люблю футбол,— сознался как-то Лева.— Бывает, наиграешься так, что еле до дома ноги дотянешь. Только бы отдохнуть. И вдруг со двора кто-нибудь из друзей крикнет: «Левка, пошли!» Сам себя не понимаю: усталость как рукой снимет, и я опять готов играть.

Свою трепетную любовь к игре он подтверждал каждый день и час. Мне было с ним очень приятно тренироваться. Если я утром, на зарядке, делал какое-нибудь упражнение десять раз, он — двадцать. Если я поднимал штангу с каким-то предельным для себя весом, он обязательно добавлял еще несколько килограммов.

— Хочешь меня скорее из ворот выпихнуть,— посмеялся я однажды-

— Да что вы, Алексей Петрович! Наоборот, хочу, чтобы вы дольше рядом оставались. Ведь я не о славе, а о мастерстве думаю.

В голосе его было столько твердости, искренности, глубокой убежденности, что мне откровенно стыдно стало за свою глупую шутку.

Действительно, у него было великое желание овладеть мастерством и добиться признания. На тренировку мы с ним выходили, запасаясь двумя-тремя майками и полотенцами. Нас экзаменовали такие бомбардиры, каких сегодня пока нет в нашем футболе: Сергей Соловьев, Константин Бесков, Василий Карцев, Владимир Савдурин, Василий Трофимов. За полчаса работы с ними становишься совершенно мокрым и даже на висках выступает соль.

Но мы сбрасывали одну майку, натягивали другую и продолжали работать. Наконец, после полутора-двух напряженных часов я «сдавался», а Лева лишь раззадоривался. Теперь все форварды сходились у одних ворот, и только было слышно.

— Принимай…

— Вот она, идет…

— Не возьмешь!..

Лева почти не отвечал, он с остервенением бросался в углы, прыгал, сворачивался калачиком, мгновенно поднимался и бесстрашно опять перекрывал путь мячу к своим воротам.

— Хватит, Лева? — спрашивали ребята, уже порядочно подуставшие.

— Давайте, давайте,— кричал он, лишь изредка смахивая рукой пот со лба.— Когда надоест, скажите.

Мне в свое время очень помогал «встать на ноги» знаменитый динамовский вратарь Борис Сергеевич Кочетков. Большую школу прошел я и у Михаила Иосифовича Якушина. И сейчас, работая с Яшиным, старательно вспоминал все, чему они меня учили.

Лева, бесспорно, был очень способный спортсмен. Но я с помощью старшего тренера увидел и те серьезные недостатки, которые мешали ему показывать стабильно игру высокого класса. Он был еще очень скован, не всегда внимателен и, что, может Сыть, покажется странным, нервничал…

Мы обсудили план совместных действий. Составили график индивидуальных занятий, включив в них специальную гимнастику, упражнения на растяжения и гибкость — с медицинболами, на «шведской» стенке и других гимнастических снарядах,

— Вы, Алексей Петрович, давайте мне потруднее задания, я все выполню точно,— не раз заявлял мне Яшин.

Между прочим, по имени-отчеству он называл всех игроков основного состава, кто был старше его. Только когда мы, как говорится, съели с Левой пуд соли, тогда перешли на «ты».

Когда-то Михаил Иосифович мучил меня заданиями на внимание. Мы гуляли с ним по спортивному городку, мирно беседуя, и самый отвлеченный разговор вдруг прерывался свистками. Один свисток — я должен мгновенно упасть на руки. Второй — вскочить и сделать ногой резкое движение вперед, будто выбивая мяч из-под чьих-то ног… И так далее — целый комплекс свистков и ответов.

Признаться, в свое время я чуть было не взбунтовался против такой системы тренировки, она мне казалась ненужной, даже оскорбительной, пока на «своей» шкуре я не испытал ее пользу. Теперь я объяснял эту систему Яшину,

— Все понятно,— сказал он.— Давайте начинать с сегодняшнего вечера. Это даже интересно.

Мы выполняли цикл тренировок на внимание утром и вечером. Потом игра в волейбол, легкая атлетика, плавание… И опять после обеда и отдыха — два часа на стадионе. В воротах. Один против дюжины лучших форвардов страны.

Мы вернулись в Москву. Началась очередная футбольная страда. Я и Вальтер Саная попеременно играли го в основном составе, то в дубле. Лева был в запасе. Но он не пропускал ни одной встречи и все увиденное с трибун старательно записывал в свой дневник.

В сезоне 1949 года команда «Динамо» выступала очень хорошо, и у меня игра шла. Я вроде бы не чувствовал груза лет. Но напряжение труднейшего шестимесячного турнира дало себя

знать в самый неподходящий момент.

Мы играли матч второго круга со «Спартаком» — своим старым и принципиальным соперником. От этого поединка зависело многое: мы были лидерами, но красно-белые преследовали нас но пятам. К тому же они жаждали реванша за проигрыш в первом круге.

Переполненный стадион. Яростный гул трибун. Зрители ждут от каждого спортсмена полной отдачи, высшей собранности.

Я тоже готовился к тому, чтобы «перепрыгнуть самого себя». Увы, не удалось. Последовал неожиданный, даже не очень сильный удар Сергея Сальникова. Конечно, спартаковец был закрыт нашими защитниками, и мяч шел в угол. Но по всем законам футбольного искусства я должен был его взять. А я его не взял.

До перерыва Иван Конов сильнейшим ударом сквитал счет, и в раздевалке Михаил Иосифович спокойно сказал мне:

— Алеша, игра выровнена, забудь о своей ошибке к действуй разумно и хладнокровно.

Я помнил, что мне сказал тренер, однако в жизни трудно подчас следовать советам. В самом начале второго тайма я снова пропустил гол, на этот раз от Симоняна. Тренеру бы сменить меня, а Михаил Иосифович то ли пожалел ветерана, то ли не заметил, чья ошибка.

Сражение продолжалось, Героическими усилиями передней линии после очень красивых ударов Савдунина и Трофимова мы снова выходим вперед — 3:2. И тут в течение минуты я пропускаю два мяча подряд от Терентьева и Сальникова.

— Замена!

Справедливая замена. Я виноват. Не знаю, куда деваться от стыда. Наконец-то спасительный тоннель. Гулко отдаются тяжелые шаги усталого человека и надоедливо цокают шипы. Вхожу в раздевалку. В углу сидит в легком сером костюме Яшин. Я со злостью сбрасываю с себя форму. Чувствую, что душа требует разрядка. Почти кричу:

— Бросай ты, Лева, это чертово дело!

— Ни за что! — возражает он мне с такой убежденностью, что я сразу прихожу в себя. И улыбаясь, прошу:

— Сходи, посмотри, что там…

Через несколько минут он прибегает назад.

— 4:4. И наши рвутся вперед. Пойдем посмотрим.

4:4! Ударил гонг! До конца всего пять минут. Ничья нас не устраивает. Ребята лезут вперед. Наседают на противника. Неожиданно и быстро меняясь местами, точно, в одно касание передавая мяч, динамовцы рвали спартаковскую оборону. И когда

до финального свистка оставалась всего одна минута, Савдунин сильнейшим ударом забил гол. 5:4! Все ревело вокруг, и Лева крикнул мне в ухо:

— И вы предлагали бросить! И неудачи, и радости — все прекрасно в футболе.

Эти его слова я, как видите, запомнил. И когда мучили меня сомнения или приходила неудача, я невольно вспоминал слова своего молодого товарища: бросить?!! Так, сам того не подразумевая, он стал для меня не только учеником, но и учителем. Человеком, в известной мере продлившим мою спортивную жизнь.

Если же говорить о нем, как об ученике, я обязан сказать, что Лева был не только учеником старательным, прилежным, но и удивительно дотошным. Так как мы жили вместе, он порой просто изматывал меня своими вопросами. По десять-пятнадцать раз подряд рассказывал я ему о своей поездке в Англию, о манере игры форвардов «Челси», «Арсенала», «Глазго Рейнджерс», о накале происходивших между нами поединков. Казалось, все говорено-переговорено. Но снова следовал град вопросов:

— Как ты ведешь себя в момент, когда соперник готовится пробить «пенальти»?

— Что надо делать на выходах один на один с форвардом, когда тот вошел в прорыв?

— Составляешь ли предварительный план на игру?

— Есть ли необходимость в предварительном согласовании поведения с защитниками?

Расспрашивая меня, он, видно, потом раздумывал над тем, что я ему говорил. Не знаю, как в последующие годы, но когда мы жили вместе, Лева вел дневник, куда записывал все, что казалось ему интересным, главным, заслуживающим внимания.

Считают, что свой первый матч за основной состав Яшин сыграл в пятьдесят третьем году против московского «Спартака». Это явно неточно. Не ручаюсь за полную достоверность моих сведений — прошло уже более двадцати лет, я память человека не абсолютна,— но в 1950 году, когда мы с Вальтером Саная оказались травмированными, вступивший на роль старшего тренера Виктор Дубинин сказал:

— Ну, Лева, предстоит трудное испытание. Покажи-ка, на что ты способен.

Мы в тот раз играли против тбилисских одноклубников. 18 апреля в столице Грузии матчем с ними мы открыли сезон, победив 3:1. Теперь южане приехали в Москву с твердой решимостью взять реванш.

Поначалу казалось, что им об этом нечего и мечтать: наше

нападение, где особенно выделялся Василий Трофимов, повело игру, и к перерыву гости проигрывали 1:4,

— Все идет прекрасно, ребята,— сказал команде в раздевалке старший тренер.— И ты, Лева, оказался на высоте. Взял пару трудных мячей. Но не думай, что тбилисцы успокоились. Это не та команда, которую можно сломить. Будь бдительным.

Виктор Иванович не зря предупреждал. После отдыха южане отчаянно полезли вперед. Вот следует очередная фланговая атака, Яшин выскакивает наперехват, но ошибается в расчете, и Борис Пайчадзе отыгрывает один гол. После этого южане в течение нескольких минут проводят в наши ворота еще два мяча. 4:4. Ничья, и, может быть, произойдет и худшее: ведь натиск гостей не ослабевает. И только молниеносная контратака и великолепный удар Бескова за две минуты до финального свистка приносит нам желанную победу.

В раздевалку вернулись счастливые, радостные. Настроение у всех отличное. Кто-то из ребят обращается к Яшину:

— Ну, как дебют прошел? Сделал для себя вывод?

И вдруг очень серьезно, громко Лева заявляет:

— Вывод сделал. За основной состав команды мастеров я еще играть не способен!

Я стал его по-своему (хотя, честно говоря, никогда не умел этого делать) утешать, говорить о том, что надо держаться, но он меня сам остановил:

— Не бойтесь, Алексей Петрович, в панику я не ударюсь, голову не потеряю и футбол не брошу. Мало опыта — стану набираться его, чего уж туг поделаешь…

Так передо мной открылась еще одна грань его характера. Уже в то время, еще совсем молодым (а молодости, как известно, особенно свойственно честолюбие) Лева умел трезво оценить свои поступки и, что еще важнее, свои возможности. Помню, очень метко сказал о нем тогда Иван Станкевич:

— Этот парень обладает удивительнейшим свойством смотреть на себя со стороны, как на нечто любопытное и незнакомое…

Обнаруживая ошибки, Яшин с редкой настойчивостью брался за их исправление. Умел работать. Умел терпеть и ждать своего часа.

Пожалуй, никогда он так много не тренировался, как после своей неудачи во время дебюта за основной состав. Вынужденный еще в течение двух долгих лет «ждать», Лева от игры к игре удивлял всех нас.

Помню, осенью 1953 года мы играли очередной матч второго круга с тбилисским «Динамо». Наш «дубль» выглядел тогда не

очень мощно, но Лева буквально спасал и украшал игру. В середине первого тайма он вытащил из угла мяч, пробитый с одиннадцати метрового. Это был номер почище тех, которые потом видел и которыми восхищался весь мир, А тогда ему лишь поаплодировали несколько сот настоящих болельщиков. Ибо «ненастоящие», как известно, смотреть дубли не ходят.

В тот вечер я не узнал Яшина. Обычно молчаливый, несловоохотливый, он радовался как ребенок и десятки раз повторял свой рассказ:

— Понимаешь, замер, смотрю в одну точку, словно гипнотизирую его (речь шла о нападающем тбилисского «Динамо», а о ком именно — уже не припомню). Вижу — разбегается. И тут словно какая-то магическая сила оторвала меня от земли. Раньше, чем он ударил — я уже был в воздухе. Здорово!

— Здорово, Лева,— поддержал его Иван Станкевич.— И ничего тут удивительного нет. Интуиция называется. Знать, уже вдоволь ты нанюхался вратарского воздуха.

Я удивился, когда услышал почти те же слона, что сказал четыре года тому назад Михаил Иосифович Якушин, приведя в мою комнату Яшина. Правда, смысл был уже совсем иной. Иное содержание.

К ужину Лева купил какие-то очень вкусные груши, и, смакуя их, мы долго сидели за столом. Как очень часто случалось — разговорились о нашей вратарской династии.

— Алексей Петрович,— спросил меня Лева с необычайной для него, но характерной для того вечера взволнованностью,— вы верите в реальность Антона Кандидова? Может появиться такой вратарь? С кого из наших голкиперов писал своего героя Лев Кассиль?

Честно говоря, я затруднялся ответить на эти вопросы. Сказал, что литературный герой всегда сильнее живых людей, что в характере Кандидова есть, конечно, черты Николая Соколова, Федора Чулкова, Анатолия Акимова, Владислава Жмелькова.

— И ваши есть,— сказал он.

— Ну нет. Когда я начал играть, книга уже была написана.

— Ах, как я всем вам завидую,— вдруг чистосердечно признался он,

— А что, мечтаешь небось сам стать таким, как Кандидов? — спросил вдруг я.

— Да что вы,— он как-то сразу обмяк.— Мне бы за основной поиграть.

— Ну, до этой мечты тебе уже недалеко, Лева. На следующий год она и сбудется.

Так первый и последний раз в жизни я оказался пророком.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДЕБЮТ

У каждого спортсмена, добившегося известности и признания, есть в биографии два важных рубежа, две неизменные даты: одна из них обозначает момент, когда наш герой обратился к спорту, сделал в нем первые шаги, признал его частью своей жизни, и вторая — когда спорт признал его.

Предыдущие рассказы познакомили вас с тем, может быть, самым трудным периодом в жизни Яшина, когда он искал свою дорогу, добивался осуществления своей мечты, боролся за утверждение своего права на игру.

И вот настал знаменательный для нашего героя тысяча девятьсот пятьдесят третий год, ставший годом официального дебюта молодого вратаря в большом футболе.

Мне бы хотелось хотя бы очень коротко напомнить о том времени. Вновь созданная после многолетнего перерыва сборная Советского Союза провела свой первый олимпийский экзамен. Провела довольно успешно, выиграв 2:1 у команды Болгарии и уступив лишь в повторном матче (5:5, 1:3) национальной сборной Югославии, которая справедливо считалась тогда одной из сильнейших команд мира.

Бесспорно, сборная СССР могла бы выступить лучше и на Олимпиаде 52-го года, но этому помешал ряд серьезных причин. Одна из них — закономерная, хотя и весьма некстати наступившая, смена поколений. Уже заканчивали выступать такие выдающиеся мастера, как А. Акимов, А. Хомич, Г. Федотов, Б. Пайчадзе, приближались к своему финишу Л. Иванов, В. Бобров, В. Карцев, М. Семичастный и многие другие. На смену им советский спорт выдвигал молодых талантливых игроков, И в этой когорте нового поколения футболистов, которых ждала более яркая и интересная судьба, чем судьба их знаменитых предшественников, был и двадцати четырех летний вратарь из «дубля» московских динамовцев, перворазрядник Лев Яшин. Прямо скажем, несколько великоват возраст для начала футбольной карьеры, и, вероятно, никто бы в те дни, даже самые смелые доброжелатели, не могли бы поручиться, что он долго останется стоять в воротах. Тем не менее, начало было положено, и мы вернемся к тем далеким и многими забытым дням.

«А еще впереди лето!»

Одним из самых талантливых наших игроков был и остается заслуженный мастер спорта, ныне заслуженный тренер СССР Василий Дмитриевич Трофимов. Удивительно скромный человек, он всегда горячо протестует, когда кто-либо заводит речь о том, чтобы написать о нем очерк. Может быть, поэтому он гораздо менее известен широкой публике, особенно нашей молодежи, чем его товарищи, такие, как Всеволод Бобров, Константин Бесков, Александр Пономарев, Григорий Федотов.

А между тем его мастерство футболиста и хоккеиста дает ему право на почетное место в истории советского спорта. Он — один из героев знаменитого турне московского «Динамо» по Англии осенью 1945 года, член первой советской олимпийской сборной 1952 года, названный французским журналистом Клодом Мерне «футбольным реактивным истребителем», выдающийся мастер русского хоккея и первый чемпион СССР по «шайбе», тренер сборной страны, не раз утверждавшей славу нашего русского хоккея.,. Да разве перечислишь все его заслуги, удачи и творческие успехи?!

На зеленом и ледяном поле игра Трофимова всегда отличалась виртуозной техникой, умением провести неожиданный ход, организовать тонкую красивую комбинацию. Он справедливо считается сильнейшим правым крайним нападения за всю историю отечественного футбола, во все без исключения составы «символической сборной» СССР, которые составлялись различными редакциями и ведомствами в связи с 50-летием Советской власти, входил Василий Дмитриевич Трофимов. Его имя пользуется не меньшей любовью и среди хоккеистов.

С Василием Дмитриевичем меня связывают давние добрые отношения. Этому человеку я обязан многими часами бесед, которые раскрывали передо мной секреты спортивного мастерства, суть современного футбольного или хоккейного сражения.

Умный педагог, человек щедрой души, Василий Дмитриевич, сам того не подразумевая, отдал частицу своих знаний, опыта, любви многим молодым спортсменам. Мне лично кажется, что частица его таланта, огня, верности есть и в Яшине. А в его по-прежнему удивительно молодой памяти сохранились интересные детали, которые и вошли в этот рассказ.

* * *

— Честно говоря, больше всего я люблю хоккей с мячом или, точнее говоря, русский хоккей. Есть в нем какая- то особая прелесть, и наша широта, и наша удаль. А уж для здоровья, конечно, ничего полезнее не придумаешь — утверждает Василий Дмитриевич.— Однако в первые послевоенные годы поселилась на нашей земле «шайба». Стали в нее играть все мои товарищи по мячу, и мне вроде бы тоже деваться стало некуда. Пришлось приноравливаться к моде.

Что ж, получилось не так уж плохо. В новой для нас игре нашлись тоже свои преимущества, свои привлекательные стороны и прежде всего — скорость, высокое боевое напряжение, правила, требующие безусловного мужества, сноровки и быстроты мышления.

Поначалу все команды в канадский хоккей были укомплектованы мастерами русского хоккея. И нам всем хотелось попробовать себя на новом поприще.

Так получилось, что честь называться сильнейшей выпала моей команде, открывшей счет чемпионов страны в хоккей с шайбой.

Но затем на долгие годы лидерство захватили две московские армейские команды — ЦДКА и ВВС. «Динамо», «Крылья Советов», первое время и «Спартак» спорили с ними на равных, вели ожесточенные поединки, случалось, нередко и побеждали, но вынуждены были признать, что те были сильнее. В этих клубах к «шайбе» как-то сразу отнеслись серьезнее, здесь оказался на редкость удачный подбор игроков, причем не только ветеранов, но и молодых, которые придавали игре названных клубов больше задора, дерзости, спортивной злости. Соперничать с ними было трудно.

А с годами становилось труднее, когда многих из нас за глаза и в глаза стали называть ветеранами, и заняв в 1953 году в первенстве страны третье место, сразу после ВВС и ЦДКА, мы были очень рады.

После небольшого перерыва начались игры на Кубок СССР по хоккею с шайбой, которые тоже пользовались колоссальной популярностью. Сам характер этого состязания, одноразов ость матчей с сильными соперниками открывали перед многими надежду на успех.

По зимой пятьдесят третьего года мы, откровенно говоря, не строили особых иллюзий: у нас выбыл из игры из-за травм основной вратарь Лиив, и нашему бессменному тренеру Аркадию

Ивановичу Чернышеву пришлось решать нелегкую задачу.

— Хочу поставить Яшина на кубковые встречи,— поделился он со мной.— Как ты смотришь на это?

Лева тогда, как и все мы, делил свою привязанность между кожаным мячом и шайбой, еще нигде не обосновавшись твердо. Между тем в хоккейной команде был второй вратарь, фамилию которого сейчас называть, по соображениям такта, не стоит. Я напомнил о нем Аркадию Ивановичу, сославшись на его солидный опыт участия в официальных турнирах, чего не было у Яшина.

— Ты прав, Василий,— кивнул головой всегда немногословный Чернышев.— Но только вот что я тебе скажу: у него больше опыта, а у Яшина больше таланта и умения «загореться», если потребуется.

Это было справедливо и мудро, мне только оставалось «переменить позицию»:

— Да, выходит, что надо остановиться на твоем варианте.

Жребий нам в тот год выпал сравнительно легкий до полуфинала, а здесь судьба свела с чемпионом страны — командой ВВС. Год назад, тоже в полуфинале Кубка, несмотря на великолепную игру Лиива, мы уступили летчикам 1:6.

Конечно, перед началом состязания, на установке, было сказано много обнадеживающих слов, и Аркадий Иванович даже обосновал, почему именно мы должны победить, Но на душе у меня «скребли кошки».

До начала поединка оставалось два дня. Утром после зарядки ко мне подошел Яшин и сказал:

— Василий Дмитриевич, игра предстоит серьезная, вы не могли бы заняться со мной?

— Сейчас будет общая тренировка, вот и поработаем…

— Да я не про общую. Мне бы потом еще часок-другой поработать!

— А не сломаешься? Не устанешь?

— Устану, скажу.

Конечно, сам не надо напоминать, что в ту пору у нас не было никаких Дворцов спорта и вся учебная работа, так же, как все товарищеские и официальные игры, проводились под открытым небом,

И вот, отработав с полной нагрузкой коллективный урок, Яшин после обеда и отдыха вышел на каток со мной. Я поначалу решил не очень мучить его, считая, что он изрядно измотан, и стал больше швырять издалека.

— Вы думаете, летчики будут тоже так учтивы? — спросил не без иронии он.

— Ну, подожди,— не на шутку разозлился я,— сейчас покажу, как тебе будут забивать летчики!

Я попробовал несколько своих скоростных проходов, которые всегда очень любил, и с ходу, метров с четырех-пяти, со всей силой посылал шайбу вперед, словно это был самый настоящий матч. Пожалуй, моя результативность не превысила и пятидесяти процентов: шайбы влетали в ворота, но многие, которые я считал верными, Лева отбил. Это меня поразило. Поразило прежде всего тем, что после напряженного двухчасового дневного занятия Яшин сохранил хорошую реакцию и безупречное внимание. Да, его нервная система была «непробиваемой», а силы неиссякаемыми.

Чем дольше мы занимались, тем больше я распалялся, забыв, что передо мной товарищ по команде, которого я обязан тренировать и беречь. Яшин свирепел, стремясь отбить каждую шайбу, я разъярялся в свою очередь. Мы так увлеклись, что не заметили, как стемнело. Вывел нас из этого состояния разгневанный голос Аркадия Ивановича:

— Вы что, очумели? А уж от тебя, Вася, не ожидал! Ты его перед матчем загонять хочешь?!

— Да уж попробуй, загоняй такого! — воскликнул я. В ответ Чернышев, как мне показалось, только усмехнулся. А перед самым сном не выдержал — спросил:

— Ну, так как Яшин?

— Мне кажется, с ним наши шансы поднимаются.

— То-то. Недаром говорят: «нет худа без добра».

«Неужели он думает, что Лева может сыграть даже сильней Лиива?»— подумал я, но спрашивать не стал. Да и ответа на этот вопрос ждать оставалось недолго.

Матч был назначен на вечер, но мы выехали в Москву со своей загородной базы вскоре после обеда: с полудня повалил густой снег, на дорогах образовались сугробы и видимость упала до низшего предела. Двигались медленно, несколько раз застревали в снегу.

Я сидел рядом с Яшиным. Он был неразговорчив, все время дышал на промерзшее стекло и протирал рукавом пальто «смотрячки». Было непонятно: делает он это из-за любопытства или что бы скрыть обычно подступающее в таких случаях волнение.

Приехали мы значительно раньше своих соперников и раньше вышли на разминку. Зрители, заполнившие, несмотря на непогоду, Восточную трибуну нашего старого, доброго стадиона, оказывается, хорошо знали Яшина. Это чувствовалось по крикам, адресованным ему, увы, далеко не однородным: одни верили в

него, другие — нет и сопровождали это неверие, как, к сожалению, бывает еще нередко, весьма нелестными эпитетами.

— Куда забрался, каланча? — крикнул во всю мощь своих легких какой-то «остряк», и вся трибуна дружно загоготала.

Я подъехал к Леве и, чтобы успокоить его, сказал что-то не лестное в адрес шутника.

— Пусть себе позабавятся,— произнес он с подкупившим меня добродушием.— А потом ведь они правы: в хоккейных воротах моя фигура не смотрится. Другое дело — в футбольных.

И сейчас, вспоминая его слова, не могу понять: были ли они случайными, сказанными по поводу возникшей ситуации или выдавали сокровенную мечту?

Вскоре началась игра. Еще несколько минут назад мы все думали лишь о том, как достойное проиграть столь грозному сопернику. Но вот пронеслась одна атака летчиков, другая, последовало несколько сильнейших бросков их грозных нападающих, а гола нет. Упорно держится наша оборона, к тому же несколько раз у «полосатых» (такой была форма ВВС) что-то не получилось.

И этого оказалось достаточно, чтобы наши ребята заиграли «как звери».

— Прибавить скорость! — кричим друг другу и яростно лезем па чужие ворота. Свалка, настоящие сражения у бортов. На пятачке нас то и дело сбивают. А мы по-прежнему лезем. И, наконец, Алексушин (был у нас такой игрок) в нападении достает переданную ему шайбу и резко вбивает ее в ворота. Во втором периоде. Крылов удваивает счет.

А летчики? Очень нервничают и ничего не могут поделать с Яшиным. Не подумайте, что я говорю так с позиций его сегодняшней славы. Сознание того, что этот рассказ появится в книге, заставляет меня быть особенно достоверным. И я подтверждаю: на протяжении всего матча он спас нас от многих верных голов.

Но самое главное было впереди. Я не погрешу против истины, если скажу, что редкостным по напряжению был третий период. Почуяв угрозу поражения, летчики делали все, чтобы отвести ее. Вот наконец Викторов проводит ответственную шайбу. Крылов тут же восстанавливает разрыв в две шайбы. Следует блестящий проход Котова и счет уже 3:2!

Чемпионы воодушевлены. А тут случается настоящее несчастье: за несколько минут до конца поединка судья удаляет с поля двух наших игроков. Против трех динамовцев — пять лучших игроков команды ВВС. На трибунах творится что-то невообразимое. На ледяном поле мы не слышим игры, не слышим

стука клюшек, визга коньков — всего, что составляет неизменный аккомпанемент каждого поединка.

В эти две-три заключительные минуты наш вратарь был неповторим. Просто трудно передать словами его игру. Не могу постигнуть, как удавалось Яшину, по существу дебютанту большого хоккея, показывать такой высокий класс. Его мастерство и воля в конце концов сломили волю лучшей команды страны.

Как мгновенно меняется «микроклимат» на трибунах! Когда мы уходили с поля, фамилия Яшина звучала то здесь, то там, но теперь торжественно и уважительно.

Вечером, когда мы остались одни с Чернышевым, я сказал;

— Если он сыграет так в финале, мы можем выиграть кубок.

— Кубок, быть может, мы и сумеем выиграть, но дважды так не играют,— философски изрек Аркадий Иванович.

В решающем матче против нас выступали армейские хоккеисты. Они не скрывали своей радости по случаю того, что им приходится играть с нами, а не с ВВС. И в какой-то газете уже промелькнуло интервью, что серебряный призер чемпионата страны страстно желает получить один из главных призов сезона.

Было 12 марта 1953 года. Около двадцати тысяч зрителей пришли посмотреть наш поединок. И они не пожалели об этом.

И надо так случиться: сюжет предыдущего матча повторяется почти полностью. В первом периоде мы с Блинковым разыгрываем очень быструю комбинацию, и он сильнейшим броском в верхний угол открывает счет. Но тут же молодой армеец Брунов сравнивает результат броском почти от самой синей линии.

«Да, сегодня Яшин не тот»,— невольно мелькает и тревожит сердце предательская мысль.

Но он больше не дал повода для тревоги, отбив подряд несколько опаснейших ударов армейских форвардов. Перед самым перерывом блестяще проведший все состязание Крылов обходит на полной скорости двух соперников в средней зоне, отдает пас Блинкову, и мы ведем 2:1! Следующий период заканчивается безрезультатно.

Последняя двадцатиминутка. Только начали, и Яшин прозевал сильнейший удар Копылова. Потом мы снова выходим вперед. 3:2. Огромный секундомер, установленный против Восточной трибуны показывает, что осталось играть всего три минуты. И в этот момент судьи вновь удаляют с поля сначала Алексушина, потом Крылова.

Говорят, «два раза подряд не везет». Правильно — дело тут не в везении. Ошибся Чернышев — Яшин снова сыграл великолепно.

Может быть, еще сильнее и увереннее, чем прошлый раз.

Не стану скрывать: оставшись втроем за две минуты до победы, которая казалась уже обеспеченной, мы все растерялись. Армейцы стали, по существу, полными хозяевами на поле. За сто двадцать секунд они более пятнадцати раз пробили по воротам и ни разу не поразили их.

В этом была заслуга Яшина и, когда прозвучал финальный свисток, мы все бросились целовать его. И он первый принял из рук капитана взятый нами с боя кубок.

В раздевалке я сказал Леве:

— Знаешь, за эти дни я понял, что из тебя может выйти отличный хоккейный вратарь.

— Не спешите с выводами, Василий Дмитриевич. Сейчас весна. Впереди целое лето. Может быть, мы выиграем с вами еще один кубок и вы посоветуете мне что-нибудь иное.

Я улыбнулся и ничего не ответил. Положение в футбольной команде мастеров «Динамо» в тот год было далеко не блестящим. Из нее один за другим выбыли такие признанные мастера, как Семичастный, Сергей Соловьев, Карцев, Блинков, Петров, Конов. Оставил ворота наш любимец Леша Хомич. Вальтер Саная не оправдал надежд. Играл он на редкость красиво, отличался удивительной прыгучестью, часто срывал аплодисменты зрителей. Они-то и вскружили ему голову. Вальтер перестал серьезно тренироваться, нарушал спортивный режим и все чаще подводил нас всех.

«Да, при таком положении много очков не наберешь,— с грустью думал я.— И сумеешь ли ты, Лева, заменить своих знаменитых предшественников. Ведь футбольный сезон — не хоккейный. Он длится полгода, и соперники почти равны по силе».

Обо всем этом подумал я тогда в нашей хоккейной раздевалке, где шумело торжество по случаю одержанной победы, но, конечно, мысли свои не высказал вслух.

Примерно через месяц мы уехали на юг. В команду пришло новое пополнение. Здесь были и опытные игроки, уже давно зарекомендовавшие себя в других клубах, такие, как Константин Крижевский, Алеша Водягин, Анатолий Родионов, была и молодежь — Женя Байков, Володя Рыжкин. Но сумеем ли мы сыграться, понять друг друга?

В Гаграх и Леселидзе, где проходил учебно-тренировочный сбор, настроение несколько повысилось. Все ребята работали очень старательно.

Началась серия контрольных игр. Одна из первых — с ленинградскими одноклубниками. За сутки до встречи тренер

объявил состав. Ворота были доверены Саная. Но к ужину Вальтер пришел под хмельком. Такого у нас еще не бывало. Провинившегося наказали. На игру вышел Лева. Мы выиграли 2:0, и во многом благодаря молодому вратарю. Он взял несколько труднейших мячей в игре и отразил пенальти.

Конечно, об этом не писали газеты, не передавали по радио, но в коллективе игра Яшина вызвала оживленные комментарии.

— Этот парень еще себя покажет!

— Да, с ним играть можно,— слышалось то тут, то там, К какой группке не подойдешь, в какую комнату не заглянешь, обязательно в тот вечер услышишь разговор о Леве. Кажется, именно в тот вечер мы, игроки основного состава, поверили, что Хомичу и Саная найдена настоящая замена.

Это подтвердилось в официальных играх чемпионата страны, которые Яшин проводил попеременно с Саная, но все в большей и большей пропорции. А к концу первенства Вальтер был отчислен из клуба, и Лев фактически стал его основным вратарем.

В чемпионате мы заняли скромное четвертое место, но верили, что сила команды возрождается, крепнут в ней спайка и желание побеждать. Нашу уверенность поддерживал вернувшийся на пост старшего тренера Михаил Иосифович Якушин,

В конце сентября начались игры на Кубок СССР. В первом туре жребий нас свел с ленинградскими одноклубниками, занявшими в чемпионате страны предпоследнее место. Может быть, это обстоятельство настроило нас на благодушный лад. В результате уже через две минуты после начала мы проигрывали 0:2. Ни в одном из этик мячей Яшин не был виноват: наши защитники «прозевали» выходы нападающих, и оба гола были забиты с пяти метров, в открытой и, конечно, безнадежной для вратаря дуэли.

После такого дебюта мы долго не могли прийти в себя, и ленинградцы продолжали оставаться на поле хозяевами положения. Тут-то и выручил нас Яшин, Пропущенные голы, казалось, не только не обескуражили его, а наоборот, раззадорили, привели в ярость. Трижды в непостижимых бросках Лева вынимал мячи из «девятки» и еще несколько раз спасал нас от верных голов, Я видел это отчетливо, потому что следил за игрой с трибун. Когда он опять героическим броском в ноги прорвавшемуся А. Колобову предотвратил очередную угрозу, сидевший со мной рядом Якушин подумал вслух:

— Неужели его азарт не заразит этих увальней?

Нет, заразил: наша пятерка все чаше и чаще переходила на чужую сторону поля, и за восемь минут до перерыва В. Шабров, получив точный пас от Бескова, сократил разрыв.

В перерыве Якушин предупредил;

— Соперник злой. Сейчас полезут, будьте все внимательны. И чаще идите вперед. За ворота не бойтесь — Лева молодец, играет надежно.

Яшин в это время наклонился, стал перематывать шнуровку бутс, но я заметил, что он покраснел. Так было всегда, когда его хвалили при нем.

Вторая половина прошла очень остро, и лишь за четыре минуты до конца, когда Якушин уже сидел, закрыв лицо руками, С. Коршунов редким, косым ударом сравнял счет.

Добавочная тридцатиминутка, кто ее помнит, была торжеством Яшина. Ленинградцы лезли на наши ворота с остервенением. Лева отстоял их. Когда ребята, усталые и злые, пришли в раздевалку, Михеич, про сдержанность и сухость которого рассказывают анекдоты, положил свою большую ладонь на плечо ученика:

— Если все время так будешь играть, мы кубок все-таки выиграем!

Победив со счетом 3:0 ленинградцев в повторном матче, мы встретились с тбилисскими динамовцами. Это произошло, как сейчас помню, в первый день октября.

Нет, наверное, в нашем футболе команды, у которой был бы более кубковый характер, чем у тбилисцев, Они и на этот раз сражались отчаянно. Игра стоит того, чтобы хоть немного вспомнить о ней.

Уже на третьей минуте Гогоберидзе сильно бьет, Яшин в броске, но мяч попадает в штангу, уходит в поле к «автору». Снова удар, на этот раз в противоположный угол: Лева каким-то чудом успевает отвести мяч на угловой, До сих пор не пойму, как ему удалось среагировать на повторную мгновенную атаку. Это как раз было одно из тех «чудес», которые он постоянно совершал — с каждым годом все больше и больше,— играя в воротах.

Матч, о котором я вспоминаю, отличался редкой напористостью обеих сторон: ведь обе команды обладали прекрасными линиями нападения и решительно настроились на атаки. До перерыва более активными были южане. Они терзали нашу линию обороны, но Яшин стоял верно. Конечно, сейчас, с дистанции двадцати лет, я не могу припомнить каждый его бросок, каждый удачно взятый или отбитый мяч. Но все-таки несколько эпизодов помнится до сих пор.

Минут за пятнадцать до окончания матча А. Гогоберидзе, все время проявлявший большую активность, великолепно сыграл без мяча и вышел на свободную позицию. Партнеры сразу увидели этот маневр. Последовал точный пас, и нападающий тбилисцев

оказался один на один с нашим вратарем в районе одиннадцатиметровой отметки. Якушин от волнения глубоко вздохнул, закрыл лицо ладонями. Крижевский там, на поле, бросился под ноги сопернику, но уже последовал удар — сильный, резкий. Яшин прыгнул и достал мяч самыми кончиками пальцев, этого легкого движения оказалось достаточно, чтобы он изменил направление и, взвившись свечой, ушел за лицевую.

— Не попал! — крикнул мне на ухо Якушин, которого вывел из оцепенения яростный рев стадиона.

— Левка отбил…

— Ну и ну! В него попали, что ли?

— Какой там! В угол шел…

Михаил Иосифович махнул рукой, словно не веря тому, о чем я рассказывал. Да в это и в самом деле трудно было поверить. Наверное потом, уже в расцвете своей славы, он не смог бы повторить такой бросок: только молодости дается подобная реакция. Но разве скажешь, когда кончилась его молодость?

До конца состязания оставалось всего пять минут и Якушин уже рассуждал о том, как строить игру в добавочное время, когда последовала комбинация Рыжкин — Бесков, и Костя с границы штрафной забил гол.

Борис Пайчадзе, тренировавший тогда тбилисцев, пришел в нашу раздевалку, чтобы еще раз, в неофициальной обстановке поздравить ребят. Грустно улыбнувшись, он сказал Якушину:

— Одна ошибка Маргания и безошибочная игра Яшина: в результате — вы в финале.

Что ж, это была, действительно, очень точная оценка прошедшего состязания, в котором две великолепные линии нападения за девяносто минут смогли лишь один раз поразить цель.

В полуфинале нашим соперником стал донецкий «Шахтер», неудачно выступивший в сезоне 1952 года в высшей лиге и перешедший в класс «Б», Нужно ли говорить, как хотелось горнякам победить, реабилитировать себя за прошлые неудачи, заставить вновь с большим уважением говорить о себе. Старший тренер нацелил коллектив на трудный матч, но все равно мы не ожидали такой ярости, с которой весь первый тайм атаковали украинские мастера. Победив со счетом 1:0, мы радовались, как дети. А вечером, за ужином, Костя Крижевский поднял стакан чая и сказал:

— Лева, вообрази, что это коньяк. И я пью за тебя, потому что ты снова спас нас в этой игре.

Спас он и в финале, когда при счете 0:0 бросился отчаянно в ноги прорвавшемуся к нашим воротам нападающему

куйбышевского «Зенита» Бровкину. Яшин пролетел в воздухе метра три и накрыл мяч в тот момент, когда Бровкин произвел удар. Леву на руках унесли с поля, Я посмотрел на трибуны, озаренные светом прожекторов. Все, словно сговорившись, встали со своих мест, провожая горячими аплодисментами человека, игра которого начинала им нравиться, в которого они все больше и больше верили.

Когда Сергей Сальников забил решающий гол, Лева, уже одевший тренировочный костюм, наклонился ко мне и крикнул:

— Ну, что я говорил?!

И еще я помню динамовскую стенную газету, посвященную итогам сезона, огромный портрет Левы с хоккейным и футбольным кубками, и подпись к ним:

Отлично служит
и нашим,
и вашим
Наследник Кандидова —
Лева Яшин!

«Бейте ему издалека!»

Мы встречаемся с ним очень часто: с Владимиром Михайловичем Ивашковым нас связывает совместная работа и старые добрые отношения. Сейчас он сотрудник Спорткомитета РСФСР, заслуженный тренер республики. Немногословный, несколько погрузневший, он для тех, кто его не знает, может показаться человеком, всю жизнь отдавшим кабинетной суете, разговорам по телефону, надоедливому копанию в заявках и графиках.

А я отлично его помню молодым, подвижным, отчаянным защитником московского «Локомотива» начала пятидесятых годов. Он не относился к тем, кого именуют «звездами», но игра его всегда была продуманной, четкой и надежной.

Как-то во время одной из наших обычных бесед я поделился с Володей своими планами новой книги.

— А ведь я был одним из «крестников» Яшина,— сказал он,

— Каким образом?

— Послушай: история короткая, но вдруг она тебя заинтересует…

* * *

Сезон 1953 года мы открывали в Москве матчем против столичного «Динамо» на их стадионе 2 мая. До этого они провели одну встречу в Киеве против своих одноклубников, и проиграли 0:1. Мы это знали. Знали и то, что Вальтер Саная отлично провел весь матч, но в пропущенном голе был явно виноват: хотел сыграть красиво, да промахнулся.

На установке, проведенной за сутки до матча, тренер дал нам подробнейшую характеристику каждого из динамовцев и указал, против кого как играть, В том числе и против вратаря.

— Саная «орешек» крепкий, прыжок и реакция отличные. Его надо больше обманывать. Бить только верные мячи…

Но когда мы приехали на стадион, то узнали, что в заявочном листе хозяев поля стоит совершенно иная фамилия вратаря — Л. Яшин. Признаться, многие из нас тогда о нем ничего не слышали. Только Ефимов видел его несколько раз на товарищеских играх.

— Ребята,— сказал он,— нам просто повезло! Это настоящая

дыра, Я видел, как Сева Бобров, играющий за спартаковцев, дважды вколотил этому Яшину мяч в сетку. Одним словом, бейте ему почаще, издалека, и матч наш…

Примерно в этом же плане высказались Чесноков, Забелин, Ларин и другие наши ребята.

Сразу воспользоваться советом Ефимова мы не смогли, как говорится, по не зависящим от нас причинам: хозяева начали нас изрядно трепать и уже к середине первого тайма повели со счетом 2:0.

Только после этого мы стали как-то огрызаться. И надо же так получиться: именно Ефимов оказался одним из первых на удачной позиции, выскочил из глубины к самой штрафной да как резанет!.. Мяч у Яшина.

И началось! Динамовский вратарь стоит как магнит — все мячи летят ему в руки. А верхние передачи он все время хватает на выходах.

Только когда счет уже был 3:0 в пользу динамовцев, Яшин ошибся, и довольно грубо. Случилось это так. Сидоров, незадолго до этого сменивший Ефимова, резко прошел по краю и навесил мяч на штрафную. Лева выскочил на перехват, прыгнул, но промахнулся, и Коротков послал мяч в пустые ворота.

— Ну, что я говорил,— закричал Ефимов, когда мы вернулись в раздевалку,— били бы, как я говорил…

Но ребята дружно возмутились.

— Ты или слепой, или прикидываешься,

— Это же отличный вратарь.

— Он несколько таких мячей взял, что ахнешь.

— Да что вы все заладили — «хороший, хороший». Самый что ни есть обыкновенный. Вот будем с ними играть во втором круге: на спор забью.

Чего только не скажешь в спортивном азарте! Мы только рукой махнули и забыли этот разговор.

В начале июля жребий снова свел нас с динамовцами. Турнирное положение у нас было неважное, и тренер долго призывал отдать все победе. Да мы и сами, честно говоря, устали от проигрышей.

Тщательно продумывалась тактика на игру. Зная силу динамовской защиты, ее умение плотно опекать соперников, тренер ставил перед нашей линией атаки задачу резкой смены мест, отрыва и быстрых переводов мяча с фланга на фланг.

Просвистел свисток к началу матча, и мы бросились на штурм. Пятерку нападающих активно поддерживали полузащитники. И даже мы, защитники, шли вперед. Казалось, этот порыв, это вдохновение должно принести свои результаты.

И в самом деле, динамовская защита на какое-то время растерялась. Несколько раз она «пропускала» рывки крайних нападающих — то слева, то справа. Следовал немедленный навес на свободное место, но Яшин, выбегая к самой линии штрафной площадки, гасил одну передачу за другой. Казалось, он разгадал наши замыслы, наши установки. Причем действовал так смело и вместе с тем так безошибочно, что обескураживал.

Наконец мы не то чтобы перестроились, но чаще стали применять низовые пасы. Одним из них удачно вывели Ефимова в штрафную мимо замешкавшегося на какое-то мгновение Крижевского. Удар у Ефимова был очень сильный, и он послал мяч почти впритирку к штанге, на уровне метра от земли. Кто играл в футбол, тот знает, что подобные «пласированные» удары очень опасны. Но вратарь наших соперников в головоломном прыжке отбил его. Через минуту он удивил нас еще больше: взял мяч, пробитый метров с десяти.

— Вот играет, чертяка,— крикнул мне находившийся рядом Володя Осипов и даже развел руками.

Потом уже удивляться и разговаривать стало некогда: голубые перешли в наступление. Мы проиграли 0:3. И как ни старались размочить счет — так и не смогли.

В раздевалке, как всегда после неудачно сыгранного матча, царило тягостное молчание. И вдруг раздался голос Ефимова:

— Простите меня, ребята. Выходит, трепачом оказался. Но тут не моя вина: этот Яшин в самом деле играет здорово. Словно подменили его с той поры, как я его видел на сборах.

Молчание было нарушено, и мы как-то все сразу заговорили о новом вратаре динамовцев.

— Везет им на вратарей,— покачал головой Ефимов и покосился на нашего Зубрицкого.

— Не поймешь тебя, Ефимыч, Ты же нам всем кричал: «бейте ему издалека»,— взорвался Осипов.

— Ну, кричал. Признаюсь, А теперь всем кричать буду, что ему и вблизи не всегда забьешь. Объяснил он мне это сегодня популярно…

Когда я уже заканчивал работу над этой книгой, Владимир Михайлович Ивашков позвонил мне и сказал:

— Вот рассказал тебе историю и сам решил все проверить, чтобы не спутать чего. Полез в свои архивы. Нашел вырезки из газет. Одна из них писала, что шесть раз форвард железнодорожников Ефимов бил из выгоднейших положений по воротам, но ни разу не смог обыграть динамовского вратаря. Случилось это в июле 1953 года.

«Напишите об этом парне»

Михаил Павлович Сушков — один из той плеяды замечательных людей, которых мы с гордостью называем «гвардией русского футбола».

Его спортивная биография началась шестьдесят лет назад в команде поселка Мамонтовка, считавшейся тогда одной из сильнейших в московской лиге, а закончилась в знаменитой «Трехгорке», Играя то в линии нападения, то в полузащите, Сушков оставил по себе память, как исполнитель высокого класса, человек, тонко понимающий игру. За большие успехи и подлинно высокое мастерство ему было присвоено почетное званне заслуженного мастера спорта.

Отдав футболу почти шестьдесят лет своей жизни (он родился в 1899 году), Михаил Павлович и сегодня продолжает беззаветно служить ему. Он президент многомиллионной ребячьей «футбольной республики», объединенной под именем «Кожаный мяч», активист всесоюзной и всероссийской Федерации футбола, неутомимый пропагандист любимой игры. К несомненным заслугам этого человека относится и то, что он одним из первых открыл Яшина широкой публике, был одним из первых, а точнее, первым обозревателем, провозгласившим его дарование. О том, как это произошло, он рассказал мне в одной из наших бесед.

* * *

— Фамилию Яшина я впервые услышал в пятидесятом году, и тогда же увидел его, один или два раза, в основном составе московского «Динамо». Но особого впечатления, он на меня не произвел. Более того, я подумал, что из него никогда не выйдет настоящего вратаря. Лева показался мне тяжелым, неуклюжим, особенно на фоне таких «реактивных» вратарей, как Алексей Хомич и Вальтер Саная. Потом он как-то вовсе выпал из вида и я, занятый своими многочисленными повседневными делами, забыл о нем.

Весной 1953 года по командировке всесоюзного Спорткомитета я поехал в зону Адлер — Гагры, где, как всегда, проводили предсезонную подготовку многие команды высшей

лиги.

В день приезда я узнал, что на стадионе в Леселидзе московские команды «Динамо» и «Торпедо» проводят товарищеский матч и, естественно, поспешил на него. Приехал, когда игра уже началась. Пристроился в толпе зрителей и стал рассматривать составы.

Ворота москвичей защищал Яшин — даже после долгого перерыва я сразу узнал его своеобразную фигуру. Когда же сражение закипело вовсю, меня все больше и больше стало одолевать сомнение: да точно ли это он? Передо мной был вроде бы и тот же человек, но совсем иной игрок. За три года, в течение которых я его не видел, произошло необъяснимое перерождение. На поле действовал гибкий, прыгучий спортсмен, казалось, обладающий колоссальным опытом. Во всяком случае, его выбор места и смелые выходы сорвали не одну атаку автозаводцев.

В ту весну на юге я увидел еще нескольких понравившихся мне молодых футболистов, но игра Яшина не выходила из головы. В ней подкупала какая-то строгость, убедительность и солидность, что ли.

По приезде в Москву, дня через два или три, я встретился с корреспондентом «Советского спорта» Виктором Фроловым, который попросил поделиться своими впечатлениями.

— Самое яркое впечатление — это Яшин, новый вратарь основного состава динамовцев. Обязательно напишите об этом парне.

В конце апреля Фролов неожиданно позвонил мне и сказал:

— Второго мая динамовцы играют свой первый матч в столице. Сделайте о нем отчет. Кстати, проверите свое впечатление о понравившемся вам новичке.

— С удовольствием,— согласился я.— Буду очень рад.

Я выполнил редакционное задание, и в газете появилась заметка за моей подписью, в которой было сказано следующее:

«Свою первую игру в Москве футболисты «Динамо» провели с подъемом. В команде можно отметить молодого, несомненно, способного вратаря Яшина. Однако ему следует еще много поработать над устранением серьезных недостатков — опрометчивых, нерасчетливых выходов из ворот».

Дня через два, когда я работал дома, раздался телефонный звонок. На мое представление «слушаю» там, на другом конце провода, спросили:

— Это товарищ Сушков?

— Да-да, Сушков слушает,

— Здравствуйте, Михаил Павлович. Вас беспокоит Лева Яшин.

Признаться, я даже немного растерялся. В сознания мелькнуло: наверное, обиделся за критику. Но оказалось — ничего подобною.

— Большое спасибо за добрые слова,— произнес он голосом, в котором мне почудилось волнение.— А еще спасибо за указание на ошибки. Я их учту.

— Это будет очень радостно для всех нас,— искренне сказал я.

— Учту,— повторил он свое обещание. И стал объяснять свои взгляды на игру, на то, что, по его твердому мнению, голкипер не должен, как он интересно выразился, «врастать в ворота», а двигаться, помогать защите…— Конечно, тут нужна точность, очень большая работа,— закончил он.— Но попробовать стоит.

Пожелав ему успехов и положив трубку на рычаг аппарата, я невольно задумался и над этим звонком, и над содержанием происшедшего разговора. Я и раньше нередко печатал отчеты в газетах — кого-то хвалил, кого-то критиковал, кому-то что-то подсказывал, но с живым откликом на свое выступление встретился впервые. И он меня необычайно обрадовал. Конечно, дело тут было не в удовлетворенном тщеславии автора. Я понял, что Яшин не просто одаренный от природы спортсмен, но и человек, очень серьезно относящийся к своим выступлениям на зеленом поле.

Я стал с тех пор внимательно следить за ним, и все очевиднее проявлялось, что это мастер с большим будущим.

Сейчас мы часто вспоминаем крупнейшие международные турниры, на которых он отличился. И это правильно. Но я помню десятки рядовых матчей чемпионата страны, в которых он играл с таким азартом и мастерством, словно от исхода их зависела судьба мировой футбольной короны. Не примите это за красивость — так оно и было.

Проходит самый рядовой поединок: «Динамо» (Москва) — «Локомотив» (Харьков). Москвичи играют из рук вон плохо. И Яшин все время в работе. Его смелые выходы непрерывно гасят острые атаки харьковчан.

— Добегается,— говорит зловещим тоном мой сосед по трибуне и неизменный товарищ по многим футбольным баталиям, имя которого в этой связи я сейчас вспоминать не хочу. Не понимал смелости и новаторства динамовца не только он: мы все в этом грешны. Все же я счел необходимым написать в очередном отчете, что Лева взял ряд труднейших мячей и по существу спас свой клуб от поражения.

— Смотрите не перехвалите его,— сказали мне после этого в редакции.

— Я пишу лишь то, чего он в самом деле заслуживает,— ответил я даже с некоторой обидой. И спросил у Виктора Фролова: — А вы его уже видели в игре?

— Нет, знаете, не приходилось,— признался чистосердечно он.— Командировки да редакционная толкучка все мешают.

— Давайте сходим вместе,— предложил я.

И мы отправились на матч московских и киевских, одноклубников. В первом тайме усилиями Сальникова и Рыжкина хозяева поля добились результата 2:0. А после отдыха, гости организовали затяжной штурм. Защите во главе с Костей Крижевским пришлось туго. И если бы не Яшин… Честное слово, он демонстрировал удивительную игру.

Со стадиона мы возвращались пешком. Долго молчали, вероятно, одинаково потрясенные увиденным.

— Откуда он взялся такой? — вдруг совершенно неожиданно спросил Фролов. И, не дожидаясь ответа, заявил: — Нет, такого как ни хвали, не захвалишь. Наоборот, его надо поддержать, сделать так, чтобы люди скорее узнали о том, что у нас появился новый футбольный талант.

Через несколько дней, после очередного матча, успешно проведенного динамовским вратарем, я написал в порученном мне отчете: «У победителей нужно отметить хорошую игру Яшина». Редактор отдела прочел эти строчки и сказал:

— Скупо. Напишем, что он прогрессирует от игры к игре, ищет свой почерк… Согласны?

— Конечно, согласен.

— Ну, тогда давайте сочинять.

В окончательной редакции текст выглядел так: «У победителей нужно отметить уверенную игру вратаря Яшина, быстро прогрессирующего от матча к матчу. Его смелые действия по всей широте штрафной площади, точность выбора места, отличная реакция позволяют надеяться на то, что из него вырастет большой мастер советского футбола».

ПРИЗНАНИЕ

Футбол — одна из самых удивительных и прекрасных спортивных игр, придуманных человеком. Вот уже более сотни лет поклоняются ему люди, и с каждым годом их любовь, их привязанность к нему становятся все трогательнее и сильней. Эти чувства и необычайную притягательную силу стадионов не охладили ни новые тактические системы, ни новые телевизоры. Самые знаменитые бетонные гиганты, вмещающие фантастическое число зрителей, оказываются слишком маленькими, слишком тесными, когда встречаются достойные соперники. Люди перелетают через океаны и континенты, чтобы посмотреть состязания любимых команд.

Что же руководит этой, казалось бы, необъяснимой страстью? Мне думается, миллионы люден на всех материках поклоняются футболу потому, что он приносит им величайшее эстетическое наслаждение, радость созерцания бескомпромиссной борьбы, великого столкновения сил и характеров. Он горячит кровь и неизменно втягивает нас всех в орбиту страстей, кипящих на зеленом поле,

В футбольной команде одиннадцать человек, и каждый из них очень нужен другому. Они неразрывны, хотя каждый выполняет свою собственную роль, держит свое место и решает свои собственные задачи. Все эти роли одинаково важны.

Но неодинаково трудны и ответственны. Здесь даже самый отчаянный спорщик согласится, что роль вратаря исключительна. Он — последняя надежда своей команды, последняя преграда на пути соперников, яростно жаждущих забить гол. Он — единственный из одиннадцати, кому не позволено ошибаться, кто просто не имеет на это права. И это обстоятельство прежде всего определяет особую судьбу вратарей.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, сколь редко, по сравнению с другими, улыбается им фортуна, как скупо одаривает их спортивная слава?

Возьмите далекие тридцатые годы, когда перед изумленной Европой, как сказочное чудо, предстала команда Уругвая, ставшая вскоре первым официальным чемпионом мира. До сих пор во всех официальных справочниках и литературных произведениях, посвященных мировому футболу, мы встречаем имена великолепных полевых игроков из «страны скотоводов», возглавляемых «непревзойденным» Хосе Андраде, но никто никогда не вспоминает ее вратарей. Если мы обратим свой взор к

Бразилии, трижды за последнее десятилетие завоевавшей право называться сильнейшей в мире, то сразу вспоминаются имена Пеле, Гарринчи, Диди, Амарилдо, Вава, Жаирзиньо… Целая плеяда мастеров, снискавших себе в спортивных сражениях бессмертную славу. Но тот, кто не раз спасал ворота знаменитой сборной — красивый и ловкий Жильмар не стал героем мирового футбола. Он остался просто хорошим голкипером — не больше.

Эти примеры еще раз подтверждают ту истину, как неимоверно трудно прославиться, играя в воротах. За более чем вековую историю футбола были названы многие и многие десятки выдающихся форвардов, мудрых и неутомимых полузащитников, непроходимых игроков обороны. И только вратарей, которых знает и единодушно признает мир — единицы. Хороших много, выдающихся можно сосчитать на пальцах: испанец Рикардо Замора, «циркач из Вены» Руди Хиден, «кошка из Праги» Франтишек Планичка, а в послевоенные годы, в какой-то степени, Фриц Геркенрат и Гордон Бенкс. Не много, не правда ли?

Этой скупости есть свое объяснение. От тех, кому доверен последний рубеж команды, требуются не только филигранная техника, выдающееся мастерство, но и предельная стабильность, особое тактическое чутье, безупречная волевая подготовка. Одним словом, выдающийся вратарь должен быть рыцарем без страха и упрека.

Я уже писал в одной из своих книг, что ни одна другая страна не выдвинула такого большого созвездия блестящих стражей ворот, как наша Родина. Еще в 1923 году, когда сборная РСФСР совершала свое первое в истории советского спорта турне по странам Скандинавии, стокгольмская газета «Политикен» писала о наших футболистах:

«Мы увидели в их команде немало ярких талантов, но, признаемся, настоящим откровением, настоящим чудом явилась игра вратаря Соколова. Любая профессиональная команда Европы, любой клуб на материке и даже в Англии посчитал бы за честь иметь в своем составе такого игрока». Так оценили мастерство Николая Евграфовича Соколова — родоначальника советской школы вратарей. Потом в январе 1936 года весь Париж восхищенно повторял имя Анатолия Акимова, прозвав его «человеком-угрем», а через девять лет родина футбола единодушно призналась, что не видела такой игры, какую показал Алексей Хомич, прозванный на Британских островах «тигром», Тогда же известная французская спортивная газета написала: «В Албании сейчас выступает московский «Спартак», В его составе выдающийся голкипер Жмельков, он буквально творит чудеса в воротах».

Можно было бы привести еще немало имен, прославивших советскую вратарскую школу. Роман Норов, Александр Бабкин, Михаил Леонов, Николай Савинцев, Антон Идзковский, Георгий Шорец, Николай Трусевич, Иван Рыжов, Владимир Никоноров, Леонид Иванов не раз вызывали восхищение истинных ценителей футбола во многих странах мира.

Но Лев Яшин возвышается над всеми, как гигант. И не только потому, что счастливо вобрал в себя многолетний опыт и многогранное искусство всех своих блестящих предшественников. Он появился и стал таким, каким его знает сегодня планета, не только благодаря своему выдающемуся таланту и легендарному трудолюбию, но и, прежде всего, как выразитель неизменно расцветающей силы нашего физкультурного движения, его растущей международной популярности, его невиданного размаха. То, что Николай Соколов называл завидной долей грядущих поколений, то, что для Анатолия Акимова, Владислава Жмелькова, Алексея Хомича и даже Леонида Иванова было лишь отдельными счастливыми эпизодами — все это стало для Льва Яшина или, точнее, при Льве Яшине реальностью и буднями нашего футбола. Участие в современных Олимпийских играх, в чемпионате мира и Кубке Европы, тысячи международных матчей, в которых теперь принимают участие многие десятки советских клубных команд, встречи на высшем уровне с ведущими державами мира — вот какой стала футбольная жизнь моей страны.

Яшин появился в тот самый момент, когда после десятилетий ограниченных международных связей, сенсационности каждой встречи между советскими и иностранными клубами наш футбол начинал новую, небывало яркую и интересную страницу своей истории,

В биографии Яшина не может не привлечь один, необычайно яркий факт: стремительность его спортивного восхождения, быстрота, с которой он добился всеобщего признания и утвердил свой высокий авторитет — сначала внутри страны, а затем и за ее пределами.

Действительно, дебютировав 2 мая 1953 года (матч, сыгранный в тысяча девятьсот пятидесятом за основной состав, был всего лишь эпизодом), он уже через два месяца играет свой первый международный матч против шведской команды «Юргорден», и тренер этого широко известного в Европе клуба господин Андерс Бернмар очень лестно в нашей печати отзывается о нем. А на следующий сезон вчерашний новичок московского «Динамо» становится основным игроком национальной сборной СССР, чтобы уже на протяжении полутора

десятков лет никому не уступать этой высокой чести. Один этот факт является уже выдающимся спортивным рекордом.

Из сезона в сезон, от одного испытания к другому идет он дорогой борьбы и славы. Он проявил много выдающихся качеств, но едва ли не главное состоит в том, что, уже известный всему миру, он никогда не переставал удивлять и восхищать людей — своих товарищей, своих учителей, зрителей и больше всего соперников.

Повторяю, это не биографическая повесть о Яшине и тем более не исследование его жизни и творчества. Это всего лишь скромная попытка помочь читателю, особенно молодому, взглянуть на великого вратаря глазами тех, кому доводилось быть с ним рядом или сражаться против него.

Спорт может быть забавой, профессией, зрелищем, увлечением. Но для тех, кто любит его по-настоящему, он, прежде всего — искусство. Подлинное искусство, хотя и без создания вещественных художественных ценностей. Музыка движений, поэзия без слов, вечное торжество красоты и отваги. Так, именно так относился и относится к спорту Лев Иванович Яшин — лучший, талантливейший вратарь советского и мирового футбола.

Этот вывод напрашивается на основе всего, что мы о нем знаем и знали. Чужие рассказы не прибавят нашей любви к этому человеку, но расширят наши знания о нем.

Как и всякий живой человек, он никогда не был безгрешен — ни в своей жизни, ни в своей игре. Он пережил немало волнений, трудных минут, он допускал ошибки и горько расплачивался за них. Но они были лишь эпизодами. А существо его жизни в спорте составили выдающееся искусство и беспредельная любовь. Любовь к игре, к людям, к стране, которая вырастила его как спортсмена и гражданина. Именно в этом объяснение всех тех чудес, которые он совершил и о которых с таким благоговением помнят и говорят во всех уголках земного шара.

Этот раздел книги я назвал коротким словом «Признание». Признание получил наш футбол, добившийся за сравнительно короткий исторический срок очень многого. Мы часто забываем об этом. И зря. Ругань, брюзжание, критиканство плохие советчики и попутчики тому, кто, оставив одну вершину, отправляется к другой — еще более величественной и заманчивой.

В такие минуты лучше всего вспоминать о радостях пройденного пути. Советский футбол одарил нас многими радостями. И соавтором почти каждой из них является человек, которому посвящена эта книга.

«Вы не сказали о главном»

— Ну, скажи мне, когда мы могли об этом мечтать? К нам едут сами чемпионы мира. Это же прекрасно! — выпалил мне по телефону ранним августовским утром 1955 года один мой давний друг.

Действительно, то, что сборная Советского Союза, возрожденная после долгого перерыва всего два года тому назад, встречается с соперником на самом высшем уровне, что ее предложение принято, было уже в известной мере утверждением того неоспоримого факта, что наша страна признана великой футбольной державой.

Однако все это до поры до времени было лишь теоретическим выводом, который предстояло подтвердить на зеленом поле.

Товарищеская встреча двух национальных сборных — событие обычное в наше время — приобретала тогда особый интерес ввиду исключительности обстоятельств: Советский Союз еще ни разу не участвовал в чемпионатах мира и вдруг получил возможность испытать себя в поединке с соперником, официально возведенным на мировой футбольный престол 4 июля 1954 года в Берне, после финального матча против сборной Венгрии.

Завоевание высшего футбольного титула обошлось команде ФРГ очень дорого: из-за травмы и болезней выбыло много ведущих игроков. Только к лету 1955 года чемпион стал обретать свой грозный вид.

— Мы будем играть в Москве в том же составе, в каком провели финал в Берне,— заявил представителям прессы президент футбольной федерации страны.

Предстоящему состязанию придавалось большое значение. Один из мюнхенских журналистов писал, «что это самый ответственный товарищеский поединок из всех, сыгранных за последнее время».

Истинность этих слов подтверждало не всеми тогда замеченное, но весьма примечательное решение ФИФА: судить состязание в Москве эта высокая международная организация поручила англичанину В. Лингу, который год назад судил финал чемпионата мира.

Серьезно, с чувством высокой ответственности готовились к поединку оба коллектива.

— Мы проведем к встрече в Москве специальную подготовку и позаботимся, чтобы все игроки обрели наивысшую форму,— сказал по телевидению ФРГ старший тренер ее национальной

команды, широко известный в футбольном мире господин Зепп Гербергер.

— Встреча с чемпионом мира — большая честь и большое испытание для любой команды. Мы отнесемся к ней очень серьезно,— эти слова принадлежат Гавриилу Качалину, стоявшему тогда на капитанском мостике нашего футбольного корабля.

Матч, от которого многое ожидали, вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он был ярким, острым от начала да конца и закончился, вопреки многочисленным прогнозам, победой советской сборной со счетом 3:2!

В воротах нашей сборной стоял Лев Яшин. Это было его четвертое выступление за национальную команду.

Как же выдержал этот редкий по значению экзамен молодой голкипер? Я просмотрел всю нашу прессу тех дней и не нашел ни одной строчки об этом. Упоенные победой, наши журналисты воздавали должное Игорю Нетто, Борису Татушину, Николаю Паршину… Из гостей особенно хвалили Фрица Вальтера…

Фриц Вальтер… Это одно из тех имен, которые не забываются. На протяжении многих лет он был капитаном сборной ФРГ и стал одним из героев чемпионата мира 1954 года. О нем писали как об искусном тактике, умелом руководителе атак, смелом и вдохновенном бойце, метком, не прощающем ошибок бомбардире.

Его я и решил попросить восстановить в памяти все, что относится к игре Яшина в этой встрече. Я отправил письмо в Управление бундеслиги ФРГ, где знаменитый некогда форвард работает в должности консультанта. Сделать это мне помогли товарищи из АПН. Через них я получил и ответ — четкий и обстоятельный. Я излагаю его здесь с предельной точностью, допуская лишь изменение стиля, не больше.

«Уважаемый господин редактор! Я охотно удовлетворю Вашу просьбу, хотя не знаю, насколько то, что сохранилось в моей памяти, может оказаться Вам полезным.

До встречи в Москве ни я, ни подавляющее большинство моих партнеров (а может быть, даже все) не имели случая не только сыграть против футболистов СССР, но даже увидеть их на поле. Тем не менее, нам были известны их сила и весьма значительные возможности. На нас всех произвела глубокое впечатление ничья вашей команды со сборной Венгрии осенью 1954. Силу сборной Венгрии той поры мы знали хорошо, так как совсем недавно встречались с ней дважды на чемпионате мира, проиграв в подгруппе (3:8) и сумев вырвать победу в финале (3:2).

Первая встреча с советскими футболистами да еще на их

стадионе, перед русскими зрителями, заставляла нас очень серьезно отнестись к предстоящему поединку.

Были и другие, не менее существенные факторы, делавшие предстоящий матч очень важным для нас. Победив в Берне, мы потеряли много игроков и очень плохо провели ряд последующих неофициальных встреч: проиграли Бельгии, Франции, Англии, Италии. Никто не хотел принимать во внимание обстоятельства, в силу которых это происходило. Пресса писала лишь о конечном результате.

К концу лета 1955 года мы в какой-то мере восстановили свой боевой состав. И экзамен в Москве приобретал для нас высокий смысл.

Перед тем как отправиться в Москву, все мы, игроки сборной, были призваны на краткосрочный тренировочный сбор, что в такую пору (практически до начала сезона) само по себе выглядело как решение исключительное.

На этом сборе, как мне помнится, кроме обычных занятий, кроссов и тактики, серьезное внимание было уделено тому, чтобы познакомить нас не только с русской командой в целом, но и с каждым из ее игроков. Для этого в распоряжении Зеппа, как мы все называли своего тренера, господина Зеппа Гербергера, были кинорепортажи о выступлении сборной СССР в 1954 году против Швеции и специальные фотоальбомы.

Меня, как нападающего, прежде всего интересовали те, кто стоит на оборонительных рубежах. Я почерпнул очень много полезных и интересных сведений о таких мастерах, как Нетто, Башашкин, Тищенко, Седов (кстати, только двое из них вышли на поле против нас), а о Яшине — ни одного толкового слова. В матче против Швеции его ни разу не показали в игре, а среди данных нашей «спортивной разведки» значилось, что он «…не обладает достаточным опытом и действует весьма неровно». Вот и все. Поэтому я сделал вывод: «Ну, этот особых беспокойств нам не доставит!»

Я выходил на поле московского стадиона «Динамо», уверенный в весьма средних способностях вашего вратаря, наверное, поэтому особенно отчетливо запомнил его игру. Хотя сразу оговорюсь, что в силу ряда обстоятельств это не было одним из тех состязании, в которых он выступал в качестве главного героя.

В ходе матча он, тем не менее, заставил меня подумать, что ворота вашей команды защищает человек, которому не забьешь «всегда, когда хочешь». Примерно первые пятнадцать минут мы пытались создать обострения быстрыми переводами мяча с фланга на фланг. Несколько очень опасных, с моей точки зрения,

передач были перехвачены Яшиным, который резко выходил к самой линии штрафной площадки. Поначалу мне казалось, что это случайные рывки, что Яшин, который во время атак своей команды неизменно выдвигался вперед, не успевал вовремя возвратиться на место. Но потом я понял, что он применяет специальную, продуманную тактику «ловли воздушных шаров» (так охарактеризовал ее в перерыве наш Зепп) и, пользуясь правами капитана, передал команде совет:

— Больше играйте низом!

В то же время мы попробовали обстрелять ваши ворота издалека. Это решение отчасти вызвано было тем, что, довольно прочно овладев центром поля, мы не имели, по существу, ни одного случая проникнуть в глубину вашей обороны. Очень сильно и точно пробил в правый верхний угол всегда опасный Ран, но Яшин вовремя заметил угрозу и в резком, точном броске достал мяч. Отбегая к центру поля, Гельмут удивленно покачал головой.

Потом последовало несколько острых контратак вашего нападения, и одна из них закончилась голом, другие с большим трудом ликвидировали защита и всегда выручавший нас Фриц Геркенрат.

Выдержав этот натиск, мы, как мне помнится, в какой-то мере сумели наладить игру. Часть матча, примерно от двадцатой минуты до перерыва, принадлежала, безусловно, нам.

Пропущенный гол, как известно, или подавляет команду или служит для нее определенным раздражителем, заставляя действовать гораздо лучше, чем прежде.

Наш опыт помог нам относительно легко перенести эту неудачу. Мы «разозлились» и стали играть в два, в три раза быстрее, чем прежде, создавая темп длинными передачами и постоянными перемещениями игроков.

В один из моментов сместившийся к центру Гельмут Ран, разыграв с Максом Морлоком несложную, но очень четкую комбинацию, привлек ваших защитников, что позволило мне проскочить на свободное место. Немедленно Морлок отдал мне пас. Я вышел к самой границе штрафной площади и с ходу сильно ударил. В это же мгновение я увидел, что в воздухе мелькнуло огромное черное пятно, «Возьмет»,— пронзила мысль. И Яшин взял бы, но произошло неожиданное: стремительно летящий мяч задел кого-то из ваших защитников и, резко сменив направление, пулей влетел в ворота. Конечно, я радовался успеху. Но могу заверить, господин редактор, что, возвращаясь к центру поля, я не в меньшей степени удивлялся тому, как мгновенно и четко среагировал на совершенно неожиданный удар ваш голкипер.

Добившись успеха, мы продолжали, как мне помнится, беспрерывно наседать. И если счет до перерыва не был увеличен, то в этом большая заслуга человека, которому вы в тот раз доверили защищать ворота.

Конечно, очень трудно припомнить отдельные детали, обрисовать с предельной точностью все его действия. И все же могу восстановить несколько эпизодов.

Очень активно, как всегда, молодо, по-боевому играл в тот раз наш Гельмут Ран — герой чемпионата мира 1954 года, автор незабываемого «золотого» гола, который он забил в ворота Венгрии. И вот в один из моментов, обойдя с ходу двух защитников, он с близкой дистанции пробил в дальний от вратаря угол.

— Го-о-о! — закричал Гельмут и вдруг оборвал крик в полном замешательстве: Яшин в броске вновь парировал мяч. И еще трижды подряд Хорст Эккель, Юпп Рериг и снова Эккель посылали сильнейшие удары в руки вашего вратаря, Конечно, не в руки, это на редкость точно определял свое место, обладая удивительным чутьем, ваш Яшин,

Чтобы быть объективным, я должен отметить, что в матче, о котором вы просили рассказать, Яшин допустил и несколько ошибок. Одна из них стоила русской команде гола. Случилось это так: Хорст Эккель, получив мяч неподалеку от нашей штрафной площадки, пошел с ним вперед и, наращивая скорость, обошел нескольких ваших игроков, передал его на левый край Гансу Шеферу, Лев Яшин, преданный тактике активной игры, выдвинулся с линии ворот, по-видимому, уверенный в том, что из такого положения, в котором находился Шефер, атаковать ворота нельзя и сейчас последует передача в центр. Но Ганс был известным футбольным снайпером и немедленно послал мяч в незащищенный — ближний от себя — угол ворот.

После этого советские футболисты перешли в наступление, которое велось до конца матча и закончилось их победой со счетом 3:2.

Мы серьезно и долго обсуждали итоги матча, который нас и огорчил и удивил. Мы знали сборную СССР как команду, сравнительно недавно вышедшую на международную арену, а она провела состязание, как очень опытный коллектив.

К встрече наших сборных у нас в стране был проявлен необычайный интерес. Например, во всех газетах было напечатано следующее заявление агентства АДН:

«Пожалуй, никогда еще радиопередача о спортивном соревновании не привлекала такого большого числа слушателей в Западной Германии, как футбольный матч СССР — ФРГ. Острая

игра обеих команд вызвала повсюду всеобщее восхищение. На автостраде Франкфурт — Карлсруэ во время матча сотни грузовых и легковых машин и все проезжавшие слушали радиопередачу о футбольном матче».

Естественно, когда мы вернулись на немецкую землю, то попали в плен к работникам прессы, радио и телевидения. Прямо с вокзала, не дав возможности хотя бы на мгновенье попасть домой, нас повезли в студию. Среди «пленников» оказались Зепп Гербергер, Фриц Геркенрат, Юпп Позипаль, Гельмут Ран и ваш покорный слуга.

Нам было задано очень много вопросов, если бы я стал перечислять их, а также наши ответы, то, вероятно, прислал бы вам целую книгу. Но об одном вопросе и ответах на него должен рассказать непременно.

— Кого из игроков русской команды вы бы хотели особенно выделить? — спросил комментатор у нашего тренера.

Нужно сказать, что Зепп Гербергер не относится к восторженным натурам. Заслужить его похвалу всегда было неимоверно трудно. Но в тот раз он одобрительно отозвался, прежде всего, о вашем Игоре Нетто, назвав его одним из лучших полузащитников, которых ему доводилось видеть. Похвалил он и Бориса Татушина, Правда, отметив некоторое однообразие его технических приемов. Потом назвал еще одну-две фамилии и умолк. Комментатор хотел продолжить беседу, но тут в ее заранее продуманный сценарий неожиданно вмешался Фриц Геркенрат,

— Господин Гербергер,— произнес он,— извините, но мне кажется, вы не сказали о главном.

— О чем именно? — изумленно спросил наш шеф.

— О вратаре русских…

Гербергер чуть замялся, а потом спросил, в свою очередь, не Геркенрата, а меня:

— А вы что думаете на этот счет, Фриц?

— Думаю, что этот парень очень помог своей команде, что он, несомненно, талантлив. И что мы должны быть довольны, что забили ему два гола.

— Ну что ж, я согласен с этой оценкой. У русской сборной молодой голкипер, но он уже сейчас хорошо помогает ей и обещает помогать еще лучше в будущем.

Вот, собственно, и все, господин редактор, что я мог вам сообщить.

Могу добавить, что через два года, в Швеции, я увидел Яшина в составе вашей сборной на чемпионате мира и удивился, насколько выросло его мастерство за столь короткий срок.

Сегодня же это имя произносится с большим уважением во всем футбольном мире, и каждый мастер может считать, что ему повезло, если ему удалось забить в ворота Яшина гол. Признаюсь, я горжусь, что нахожусь в их числе».

«У моего героя другое имя»

15 июля 1952 года на стадионе маленького, уютного финского городка Котка состоялся отборочный матч олимпийского футбольного турнира между национальными сборными СССР и Болгарии.

Этот матч вошел в летопись нашей сборной, бесспорно, как один из наиболее ярких и драматичных. Девяносто минут основного времени не дали тогда преимущества ни одной из сторон, хотя состязание проходило в обоюдных и непрерывных атаках, а бескомпромиссной, со множеством захватывающих моментов борьбе. Но в итоге 0:0.

Дается добавочное время. Болгары на первых же минутах бросаются в атаку, и вот уже их центральный нападающий блестяще обходит одного за другим трех наших защитников и забивает Леониду Иванову гол.

Нужно ли объяснять, сколько требуется в эти минуты самообладания, решимости, веры, чтобы продолжать борьбу и добиваться победы,

Последняя смена ворот. Счет по-прежнему 0:1. Пятнадцать минут, и наша сборная не войдет даже в число шестнадцати олимпийских счастливчиков.

И тут вновь, как бывало не раз в те годы, выручил спортивный гений Всеволода Боброва. Медленно, с кажущейся ленцой, продвигаясь по полю, он зорко следил за всем происходящим, точно оценивая мгновенно меняющуюся обстановку. И когда до конца матча оставалось всего минут семь-восемь, Бобров ушел от сторожившего его неотступно защитника, получил мяч и рванулся к воротам. Наперерез к нему устремился болгарский игрок, бросился в ноги, и вдвоем они упали. Но мяч уже был в сетке болгарских ворот — 1:1. А за сорок секунд до финального свистка комбинация Бобров — Трофимов выводит нашу сборную вперед — 2:1! Матч окончился победой. Впереди была встреча с Югославией, которую мы проиграли (5:5 и 1:3).

Прошло четыре года. В Мельбурне, в полуфинале олимпийского турнира, жребий снова свел национальные сборные СССР и Болгарии. В нашей команде из ветеранов, участвовавших в матче на зеленом поле финского города Котка, остались Анатолий Башашкин и Игорь Нетто, у болгар — четверо, и среди них Иван Колев.

Имя этого замечательного спортсмена может быть с полным правом отнесено к числу выдающихся мастеров мирового

футбола, к числу ярких к неповторимых футбольных бойцов. Техничный, смелый, неукротимый, он в течение шестнадцати лет возглавлял линию атаки сборной страны.

В 1971 году я послал ему письмо в городок Кюстендил, где он вел в то время тренерскую работу. Я просил Колева рассказать о своей первой встрече с Яшиным, об олимпийском турнире в Мельбурне. Иван Колев охотно откликнулся на мою просьбу и прислал пространный ответ. С его содержанием я и хочу сейчас ознакомить читателей.

* * *

Четыре года, которые отделяли одну Олимпиаду от другой, все мы, игроки сборной Болгарии, помнили о матче, сыгранном в финском городке Котка. Вспоминали о нем с нескрываемой болью. Конечно, мы отдавали должное мастерству своих советских товарищей, но все же считали (и, по-моему, справедливо), что нам не повезло. Шутка ли, вести в добавочное время 1:0 и за несколько мгновений до конца проиграть!

И вот ирония судьбы — в полуфинале игр 1956 года жребий нас сводит снова со сборной СССР. Хотя из состава 1952 года в команде осталось всего четыре участника, мы все — теперь уже об этом можно сказать — жили жаждой реванша. И старые. И молодые.

Я читал немало рассказов об этом матче, напечатанных в советской прессе. Повсюду в них фигурирует имя Николая Тищенко, вернувшегося после тяжелой травмы плеча на поле. Конечно, это своеобразный подвиг, который должен был заразить и, вероятно, заразил энтузиазмом остальных.

Но тот мельбурнский матч, оказавшийся похожим как две капли воды на матч, сыгранный когда-то в Котке, я вижу иными глазами. Для меня был другой герой в составе советской команды.

Моего героя звали Лев Яшин. И я с удовольствием опишу все, что ношу с того дня в своей памяти.

Повторяю, мне довелось участвовать в обоих футбольных сражениях — да, иначе их и не назовешь. Мы знали, что сборная 1956 года моложе, монолитнее и поэтому еще опаснее, чем прежняя.

— Только сделав невозможное, можно победить нашего грозного соперника,— сказал на установке тренер.— Я жду от вас

небывалой самоотверженности, мужества, готовности играть так, как никогда.

Могу вас заверить, что слова наставника сборной дошли до наших сердец. Могу заверить и в другом: мы сделали тогда все, что могли. И если мы проиграли, то в этом не наша вина.

Был день 5 декабря 1956 года — день жаркого австралийского лета. Нещадно палило солнце. В момент начала матча термометр показывал около тридцати градусов в тени. Тяжелая духота окутала стадион. Но мы словно не замечали ничего этого. Мы думали о предстоящей борьбе.

Болгарская команда превосходно знала основные козыри своего соперника: отличные физические данные, сплоченность, высокий наступательный порыв. И мы решили противопоставить такие же качества со своей стороны.

Поверьте, с дистанции в полтора десятка лет я вижу все так отчетливо и остро, как будто снова участвую в этом поединке. Я трижды выступал на Олимпийских играх, дважды в финальной части чемпионатов мира, но матч в Мельбурне, пожалуй, самый памятный, хотя он принес нам большое огорчение. Но ведь лучше красивый проигрыш, чем скучная, бесцветная победа.

Не примите за хвастовство, но в тот памятный день мы с первых минут захватили инициативу. На четвертой минуте товарищи выводят меня в прорыв. Врываюсь в штрафную площадь. Где-то рядом дыхание догоняющего защитника. До ворот не более пятнадцати метров. Заранее предвкушаю радость успеха. Еще шаг вперед и… удар. Мяч летит в правый от меня нижний угол.

И в это же мгновенье трибуны взревели от восторга: ваш вратарь с удивительной легкостью нырнул вперед и прижал мяч к земле у самого основания боковой стойки. Увидев это, я почувствовал, как к сердцу пополз холодок: если этот Яшин берет такие мячи, забить ему будет трудно.

До этой встречи мне не приходилось выступать против Яшина. В Котке ворота советской сборной защищал Леонид Иванов. Это был мастер высокого класса. Он порой творил чудеса, И когда мы выходили на поле, я, признаться, испытывал даже некоторое облегчение, что уже не встречу «этого дьявола в сером свитере», как его называли наши ребята.

Но оказалось, что радоваться рано. Я это увидел после описанного мной эпизода. А когда через минуту Яшин вытащил мяч из верхнего угла, отразил удар, который мы в своей среде называем «мертвым» — честно говоря, стало страшновато.

Вероятно, это чувство испытал в первом тайме из нашей команды не один я. До перерыва бесспорное территориальное и

игровое преимущество, как мне кажется, было на нашей стороне. Наши нападающие очень часто, на высоких скоростях, смело просачивались сквозь ваши оборонительные порядки, и матч часто распадался на ряд отдельных дуэлей между ними и Яшиным. Неизменно победителем в них выходил ваш замечательный вратарь.

Дело было не только в его великолепных бросках, точном выборе места и почти безошибочном чутье. Чем шире и острее разворачивалось состязание, тем отчетливее мы, игроки первой линии, понимали, что в воротах действует не просто великолепный мастер своего дела, но организатор обороны, ее непосредственный участник.

— Держите Янева!

— Коля, сместись влево!

— Миша, поменяй место,— то и дело выкрикивал человек в воротах.

Мы, футболисты, обычно не любим подсказок вратарей, не любим, когда нас вроде бы учат.

Тем удивительнее было видеть, что советская оборона беспрекословно и даже охотно подчиняется своему голкиперу. Не было сомнения в том, что она вполне доверяет ему.

За пять минут до перерыва произошел эпизод, который потом мы еще долго обсуждали между собой. Не знаю, помнят ли его советские футболисты, но мы помним. Метров с двадцати Монолов сильнейшим ударом послал мяч в советские ворота. Яшин отбил его… прямо на меня. Видя, что советский голкипер лежит на земле, я точным ударом «щечкой» послал мяч в незащищенный, дальний угол.

«Удача! Наконец-то удача»,— кричало, ликовало все внутри и… внезапно оборвалось. Словно в сказке, ваш вратарь мгновенно поднялся, сделал шаг вправо, прыгнул и — в какой уже раз! — спас свою команду от неминуемого гола.

Усталые, несколько подавленные, пришли мы в раздевалку. Хотите верьте, хотите нет, но разговор — короткий, отрывистый, сдержанный — велся все время вокруг Яшина.

— Что он у них, заколдованный? — спросил кто-то.

— Вратарь отличный,— согласился тренер.— Но вы сами часто «играете на него». Слишком много верховых передач, ударов издалека, навесов, мячей, направление которых заранее угадываешь. Против такого вратаря так играть нельзя.

Пожалуй, это был единственный случай в моей многолетней практике, когда во время международного матча, такого важного, так много для всех нас значащего, тренер давал команде специальную тактическую установку игры против одного

человека, против голкипера.

Начинается второй тайм. Не знаю, откуда взялись силы у моих товарищей, но атаковала по-прежнему наша команда, атаковала много и остро. Уже позже тренер сказал нам, что только в течение второго тайма мы сумели произвести более двадцати прицельных, «настоящих» ударов по воротам советской сборной.

— Окажись в них любой другой вместо Яшина, и ему бы не сдобровать,— подвел он итог и, как мне кажется, подвел очень правильно.

В один из острых моментов, возникших в вашей штрафной, защитник Тищенко после прыжка за мячом неудачно приземляется, падает, и вскоре его выносят с поля. Советская команда осталась вдесятером.

— Ребята, выстоим! — крикнул своим товарищам Яшин. Я сам слышал его, русский язык я знаю с детских лет. Да, собственно, кто из болгар не сумеет понять русского?

Как вы там не рядите, а такой оборот дела (замена олимпийскими правилами категорически запрещалась) придал нам уверенность.

Мы усилили свои атаки. Мы вели их с упорством и ожесточением.

Когда пишешь о себе, не обойдешься без того, чтобы не похвалиться. В Болгарин меня в свое время называли снайпером. Что ж, только выступая за сборную страны, я около ста раз поражал ворота соперников. И в тот день делал все, чтобы провести решающий мяч. Меня опекал Башашкин — я несколько раз убегал от него. Меня «подстраховывал» Парамонов, но игрой в пас и рывками я добивался желанной оперативной свободы. Но Яшина в течение девяноста минут я так я не смог обыграть.

Я назвал его своим героем, героем того памятного матча. Это действительно так. Меня пленило в его игре хладнокровие, завидное бойцовское спокойствие а умение передавать его товарищам. Во время наших атак защитники сборной СССР, несмотря на высокое мастерство, допускали немало ошибок, неточностей, позволяя нам наносить прицельные удары. Яшин ни разу, никак не выразил своего недовольства их промахами. Он падал, поднимался, совершал броски, выскакивал на перехваты, а когда выпадала свободная минута, утирал рукавом фуфайки залитое потом лицо. Он всем своим видом давал понять, что выполняет обычное дело, что оно его не тяготит и он справится с любым из испытаний, которые ему готовит судьба. И эта спокойная, рассудительная уверенность передавалась его товарищам по команде.

А нас его спокойствие выбивало из колеи. Каждый новый блестящий бросок Яшина, каждый удачно взятый им мяч, каждая сорванная им атака буквально подсекала крылья.

— Послушай, Иван, уж не заколдовал ли он нас всех,— подскочил ко мне быстрый, темпераментный Манолов, когда Яшин,— в который уж раз,— словно и впрямь по щучьему велению, оказался точно на пути мяча, неотразимо пробитого моим товарищем.

Мне оставалось в ответ лишь пожать плечами. Не часто доводится видеть такую игру.

В раздевалке тренер тревожно спросил меня:

— Иван, он что вас заколдовал?

Я рассмеялся: один и тот же вопрос задают дважды в течение каких-нибудь десяти минут.

— Сейчас не до смеха. Надо лезть вперед. Надо попытаться расстрелять их ворота в упор. Сломите, в конце концов, этого Яшина.

Может быть, эти слова раззадорили меня. Может быть, просто повезло. Так или иначе, на пятой минуте добавочного времени я ворвался в штрафную площадь, слева тенью двигался Башашкин, справа, кажется, Огоньков. Оба пошли на сближение со мной. На какую-то сотую долю приостановились, и это дало мне возможность проскочить вперед. Мои опекуны были за спиной, но я из-под их ног успел пробить в дальний от себя угол ворот, до которых оставалось не более семи-восьми метров. И даже Яшин на этот раз остался бессилен.

Представьте себе ситуацию: редкая по напряжению, прямо-таки отчаянная игра. Основное время не дало результата. Нервы напряжены до крайности. И тут в твои ворота влетает мяч, а времени на то, чтобы отыграться, почти не остается.

Что же делает в этой ситуации Лев Яшин? Рыдает? Покрывает бранными словами защиту? Пытается показать, что в пропущенном мяче нет его вины? Ничего подобного — он подбегает ко мне и жмет руку. Поздравляет с удачно выполненным ударом.

Не знаю, помнит ли этот случай ваш вратарь. Меня же он буквально потряс и навсегда остался в памяти сердца. Не часто в наше время встретишь такое рыцарство на зеленых полях.

И еще помнится: после того как ваши ребята выровняли счет, а за четыре минуты до конца вышли вперед (2:1), мы провели атаку отчаяния. Я снова выскочил на ударную позицию перед воротами и, показалось, что счастье улыбнулось мне. Удар! Последний удар в этом матче. Он был очень похож на тот, который принес нам успех. Но в акробатическом прыжке Яшин на

этот раз спас своих товарищей от необходимости играть повторный матч.

Если бы выигранные матчи называли по имени тех игроков, которые обеспечили победу, наш олимпийский поединок я бы назвал именем Яшина.

Вот, собственно, и все, что я могу сказать о его роли в олимпийском матче СССР — Болгария, сыгранном в Мельбурне в 1956 году. Тогда имя советского вратаря не было еще так широко известно в футбольном мире. И мы, остыв после сражения, говорили друг другу, вспоминая переживания матча:

— Ну и разошелся сегодня русский голкипер!

— Да, такой игры ему уже долго не показать!

Но через несколько дней, в финале, он показал еще более высокий класс.

После олимпийского турнира, на котором мы заняли третье место, у нас состоялось несколько дружеских бесед с советскими футболистами. На первой же из них я попросил у Яшина сделать запись в моей «тетради почетных гостей». Он оставил мне на память следующие слова: «Моему безжалостному другу Ивану Колеву с надеждой на новые встречи».

Мы действительно еще не раз встречались на международных состязаниях, в том числе на двух чемпионатах мира. И я с радостью убеждался, что этот человек портил настроение многим лучшим форвардам мира. И постепенно, с дистанции прожитых лет, рассасывалась досада от неудачи, постигшей нас в олимпийском матче против команды, ворота которой защищал Лев Яшин.

«Четыре проигранных дуэли»

Передо мной перевод статьи из газеты «Юманите», опубликованной в июле 1952 года, вскоре после того, когда наша молодая олимпийская сборная, отчаянно сражавшаяся в течение двух дней с одной из лучших команд Европы, все-таки уступила ей. Статья называется «Олимпийские размышления», в ней есть строки, посвященные нашей команде. Вот они:

«…Хотя советская сборная проиграла, она оставила очень сильное впечатление. Матч, сыгранный ею с сильнейшей в истории Югославии сборной, несомненно, войдет во все учебники футбола как образец выносливости, мужества, ошеломляющей скорости. Да, русские проиграли. Но их сборную можно сегодня сравнить с сапером, взорвавшимся при разборе неизвестной мины, но успевшим объяснить товарищу тайну действия взрывателя. И кто знает, может быть, опыт, приобретенный советскими футболистами на земле Суоми, поможет им в далеком Мельбурне»…

Эти слона французского журналиста оказались пророческими. Пролетело время, и вот в Австралии, пройдя сквозь горнило многих тяжелых испытаний, наша новая, но более закаленная сборная оказалась финалистом XVI Олимпийских игр. Теперь один шаг отделял ее от победы. На пути к этой победе вновь стояла сборная Югославии.

Жребий свел старых соперников. Между прочим, в нашей спортивной историографии этому матчу уделено крайне мало места. Скупые, лаконичные отчеты повествуют лишь о том, как был забит золотой гол. Объяснить это нетрудно: матч проходил за многие тысячи километров от Москвы. Возможности связи были в те годы предельно ограничены, а потом, в суете будней, его свидетели не нашли времени подробно рассказать о состязании, исполненном высокого напряжения, боевитости, мужества и мастерства.

Полтора года тому назад я послал три письма в адрес Федерации футбола Югославии на имя участников этого олимпийского сражения — Драгослава Шекулараца, Петера Раденковича к Златко Папеча. Как и других, я просил их вспомнить все, что касается игры Яшина в этом состязании. Но оказалось, что Драгослава Шекулараца нет в стране — он играл в то время за одну из профессиональных команд далекой Колумбии. Два других письма, как мне официально сообщили из

Федерации, были переданы адресатам. Но шли месяцы, а ответа я не получал.

И вдруг радость: мой товарищ, корреспондент ТАСС, прекрасно знающий югославский спорт и пробывший несколько месяцев в этой стране, привозит на мое имя объемистый пакет. В нем оказалось долгожданное письмо от Златко Папеча, которое он написал, по его словам, после тщательных консультаций со своими товарищами, в том числе с бывшим вратарем сборной Петером Раденковичем.

Прежде чем изложить письмо, несколько слов о его авторе. Златко Папеч, несомненно, один из признанных героев югославского футбола. Игрок знаменитого клуба «Партизан» и национальной сборной, он прославился, как «форвард с железными нервами», неутомимый спортивный боец, мастер обводки и точного, неотразимого удара.

* * *

— Пожалуй, периодом наивысшего расцвета нашей национальной сборной,— пишет Златко,— было начало пятидесятых годов, когда на зеленом поле блистали такие звезды, как Бобек, Чайковский, Митич и другие. В 1952 году мы связывали с этой дружиной самые радужные олимпийские надежды, но в финале она уступила команде Венгрии.

Шло время, старая гвардия начала понемногу сдавать. Особенно плохо сборная прежнего состава выступала в 1956 году, том самом, когда ей предстояло ехать в Мельбурн. Ветераны, как назло, проигрывали один международный матч за другим, плохо провели важнейшие контрольные состязания.

И тогда руководство федерации изменило состав, введя в него молодых, но уже проявивших себя во внутреннем чемпионате и международных встречах игроков. Вместе с такими мастерами, как Шекуларац, Радейкович, Крстич, Сантек, Веселинович, пришел в национальную сборную и я.

Мы были молоды, честолюбивы и полны желанием оправдать доверие. Мы очень много тренировались, охотно участвовали в товарищеских матчах и лелеяли в мечтах мысль осуществить то, что не удалось в пятьдесят втором нашим предшественникам.

Предварительные состязания, проведенные в Мельбурне, не доставили нам особых трудностей. Встречи со сборными США (9:1) и Индии (4:1) скорее походили на напряженные тренировки.

Мы получили возможность лучше сыграться, понять друг друга, опробовать наигранные комбинации.

И вот финал. Нашим соперником в нем оказалась сборная СССР. Мы знали ее убедительную силу. И несмотря на это, признаюсь откровенно, мы искренне надеялись выиграть. На чем, спросите вы, основывалось это убеждение? Я хочу ответить на этот вопрос.

Прежде всего, ваша команда прошла через тяжелые испытания на пути к финалу. По существу, лишь игра со сборной ФРГ далась ей легко. Два матча с командой Индонезии, добавочное время в драматическом поединке с Болгарией потребовали значительного расхода физической и нервной энергии. Вы пробились к финалу по скалам, мы прошли ровной, спокойной дорогой. Разве это не давало нам преимущества? К тому же было известно, что несколько игроков вашей команды получили травмы и не смогут выступать.

И, главное, мы не считали себя слабее вашей сборной. Мы видели ее в матчах, в том числе в знаменитом поединке с Болгарией, и полагали, что можем бороться на равных. Ваша сборная была так же молода по составу, как наша, так же, как и наша составлена на базе одного-двух клубов,

Мы отдавали должное мастерству и боевитости советских спортсменов, их физической закалке, непреклонной воле, но этими качествами и нас судьба не обделила.

Легкого поединка мы не ждали и со всей ответственностью готовились к нему, продумывая до деталей тактику.

Решение тренера сборной было таково: атака и только атака. С первых же минут постараться навязать сопернику свой темп. Свою волю, И обязательно добиться первыми успеха.

— Посмотрите на себя, ребята,— обратился к команде ее руководитель.— Вы похожи на великанов — рослые, крепкие, сильные. Неужели вам эта задача не по плечу?

Не знаю, что думали в ту минуту другие, я был согласен с нашим шефом. Я чувствовал необычайный прилив энергии и желание сыграть как надо.

8 декабря 1956 года было заключительным днем XVI летних Олимпийских игр. По решению оргкомитета они завершались финальным футбольным матчем.

Утро выдалось хмурым, небо от края до края заволокли тучи, сплошная серая пелена. Когда мы вышли на прогулку, пошел дождь. Кто-то предложил:

— Вернемся, переждем…

Но переждать дождь оказалось невозможным: он лил не переставая. Нудный, мелкий, холодный, какой бывает у нас в

Югославии только зимой. Тренер собрал нападающих и внес поправку в тактическое задание:

— Скользкое поле. Скользкий мяч. Надо чаще и сильнее бить со средних дистанций, ребята. В таких условиях вратарю недолго и ошибиться.

Когда мы приехали на главный Олимпийский стадион Мельбурна, на его трибунах, вмещающих больше ста тысяч человек, не было ни одного свободного места. А ведь поначалу австралийцы не признавали футбола. Популяризации этой игры способствовал олимпийский турнир и, в первую очередь, встреча сборных команд СССР и Болгарин. О ней тогда много писали газеты, как интересный приключенческий фильм несколько раз повторяло в записи этот матч мельбурнское телевидение. Я сам два или три раза просматривал его от начала до конца.

Настают решающие минуты. Чем ближе начало матча, тем сильнее и сильнее волнение.

Выстраиваемся в центре поля, Я смотрю на огромное световое табло, которые потом появились на всех европейских стадионах. Там мерцают блеклые, рыжеватые нули. Кому же из нас суждено перечеркнуть их?

Звучит свисток австралийского судьи Роберта Райта. Мяч введен в игру.

Как и было задумано, мы пошли в наступление. Поначалу игра шла хорошо: несколько раз разыгрывали свои излюбленные комбинации, наступая флангами и в центре. Уже на третьей минуте быстрый, техничный Мунч, овладев мячом, срезает угол, играет «в стенку» с Веселиновичем и неожиданно сильно, резко бьет в нижний угол. Но именно там оказывается советский вратарь и берет этот труднейший мяч.

Нужно сказать, что когда мы в дни отдыха на Олимпиаде встречались с болгарскими футболистами, они все в один голос предупреждали нас:

— У русских самая серьезная сила — это Яшин.

Но, честно говоря, я тогда не придал значения этим словам. Наблюдая матч СССР — Болгария со стороны, я не увидел ничего исключительного в действиях этого голкипера. А гол, проведенный Колевым, рассеивал слухи о его «непробиваемости».

Но когда русский голкипер накрыл в самом углу ворот мяч, пробитый Мунчем, рассказы болгарских друзей почему-то сразу всплыли в памяти. И в душу закралась тревога.

Но в пылу сражения она быстро исчезла. Мы шли вперед. Через какую-то минуту-другую товарищи вывели меня на выгодную позицию.

Всего мгновенье потребовалось мне, чтобы оценить

обстановку: пас пришел слева, и Яшин еще стоял ближе к левой от меня штанге. Я немедленно сильно ударил и правый угол и… мяч попал прямо в руки вашему голкиперу, который каким-то чудом — иначе это не назовешь — успел переместиться вправо. Ему не пришлось совершать бросок, делать какие-то резкие движения — он спокойно и деловито поймал мяч, направление полета которого так блестяще угадал.

Через некоторое время мне вновь представился счастливый случай: я оказался свободным в зоне штрафной площади, прямо перед воротами, и немедленно получил от своих партнеров точную передачу.

Взглянул прямо перед собой: Яшин стоял в самом центре ворот, чуть пригнувшись и вытянувшись вперед. «Надо его обмануть»,— мелькнула мысль. Я сделал ложный замах, имитируя удар влево. Он не шелохнулся. Раздумывать больше было некогда: я чуть протолкнул мяч вперед, набежал и ударил, И в эту же секунду русский голкипер резко оторвался от земли и, достав труднейший мяч, отослал его на угловой. Стадион ревел от восторга, разрывался аплодисментами, а я, отбегая к центру поля, думал о том, что произошло. Я думал, что этому человеку, заслонившему собой четырехугольник ворот, подвластно читать мысли на расстоянии. Иначе чем можно было объяснить, что он угадывает каждый мой шаг?

Мы продолжали штурм. Спасая положение, защитники советской сборной несколько раз вынуждены были отсылать мяч за лицевую ливню. Был момент, когда в течение минуты мы подали подряд три угловых.

При выполнении одного из них произошел случай, который, вероятно, хорошо памятен всем, кому довелось видеть этот матч. Мяч от флага подал на этот раз Мунч — хороший, сильный навес в зону одиннадцати метровой отметки. Кто-то из наших форвардов пытался использовать эту передачу, но его опередил защитник и головой послал мяч в поле — подальше от беды.

Я повернулся в сторону наших ворот, чтобы оценить обстановку, и увидел, как мяч, возвращенный кем-то из игроков нашей средней линии, летит прямо на меня, примерно на метр от земли.

Решение созрело молниеносно: и акробатическом прыжке я достал мяч и сильным ударом через голову послал его в том направлении, где должны были быть ворота, Стадион взревел так, что я невольно подумал об удаче. «Неужели попал?» — спрашивал я себя, вскакивая на ноги. Но передо мной был Яшин с мячом в руках. Как выяснилось тут же в летучей беседе с товарищами, удар мне действительно удался: мяч полетел точно

к левой боковой стойке ворот. Но именно там, прямо на его пути, оказался мой «злой гений».

Постепенно игра выровнялась. Одну или две успешные контратаки провели наши соперники. И вдруг…

Опять пошла вперед ваша команда. Я находился неподалеку от центра поля. Передо мной был только один ваш защитник, кажется. Масленкин. Внезапно передачу советских форвардов перехватил наш «стоппер» — Радович — и сильно и точно адресовал мяч мне. Приняв передачу на полной скорости, я резко пошел вперед и как-то неожиданно даже для самого себя оставил позади своего единственного сторожа. Впереди были ворота и в них Яшин,

Рвусь вперед. Сзади слышу нервное, тяжелое дыхание. Нет, меня уже не догнать! Все ближе и ближе желанная цель. Мяч катится в ногах, как привязанный. А я, двигаясь на полной скорости, внимательно слежу за голкипером. Он стоит в своей традиционной стойке — спокойный и неподвижный, как памятник. Согнутые в локтях руки — словно два огромных крыла приготовившейся к взлету огромной птицы.

Я жду, когда он дрогнет, не выдержит, бросится мне навстречу, чтобы именно в этот момент произвести удар. Я знаю: он будет неотразим. Такие мячи, в движении, не берутся.

Но Яшин неподвижен. Неужели у этого человека нет нервов? Куда же бить? Как поступить в этот момент, который, я знаю, уже никогда не повторится.

Последний раз окидываю взглядом очерченный белыми линиями прямоугольник. Яшин неподвижен. Его взор впился в меня. Может быть, он уже знает, куда полетит мяч? Может быть, снова в кошачьем прыжке остановит его? Нет, этого нельзя допустить! Нужен сильнейший, неотразимый шут. В самый угол. Решено! Я заношу ногу. Удар! О, боже — со страшной скоростью мяч уходит в стороне от боковой стойки за лицевую линию. Я хватаюсь за голову. Стадион ревет — то ли от досады, то ли от радости. И только Яшин спокойно, невозмутимо следит за его полетом. И даже сейчас на его лице ничего не прочтешь.

…В тот раз я мог наверняка дважды поразить ворота советской сборной и не сделал этого только потому, что в них стоял Лев Яшин. В финальном матче олимпийского турнира в Мельбурне он сыграл безупречно, и своей замечательной победой советская сборная, безусловно, во многом обязана ему.

Много позже, когда к нему пришла слава, мне пришлось читать восторженные статьи о нем, как о выдающемся вратаре нашего времени. Одни отмечали его безупречную технику, другие — мудрую тактику, третьи — великолепную ориентировку… Мне

лично хочется сказать, что сила советского вратаря прежде всего в том, что он великолепный психолог. Пожалуй, никто так тонко не знает «душу форварда», как он. Он умеет, как великий актер, выбрать точную мимику, предельно выразительный жест, неповторимо точное движение, которые гипнотически действуют на тех, кто сражается против него. Это яркая черта его таланта.

Мне пришлось испытать на себе силу психологического воздействия этого замечательного голкипера тогда, когда он только начинал свою жизнь в большом спорте. По-видимому, с каждым годом это неоценимое качество усиливалось в нем, помогая выигрывать одну за другой многие важные дуэли на зеленом поле во славу своей команды.

В заключение хочу сказать, что в Мельбурне мы первые от всего сердца поздравили наших советских друзей с большой и заслуженной победой, с высоким званием чемпионов XVI летних Олимпийских игр. С особым удовольствием я пожал тогда руку русскому голкиперу в знак преклонения перед его мужеством и его мастерством. И оно, это преклонение, осталось навсегда.

У МИРА НА ВИДУ

Ни одна кинокартина в детстве не поразила моего воображения так сильно, так оглушающе, как кассилевский «Вратарь». Я помню, как мы, мальчишки, игравшие за одну дворовую команду, отчаянно спорили о том, какую же страну представляла команда «Черные буйволы». Полушепотом, словно боясь спугнуть свою драгоценную мечту, мы говорили друг другу, что, может быть, и доведется когда-нибудь увидеть, как наши футболисты не на экране, а на зеленом поле будут сражаться с лучшими из зарубежных команд. Мы говорили об этом, как о чем-то совершенно необыкновенном и сказочном.

Ничего не поделаешь — наше детство и юность совпали с детством и юностью отечественного футбола. На наших глазах он поднимался, рос, расправлял плечи и превращал наши мечты в чудесную быль.

Когда-нибудь историографы отбросят лень, сядут и создадут летопись его становления, расцвета, роста. Мы иногда спорим о том, спорим до хрипоты, когда играли лучше — вчера или сегодня? Но достаточно сопоставить хотя бы несколько разрозненных по времени фактов, чтобы понять всю ненужность и беспочвенность подобных диспутов. Еще в июле 1953 года приезд в Москву шведской команды «Юргорден» выглядел, как событие из ряда вон выходящее. Трибуны нашего старого красавца — стадиона «Динамо», вмещающие более шестидесяти тысяч человек, были заполнены до отказа, а многие так и не могли попасть на них. Наша центральная спортивная газета отводила этому событию целые полосы, с предельной подробностью описывая каждый шаг игроков той или иной стороны.

А через каких-нибудь недолгих четыре года национальная сборная СССР впервые включилась в спор за титул сильнейшей на земном шаре. Так наш футбол оказался на самом деле у всего мира на виду. Наша главная команда страны и каждый из ее участников как бы держали экзамен на зрелость, мастерство, на право встречаться на равных со всеми признанными футбольными державами.

Чемпионат мира 1958 года проводился в Швеции. Но для того, чтобы попасть в эту страну в числе шестнадцати финалистов, подавляющее большинство команд обязаны были пройти сквозь сито отборочных встреч. На нашу долю выпали матчи с национальными сборными Финляндии и Польши. Они были по-своему трудными, Особенно с нашими польскими

друзьями, но в конце концов право выступать на стадионах Швеции было завоевано. Оно было завоевано 24 ноября 1957 года после третьего, дополнительного матча с национальной сборной Польши в Лейпциге, в котором мы победили со счетом 2:0.

Именно в те дни с большим обозрением, посвященным дебютанту, выступил широко известный во всем мире журнал «Франс-футбол». В нем, в частности, говорилось:

«Трудно на основании игры в Лейпциге делать какие-либо прогнозы по поводу той карьеры, которая ожидает русских в финальных соревнованиях в Швеции. Достоинства русского футбола теперь уже достаточно широко известны за рубежом. Эти достоинства мы сумели вновь оценить в Лейпциге: безупречная физическая подготовленность, отличная индивидуальная техника… В русской команде следует выделить вратаря Яшина, всю линию защиты, капитана команды Нетто и нападающего Иванова. Все эти имена еще недостаточно известны широкому кругу любителей, но за каждым из них, на наш взгляд, стоят мастера самого высокого международного класса. Ближайшее будущее и, прежде всего, состязания на зеленых полях Швеции покажут, сколь глубоко и справедливо подобное утверждение».

Итак, давайте вместе с вами перенесемся теперь не в столь уж далекий 1958 год.

Драма в трех действиях

8 февраля 1958 года лихорадило весь футбольный мир, хотя проходила несложная техническая операция, называемая жеребьевкой, которая должна была определить состав подгрупп финальной части предстоящего чемпионата. Выбор фортуны был таков, что в одну четверку попали команды, каждую из которых все крупнейшие специалисты мира называли в числе фаворитов— Бразилия, Англия, Австрия, СССР.

Все страны сразу же захлестнула волна прогнозов, началась переоценка ценностей, высказывались самые невероятные мнения. А тем временем шестнадцать сборных напряженно готовились к решающим сражениям.

Тщательно продумывал состав старший тренер национальной команды Англии господин Уолтер Уинтерботтом. Десятки раз просматривал он давно приготовленные списки кандидатов на каждое вакантное место, примерял — на ком же остановиться. Только в отношении того, кто должен выполнять роль центрального нападающего, у него не было никаких сомнений. Она была закреплена за Дереком Кеваном.

Этого мощного, атлетически сложенного футболиста хорошо знала и любила вся Англия. В его лице она видела живое воплощение лучших традиций старой британской школы, всегда опиравшейся на центральных форвардов таранного типа, таких, как полулегендарный Эдвард Дрейк или его наследник в послевоенное время — Томми Лаутон. Кеван был очень похож на них — и внешне и по пониманию игры и манере вести ее.

И вот передо мной письмо этого знаменитого футболиста. Как и все другие подобные письма, я привожу его с точным соблюдением содержания, позволяя себе лишь придать им соответствующую литературную окраску.

* * *

Еще в 1957 году наши руководители, намечая план подготовки к финальной части чемпионата мира, договорились о проведении товарищеского матча с советской сборной. Когда заключалось это соглашение, никто не знал, как распределит судьба шестнадцать участников шведского турнира. Получив

известие об итогах жеребьевки, мы поняли, что матч в Москве не по нашей воле приобрел фатальное значение, стал для каждой из сторон необычайно трудным. Как вести игру? Раскрывать ли свои карты? Раскроет ли их соперник?

Эти вопросы мучили и ведущего тренера сборной Англии господина Уинтерботтома и нас, ее игроков, до того самого момента, когда мы вышли на поле вашего стадиона в Лужниках.

Можно ли хитрить в футболе? Мне думается — нет. Как бы вы ни старались обмануть соперника и показать ему, что вы слабее, чем есть на самом деле, вы становитесь самим собой, как только прозвучит свисток судьи. Вы становитесь игроком и невольно забываете о всех уловках, которые вам подсказывали ваши наставники. Под пристальным взглядом стотысячной толпы, под ее звуковой аккомпанемент вы все больше и больше заражаетесь азартом, жаждой гола, жаждой победы.

Вот почему я не могу согласиться с теми обозревателями — и у нас в Англии, и в других странах,— которые писали, что каша команда провела свой тренировочный матч против русских не в свойственной ей манере. Команда не может поменять свой стиль на один раз, как человек не может поменять своей кожи. Стиль — это нечто органическое, нечто неотъемлемое от коллектива, то, что рождается годами и въедается навсегда, как угольная пыль в поры шахтера.

Вот почему я утверждаю, что в Лужниках мы показали «свой футбол». Может быть, нам только не хватало той злости, той необыкновенной спортивной ярости, которые рождают официальные турниры. Но это уже другое дело.

18 мая. СССР — Англия. Первая в истории спорта встреча между нашими национальными сборными. Ей придавали очень большое значение. К ней было приковано внимание не только любителей, но, прежде всего, специалистов многих стран мира. В Москву, мне помнится, приехали бразильские, австрийские, шведские журналисты, и, что мне доподлинно известно, все ответственные лица из нашей футбольной федерации.

Господин Уинтерботтом, теперь это уже не секрет, кратко нас напутствовал: спокойная игра, как всегда, построение атаки на быстрых фланговых действиями острых передачах в центр. Главное внимание уделить проверке своей сыгранности, налаживанию окончательных связей в линиях, выработке взаимопонимания.

Эти указания имели для нас всех особый смысл. Почему? Я должен напомнить об одном трагическом событии. В начале февраля 1958 года в результате авиационной катастрофы под Мюнхеном трагически погибла одна из лучших команд

Великобритании, двукратный чемпион Англии, знаменитая на весь мир «Манчестер Юнайтед». В ее составе были три основных игрока сборной — защитник Бирн, нападающие Тейлор и особенно Дункан Эдвардс, которого все у нас называли достойным наследником Мэтьюза, Эта тяжелая утрата заставила тренера уже в преддверии чемпионата перекраивать состав. Вот почему его проверке и «обкатке» тогда придавалось первостепенное значение.

Была и еще одна причина. Незадолго до выхода на зеленое поле шеф отвел меня в сторону и сказал доверительно:

— Я хотел бы, Дерек, чтобы вы сегодня действовали порешительнее. Нам нужно досконально прощупать методы действия и персональные технические возможности русской обороны.

Вы спрашиваете о действиях вашего голкипера. Но их нельзя отделить от общего течения встречи, которую мы проводили.

Сборная Англии вышла на матч в Москве, имея в первой линии (мы тогда еще играли по старым схемам), кроме автора этих строк, четырех игроков — Б. Дугласа, на правом крыле, рядом с ним Р. Робсона, а слева от меня Д. Хейнса н Т. Фнннея. Кроме последнего, все были молоды, только недавно включены в сборную, но успели завоевать симпатии английской публики, как известно, весьма сдержанной в своих оценках.

Уже на первых минутах матча в Москве ваши защитники допустили непростительную для таких состязаний ошибку, и оказавшийся на свободной позиции прямо перед воротами Дуглас очень сильно и точно пробил по воротам. Честно говоря, мне тогда показалось, что взять этот мяч невозможно, но игравший в воротах Яшин достал его в красивом, молниеносно выполненном броске. «Немногие английские вратари способны на такое»,— мелькнуло у меня, признаюсь, тогда в голове. Яшина я видел впервые и он сразу удивил меня.

И продолжал удивлять все больше и больше. Помнится, в первой половине ему досталось особенно много работы. Трижды он лишил меня возможности открыть счет. Особенно запомнился один случай. Примерно в середине тайма мне удалось резким рывком уйти из-под надзора своего опекуна и оказаться с мячом перед воротами вашей сборной. Но не успел я сделать и одного движения, как Яшин, выскочивший навстречу со спринтерской скоростью, бросился мне в ноги и ликвидировал столь крайне опасный для своей команды момент. Он показал в эти мгновения редкую даже для людей его игрового амплуа реакцию и, безусловно, отчаянную смелость. Эти качества он потом неоднократно проявлял на протяжении всего матча.

Но дело было не только в точных, расчетливых бросках, умелом выборе места и предельном внимании — эти действия, в той или иной степени, присущи всем, кто поставлен в ворота.

Поразило меня — я выбираю именно это слово — тогда нечто совсем иное: необычайная широта его действии. Он очень часто, учитывая сущность прежней игровой схемы, превращался в четвертого защитника и, обладая правом играть руками, становился полновластным хозяином штрафной площадки. Ряд передач, шедших на нас с флангов, гасли в его могучих и цепких ладонях. Это очень усложняло наши действия и заставляло искать новые пути, новые решении задачи взятия ворот.

Один-единственный раз во время московского поединка Яшин изменил самому себе, и это окончилось для него роковым образом. Дело произошло в самом конце первого тайма. Брайан Дуглас, которого у нас в стране на трибунах всех стадионов называли «неудержимый» за его стремительный, исполненный порыва бег с мячом, быстро прошел по краю и почти от самой ленточки точным посылом переадресовал мяч в зону штрафной. Набегая на эту передачу, я успел увидеть, что Яшин сделал попытку рвануться вперед, но, видимо, побоялся опоздать и остался на линии. Кто-то из ваших защитников прыгнул, но промахнулся, и мяч теперь шел прямо на меня. Встретив его стремительный полет, я резким ударом головой направил белый шар прямо туда, где скрещиваются боковая и поперечная балки. Увидел, как он затрепетал в сетке. И как досадливо махнул рукой голкипер, словно проклиная себя за нерешительность.

Пожалуй, это была его единственная ошибка в московском поединке. Она в какой-то мере «успокоила» меня, но ненадолго. Вторую половину вратарь русской сборной провел безупречно, хотя, как помнится, мы давали ему гораздо меньше поводов демонстрировать свое мастерство. Правда, дважды ему довелось отразить сильнейшие удары Фнннея, шедшие в угол, и вновь несколько раз вступить в единоборство со мной.

Матч в Москве, как известно, закончился вничью (1:1), и мы расстались с советскими футболистами друзьями, расстались, зная о неизбежности новой встречи.

Она состоялась 8 июня 1958 года на поле гетеборгского стадиона «Ню Уллеви» и должна была в ответственной турнирной обстановке решить тот принципиальный спор, который мы начали за три недели до этого в Лужниках.

Нужно сказать, что матч в Москве настроил нас на несколько благодушный лад. И сейчас мы услышали от господина Уинтерботтома следующие слова напутствия:

— Русские показали у себя дома довольно вялую,

безынициативную игру, но это не значит, что так же они будут вести себя и завтра. Их команда обладает очень высоким волевым потенциалом и умеет собраться в нужный момент…

Я особо хочу обратить внимание наших нападающих,— продолжал тренер,— на тактику игры русского вратаря. Она заставляет нас пересмотреть свои принципы построения атаки и реже применять навесные передачи в штрафную площадь. Как можно больше играйте низом, как можно чаще врывайтесь в зону обороны соперника в результате силовой борьбы и комбинаций. Бейте по воротам резко, максимально точно, иначе вам их не поразить.

По-видимому, все-таки предательское благодушие коснулось нас: мы вышли на поле, не ожидая грозы. Тем страшнее она оказалась для нас.

Первая половина матча прошла, как мне помнится, почти в беспрерывных атаках сборной СССР, о чем говорит и счет: мы проигрывали 0:2.

— Мои дорогие парни,— сказал нам тренер, когда мы сидели в раздевалке, понурив головы,— у вас есть одно существенное преимущество: вам нечего терять. Надо смело идти в атаку и спасать эту далеко не безнадежную партию.

И мы пошли вперед. Значительно прибавили в игре оба крайних — Дуглас и Финней. Особенно поражал меня последний — наш ветеран, которому шел в то время тридцать шестой год. Он был быстр, необычайно точен в обводке. Единственно, что напоминало о его возрасте — тактика, Обыграв одного или двух русских защитников, вырвавшись на простор, проскакивал к лицевой, он с не поддающимся объяснению упрямством навешивал мячи в штрафную, где они становились добычей вашего голкипера.

Яшин играл на этот раз, казалось, безупречно. Его четкие, предельно продуманные выходы наперехват с ужасающей последовательностью разрушали то, что мы с таким трудом создавали.

Великолепно играл он и в самих воротах, показывая редкое мастерство. Я рад представившейся мне возможности хотя бы со столь значительным опозданием отдать ему должное в этом. Я помню, например, как еще в первом тайме Хейнс из удобнейшей позиции, находясь метрах в двенадцати перед воротами, сильно пробил в угол. Но как Яшин среагировал на этот мяч и как сумел дотянуться до него, для меня до сих пор остается загадкой. А для Хейнса тем более. В перерыве он, славившийся у нас своей невозмутимостью (а в английской команде, учтите, этим трудно прославиться), несколько раз обратился ко мне с одним и тем же

вопросом:

— Нет, ты видел, что он сделал?

После перерыва, словно желая доказать, что он еще и не такое может, Яшин вытащил несколько «мертвых» мячей, посланных нашим нападением в его ворота.

«Да, против такого много не наиграешь»,— сверлит сознание мысль, и все больше и больше увеличивается сомнение в том, удастся ли нам сравнять счет.

Футбольная история часто повторяется, подбрасывая нам одни и те же варианты в различных матчах. Или, во всяком случае, очень схожие.

Так произошло и в Гётеборге: снова великолепно прошел по краю Дуглас, отдал мне в центр навес. Снова ошибся все тот же защитник — невысокого роста, ершистый, а вот фамилии его не помню. Только Яшин сыграл по-другому: рванулся мне навстречу, вытянулся в высоком прыжке. Но я тоже прыгнул. На какую-то сотую долю секунды опередил его. И мяч оказался, как и в Москве, в правом верхнем углу.

Мы помним не только блестящие ходы, но и ошибки наших соперников. Однако в данном случае действия Яшина показались мне — почему и пишу вам об этом — очень поучительными. Я увидел, что ни одна ошибка не проходит для этого человека бесследно. Совершив однажды промах и поплатившись за него голом, он следующий раз в подобной ситуации действует уже по-иному, ищет новые ходы. Хотя, может быть, не всегда их сразу находит.

Второй гол мы отквитали с одиннадцатиметрового штрафного удара, который очень точно пробил Финней. Он послал мяч вправо от вратаря, и Яшин среагировал на него, но достать не смог. Между прочим, через несколько дней точно так же пробил Буцек… Может быть, и из того горького момента игры с нами русский голкипер сумел извлечь полезный для себя урок?

Покидая зеленое поле, мы даже не могли предполагать, что вскоре вновь встретимся на нем. Но судьбе, видно, было угодно, чтобы мы спорили до тех пор, пока один не уступит. Сделав ничью со сборными Бразилии (0:0) и Австрии (2:2), мы набрали и подгруппе одинаковое количество очков с советской командой, И по законам чемпионата была назначена переигровка за право выхода в четвертьфинал.

К этому моменту мы уже порядком озверели. Еще бы, четвертая игра за девять дней! И каждая — целое событие, целый кусок жизни.

Я думаю, вы поверите, если я скажу, что из трех матчей, сыгранных тогда нашими командами, в переигровке мы

выглядели сильнее всего. И проиграли. Виною тому, прежде всего, ваш Яшин.

Мне хочется отметить, как очевидцу, что в многотрудной борьбе с нами он проявил одно необыкновенно важное качество: умение с каждым разом становиться все сильнее и увереннее. За время чемпионата каждый из нас испытал небывалые нагрузки. А что говорить о вратаре, чья ответственность в подобных состязаниях особенно велика!

Но, казалось, вашего Яшина миновали все спортивные бури и треволнения. Он выглядел свежим и, главное, уверенным в себе. И доказывал это своей игрой, настолько сильной и безошибочной, что хотелось иногда спросить самого себя: да полно, один и тот же ли это человек?

Во-первых, на этот раз он полностью завладел штрафной площадкой, не дав нам ни разу сыграть с высоких фланговых передач. Ни одного опоздания, ни одного нерешительного шага. И, подчиняясь его воле, мы все заметнее, все резче меняли рисунок своей игры.

Однако и новая тактика атак из глубины, кинжальных прострелов, таранных проходов не приносила успеха. Он словно поклялся кому-то страшной клятвой на этот раз остаться «сухим» и какая-то неведомая сила помогала ему держать ее.

Я мог бы привести десятки примеров, когда он выручал вашу команду из безнадежных положений. Помню, например, как вскоре после начала матча наш правый полузащитник Бродбенг, вырвавшийся из глубины, сильно пробил по воротам метров с четырнадцати и Яшин в отчаянном броске достал мяч из нижнего угла. Или еще случай. Я выбросил аут Хейнсу, стоявшему в центре у самой линии штрафной площади. Ваши защитники, видимо, не предполагали, что я могу швырнуть мяч так далеко, и не очень-то плотно опекали моего товарища. Двадцатидвухлетний Хейнс уже в то время пользовался славой одного из лучших бомбардиров Англии, его недаром боялись наши вратари. Он нанес с полулета мощнейший удар — внезапный, резкий, точный. Но Яшин в броске, которому, будь я поэтом, посвятил бы стихи, достал мяч из верхнего угла.

Наши атаки нарастали с каждой минутой. Советский голкипер был все время в игре. Уже позже, когда поединок закончился, мы признались друг другу, вспоминая игру, что Яшин изумил нас.

В этом состязании он проявил еще одно необычайно ценное качество, показывавшее, насколько широк и многогранен его творческий диапазон: голкипер начинал почти все атаки русской команды. Это не должно звучать преувеличением, хотя это было

крайне необычным для многих из нас, отнюдь не новичков в футболе.

Яшин, в отличие от многих других вратарей того времени, не выбивал мяч, а чаще всего выбрасывал его рукой. Каждый раз, перед тем, как ввести мяч в игру, он мгновенно оценивал игровую обстановку и делал бросок в ту сторону и на то место, которые считал в данном случае наиболее удачными плацдармами для начала наступления вашей команды. Он как бы давал молчаливый приказ своим: смотрите, вот выгодное направление для наступления. Приглядитесь, разве не здесь сейчас лучше прорваться?

В один из моментов он удачно переслал мяч подтянувшемуся к средней линии и оставленному на какие-то секунды без присмотра нападающему Ильину. Это был, действительно, на редкость удачный тактический код. Имея перед собой свободное пространство, Ильин стремительно стал продвигаться по краю. Вслед за ним широким фронтом двинулась вперед вся пятерка советских форвардов, Ильин точно рассчитанным пасом ввел в игру правого полусреднего, потом мяч ушел к полузащитнику и снова к Ильину, который в это время уже входил в нашу штрафную. Последовал удар, и мяч оказался в сетке. Между прочим, незадолго до этого Яшин отразил несколько куда более страшных и опасных ударов.

Буквально минуты через две наша пятерка разыграла ответную комбинацию, мне удалось вырваться из «объятий» Крижевского и с ходу, метров с восьми — не больше! — пробить в правый нижний угол, Я был готов кричать от радости, уверенный, что вновь сделал то, чего от меня всегда ждали. И вдруг с ужасом увидел мяч в руках лежащего на земле Яшина. Именно в то мгновение я понял, что мы проиграли.

— Вас обыграл один Яшин,— сказал нам со злостью в раздевалке господин Уолтер Уинтерботтом. Мы молчали. Мы знали, что в какой-то степени он прав.

Он повторил это высказывание, правда, несколько переделав его, в интервью 22 октября 1958 года в Лондоне, которое давал по случаю окончания товарищеского матча Англия — СССР, проигранного вами с небывалым счетом 0:5.

— Наши парни сражались хорошо и вполне заслужили победу. Но они должны благодарить бога за то, что ворота русских на этот раз защищал не Яшин!

«Мне долго чудилось его лицо»

Итоги жеребьевки финальной части VI чемпионата мира по футболу произвели на всех специалистов и знатоков впечатление разорвавшейся бомбы.

«Судьба свела лицом к лицу, по крайней мере, трех верных кандидатов на звание чемпиона мира, а именно национальные сборные Бразилии, Англии и СССР,— писал по этому поводу журнал «Франс-футбол».— Что касается их четвертого партнера, Австрии, то, хотя ее сегодня не относят к числу фаворитов, можно не сомневаться, что она может и будет сражаться на равных с любым из своих грозных соперников».

Этот прогноз, хотя и не полностью, но оправдался. Особенно в матче третьего тура предварительных игр между Австрией и Англией. Британцам нужна была в нем победа во что бы то ни стало, она позволила бы им обойти советскую команду, австрийцы же не находили в ней ничего, кроме престижа. Но о нем они побеспокоились серьезно. Матч стал на редкость интересным, закончился вничью (2:2) и вызвал широкие отклики. Вся мировая пресса назвала героем этого состязания центрального форварда австрийцев Буцека, в течение всего матча ставившего защиту соперников в крайне тяжелое положение и беспрерывно наносившего удары по их воротам.

Ханс Буцек весьма заметная и колоритная в мировом футболе фигура. Центральный нападающий прославленных клубных команд «Виенна» и «Аустрия», он в течение десяти лет бессменно находился на острие атак национальной сборной, проведя в ее составе более сорока международных матчей.

Несмотря на свои 34 года, этот известный мастер кожаного мяча по-прежнему выступает на зеленых полях своей страны, на этот раз в составе прогрессирующего за последнее время клуба «Винер СК». Отсюда он и прислал мне ответ на мою просьбу.

* * *

К матчу СССР — Австрия на чемпионате мира 1956 года мы пришли далеко не на равных с нашими соперниками. Накануне мы проиграли Бразилии с очень крупным счетом 0:3, а русские имели очко от матча со сборной Англии.

После проигрыша хорошего настроения не бывает. Но жажда реванша, стремление восстановить свою репутацию — эти чувства всегда находят место в сердце настоящего спортсмена в трудную минуту.

Вот почему, выходя на поле, мы думали только о победе. Нам вдвойне хотелось одержать ее, чтобы доказать многочисленным «оракулам», что мы не так слабы, как нас пытаются представить. Увы, это желание в игре против сборной СССР не осуществилось.

Что я могу сообщить вам в ответ на поставленный вами вопрос. Знал ли Яшина до приезда в Швецию, слыхал ли о нем? Читал ли что-либо в прессе? Нет, не доводилось. У нас в те годы мало писали о советском спорте, а в репортажах с Олимпийских игр в Мельбурне наши газеты тоже, помнится, не очень много места отводили футболу.

Перед состязанием, когда тренер, как обычно, проводил с нами беседу о сопернике, фамилия Яшина тоже не называлась. Было просто сказано:

— Имейте в виду, что у русских хороший, надежный вратарь…

«Хороший вратарь». Это слишком общее определение. Я, несмотря на молодость, уже тогда знал, что такие слова в спорте ничего не значат. Нужны точные характеристики: действует так-то, опасен тем-то, боится того-то… Но дать всеобъемлющую характеристику вашему голкиперу руководство нашей команды не смогло или посчитало нецелесообразным. И мы горько поплатились за это.

Как сложился матч? Уже на первых его минутах мы почувствовали, что ваши ребята что-то «не в своей тарелке». Они, видно, изрядно устали после борьбы с Англией, а вышли на игру почти в том же составе. Мы, наоборот, стали все больше взвинчивать темп. Вскоре он вырос до предельного.

Советские защитники далеко не всегда успевали за нашими форвардами. Вот вышел один на один к воротам вашей команды Сенекович. Но тут же героический бросок ему в ноги совершает ваш голкипер. Через минуту он достает из «девятки» мяч, пробитый Кернером.

Перед тем, как продолжить свои воспоминания, я должен сделать одно небольшое отступление общего характера, которое, надеюсь, вы поймете правильно.

У каждой национальной сборной есть «свое лицо». Оно не всегда одинаково, команды, как и люди, в различные времена меняют свой облик. Когда-то тактику сборной Австрии называли «кружевной» за ее преклонение перед филигранной техникой, увлечение точными, но очень мелкими передачами.

Когда мне посчастливилось прийти в национальную сборную, увлечение «кружевами» было лишь воспоминанием — далеким, как детский сон. Наши тренеры и спортсмены начинали исповедовать атлетический, силовой футбол, совершенствуя и развивая еще бывшую модной в те дни в Европе систему «дубль В». Как известно, в ней большое место отводится выдвинутому вперед, на острие атаки, центральному нападающему.

Эту труднейшую и ответственную роль в сборной Австрии поручили на чемпионате мира мне. Именно в силу этого товарищи по линии нападения очень часто играли на меня, требуя одного: чтобы я забивал мячи в ворота соперников.

Я знал, что именно от меня, прежде всего, ждут результата.

Могу сказать сейчас, с дистанции прошедших лет, что в игре против сборной СССР я делал все, что мог. Во всяком случае, нисколько не жалел себя. И не только моя вина в том, что не удалось забить гола. Помешал мне это сделать ваш голкипер.

Уже на первых минутах матча я несколько раз то сам пробивался в штрафную, то проходил на ударные места в результате комбинаций, разыгрываемых моими партнерами. Четыре раза посылал мяч в «недосягаемые» места, но Яшин совершал головоломные прыжки и отражал угрозы.

Внезапно последовала контратака советских футболистов, стремительная двухходовая комбинация, и мы оказались в роли догоняющих — 0:1.

Я должен признаться, что этот столь неожиданно пропущенный гол буквально разъярил нас. Мы бросились на штурм, вели его весь первый тайм и продолжали после перерыва.

Не знаю, стоит ли описывать, как часто атаковали мы ворота советской сборной и как героически — иначе не назовешь — защищал их Яшин. Сейчас трудно вспомнить все детали, но одно могу сказать точно: его игра обескураживала. Невольно начинал думать, что с ним ничего не поделаешь. Ведь мы буквально не уходили из зоны штрафной площади, обстреливали ворота из самых различных положений, а Яшин держал счет на нуле. Я не очень люблю красивые слова, но в данном случае именно голкипер несколько раз (Сколько? Точную цифру не назовешь) спасал свою команду, показывая настоящие футбольные чудеса.

Представьте, в какую-то долю секунды мне удается проскочить на резкую низовую передачу слева, резкую, как удар кинжала, и подставить ногу. До ворот четыре метра, не больше. Мяч круто меняет направление и пулей летит в их зияющее чрево. Кажется, ничто не может его остановить. Но Яшин реагирует на удар и в почти немыслимом броске достает мяч. Мне остается только схватиться за голову. Стадион ревет от восторга. А я

буквально, извините меня за это слово, вою от досады, от сознания бессилия в борьбе с этим человеком.

На этом моменте я бы хотел заострить ваше внимание. О Яшине написано, в основном журналистами, очень много восторженных слов. Но истинную цену этому человеку может знать только тот, кому доводилось играть против него. Он раздражал, заставлял волноваться, приводил то в уныние, то в ярость, то есть он лишал спокойствия — этого бесценного для каждого игрока состояния. При этом сам оставался предельно невозмутимым.

В матче, о котором я рассказываю, случилось и такое: кто-то из ваших защитников, окруженный тремя нашими игроками, решил не искушать судьбу (дело происходило в штрафной площадке) и отбить летящий на него мяч за лицевую. Но ему помешало волнение и, конечно, наши игроки. И «срезанный» мяч пулей полетел прямо на перекладину. Мы с надеждой следили за ним, хоть на этот раз улыбнулось счастье. Но его опять отнял ваш голкипер. Он увидел опасность, успел снова прыгнуть и вытащил безнадежный мяч. Другой бы после этого нещадно обругал виновника, хотя бы для того, чтобы «показать себя». Ваш голкипер как ни в чем не бывало отослал мяч на свободное место.

Это спокойствие, почти нечеловеческое хладнокровие, невозмутимость, по-моему, самые сильные качества Яшина. Во всяком случае, на меня они произвели неизгладимое впечатление. Такого я не испытывал никогда больше: ни до встречи с ним, ни после.

Прошло еще несколько минут и в ворота сборной СССР, за явную грубость одного из ваших защитников, снесшего прорвавшегося в штрафную Кернера, был назначен одиннадцатиметровый. Судьба еще раз предоставляла нам возможность спасти матч.

У меня дома есть, как, вероятно, и у многих других спортсменов, альбом с вырезками из газет, в которых говорится обо мне. В одной из статей по итогам сезона 1957 года меня называли «королем штрафных». Сообщалось, что, играя за свой клуб «Виенна», я из двенадцати одиннадцатиметровых, которые доверяли мне пробить в сезоне, все до одного реализовал. И это в самом деле так. Более того, до поездки в Швецию я не представлял, как форвард, играющий в классной команде, может не использовать такой блестящей возможности забить гол.

Поэтому, когда команда поручила мне право на удар, я отнесся к этому сравнительно спокойно — настолько, насколько можно было быть спокойным в этом крайне неспокойном матче.

Но когда судья стал в наступившей тишине отсчитывать

шаги, сознание впервые — за всю мою, правда, еще не такую богатую тогда игровую практику — подсказало: «А ведь с этим вратарем все будет обстоять сложнее, чем тебе это кажется».

Я стал наблюдать за ним. Он деловито прохаживался по линии ворот, потом занял место в центре. Посмотрел в сторону, шагнул вправо и где-то метрах в полутора от себя поднял не то какой-то камушек, не то шип от бутс. И снова вернулся на свое место.

Казалось бы, ничего особенного он не сделал. Но этот безобидный эпизод вывел меня из равновесия. Ведь я думал бить именно в ту сторону, где Яшин только что готовил себе место для приземления. Я стал уверять самого себя, что это чистейшая случайность, но кто-то внутри шептал мне совсем иное: видишь, какая у него интуиция. Нет, дружок, так просто его не возьмешь…

Я потерял спокойствие и стал панически соображать, в какой же все-таки угол бить. В какой? Чтобы ответить самому себе на этот вопрос, нужно было предельно точно оценить обстановку. И я взглянул вперед. Взглянул на Яшина.

Повторяю, это был не первый в моей спортивной жизни случай, когда я выполнял пенальти. Я отлично помню, как вели себя в эти мгновенья вратари. Одни нервно покачивались из стороны в сторону, словно пытаясь «укачать» стоящего перед ними игрока, другие готовились после удара сорваться со своего места навстречу мячу, третьи переминались с ноги на ногу…

Яшин застыл в воротах, как изваяние. Никогда мне не приходилось видеть более невыразительной позы и такого спокойного, даже жестокого взгляда. Пригнувшись и устремив неподвижный взор на лежащий на специальной белой отметине мяч, советский голкипер как бы отрешился от всего на свете, кроме него. Как ни мало было времени, отпущенного в мое распоряжение, я успел подумать: «Как много я бы отдал, чтобы заглянуть сейчас в его душу». Но Яшин был непроницаем. Ко многим его достоинствам, открытым нами в ходе игры, надо добавить еще одно: превосходное умение не выдавать своих чувств, своего состояния.

Я наблюдал за ним, стараясь заметить в его поведении какой-нибудь штрих, который бы подсказал мне правильное решение, но тщетно. Раздался свисток. Огромным усилием воли я сбросил на валившуюся на сердце тяжесть. Разбежался и ударил по мячу, вложив в этот удар всю силу, всю злость и жажду гола.

Почти в тоже мгновенье я увидел лежащего на земле Яшина. Лежащего на том самом месте, где должен был просвистеть летевший в сетку мяч. Потом, словно в молчавшем телевизоре включили звук, в уши ворвался оглушительный рев трибун.

Громом аплодисментов зрители приветствовали искусство спортсмена, совершившего, казалось бы, невозможное.

Австрийская пресса довольно единодушно прокомментировала этот эпизод так, что я, дескать, пробил мяч прямо во вратаря. Я не собираюсь оправдываться, тем более что сейчас это бессмысленно, но твердо знаю, что мяч шел, по крайней мере, метра на полтора-два в стороне от Яшина, причем с очень высокой скоростью. Немногие из вратарей, которых я повидал за свою жизнь в разных странах, смогли бы отбить или даже достать его. Яшин же накрыл мяч с поражающей легкостью.

И, после того как в середине второго тайма ваша команда провела второй гол, мы не успокоились. Еще несколько острых атак накатились на ваши ворота. Я лез из кожи, чтобы исправить роковую ошибку, которая, несомненно, оказала решающее значение на ход матча. Но Яшин по-прежнему играл великолепно, и силы мои постепенно иссякли.

Что еще сказать? Месяца три-четыре после чемпионата мира со мной происходило что-то странное. В первенстве страны резко упала результативность. Я не забил четыре пенальти подряд, и это право стали предоставлять другому.

— Что с тобой происходит? — спрашивали тренеры, родные, товарищи.

Я только пожимал плечами. Разве мог я объяснить им, что каждый раз, когда звучит свисток судьи, мне чудится в воротах могучая фигура Яшина. Мне чудится его лицо. Сознайся я в этом, меня бы приняла за больного. А тем не менее все это было так, именно так…

Во время шведского турнира футбольный мир узнал и признал много молодых талантов. И среди них одним из первых — Льва Яшина.

Сейчас его слава безмерна, и я боюсь, что не смог своим рассказом ничего добавить к ней. Но эпизоды, которые до сих пор остались в памяти, позволят, быть может, лучше понять, сколь велико было его личное воздействие на соперника, на его волю и психику. Мы, естественно, никому не признавались в этом, но Яшин, стоило сыграть против него хоть раз, становился занозой в нашем сознании.

«Мы оба были новичками…»

Признаюсь, когда я посылал письмо в далекую Бразилию, то почти был уверен, что не получу ответа. Есть ли для него время у занятого, обремененного просьбами и заботами легендарного Пеле?

Но я ошибся: ответ пришел, по сравнению с другими, очень быстро. И так как представлять его автора нет никакой необходимости, я сразу ознакомлю вас с тем, что написал мне лучший футбольный бомбардир, которых знала спортивная история.

* * *

«Нам не дано, к сожалению, умение сразу безошибочно оценивать лучшие дни и мгновения нашей жизни. И только, когда мгновения эти пройдут, мелькнув, как цепь гор сквозь пелену тумана, мы начинаем понимать, что потеряли нечто подобное вершине, возвышающейся над серой дорогой будней».

Это лирическое предисловие, приведенное мною в почти дословном переводе, помогает увидеть в авторе письма человека, которому не чужды поэтичность и даже сентиментальность. Что ж, это усиливает наше уважение к нему.

— Только сейчас,— продолжает Пеле,— я понимаю, что лучшие дни и часы прошли в Швеции, на чемпионате мира 1958 года, Дебютант сборной, благоговейно мечтающий сыграть за нее хоть один матч, новичок в столь высоком и ответственном состязании, я смотрел на все широко раскрытыми, жадными глазами. Каждый шаг по чужой, незнакомой земле, который я делал, помогал мне открыть великие тайны, увидеть новое, необычайно интересное и яркое в том мире, который я выбрал для себя. Футбол казался тогда только красивой сказкой, веселым и удивительным праздником, торжеством силы, воли, разума человека. Тогда я еще не знал, к великому своему счастью, о нем ничего иного.

Прилетев в Швецию, мы расположились в очень удобном, утопающем в зелени местечке Хиндосе. Здесь я впервые и увидел вашего Яшина. Просто увидел — совершенно ничего не зная о нем. Дело в том, что мы жили рядом и часто ходили друг к другу

в гости.

Спортсмены из России любили наблюдать за нашими тренировками, а мы однажды пришли посмотреть, как работают они. Тогда-то я увидел в воротах Яшина. Он падал, поднимался, совершал красивые броски. Навстречу ему летел град мячей, и он, едва отбив один из них, сейчас же бросался навстречу другому с каким-то подкупающим азартом, с почти мальчишеской увлеченностью, хотя на мальчишку уже тогда он не был похож. Я вообще хочу попутно отметить, что фигура у Яшина далека от «классической» для игроков его амплуа. Он выглядит несколько тяжеловатым, неуклюжим, и тем более становятся удивительными та легкость, то изящество, с которым он действует на поле.

Из всего, что мы увидели в Хиндосе, Яшин поразил нас больше всего.

— Как твое мнение насчет этого русского? — спросил Диди Жильмара, когда мы возвращались к себе в отель.

— Даже если гол забьешь ему ты, я буду считать тебя счастливцем,— ответил наш голкипер, которого, нужно сказать, в команде все любили и с чьим мнением очень считались.

— Ты говоришь серьезно? — спросил несколько озадаченный Диди, видно, и впрямь не зная, верить или не верить на этот раз другу.

— Совершенно серьезно.

— Ну, тогда я обязательно это сделаю.

— Буду очень рад за тебя. И за всех нас тоже.

С тех пор прошло очень, много времени, но я, как видите, очень отчетливо помню этот знаменательный разговор, который, вероятно, вас заинтересует. Напишите Жильмару, он охотно его подтвердит. Кстати, не забудьте упомянуть в своей книге, что именно он одним из первых, еще до начала официальных соревнований в Швеции, оценил незаурядные способности голкипера вашей сборной. И, уж чтобы покончить с этим, скажу, что впоследствии он не раз очень высоко отзывался о нем и говорил, что многому у него научился.

Помню, перед чемпионатом мира 1966 года, оказавшемся для нас таким несчастливым, мы просматривали кинопленку, на которой была запечатлена игра вашей сборной. Каждый раз, когда Яшин совершал свой очередной рейд к границам штрафной площади, или выполнял замысловатый бросок, или в самоотверженном прыжке снимал мяч с ноги нападающего, Жильмар неизменно кричал:

— Повторите, прошу вас, повторите!

Потом аплодировал своему далекому коллеге и говорил:

— Это самый великий игрок среди русских.

Но вернемся в далекий 1958 год, в то холодную, то одаривавшую нас летним теплом Швецию. В матчах против сборных Австрии и Англии я не участвовал: я был еще слишком молод, едва исполнилось семнадцать, и господин Феола не очень-то верил в меня. Может быть, он был по-своему прав: во время таких испытаний, какими являются чемпионаты мира, в строю должны быть испытанные бойцы.

Но после двух туров старая гвардия изрядно устала, и на матч СССР — Бразилия тренер выставил Гарринчу и меня. Таким образом, ваш Яшин первый иностранный вратарь, против которого мне довелось выступать в официальном международном матче.

В то время мы по существу ничего не знали о вашей команде толком. Один раз видели по телевизору запись ее встречи с Австрией. Но это, как вы и сами знаете, был далеко не самый лучший матч вашей сборной, хотя она и конце концов и победила. Мы удивлялись тому, какие великолепные моменты не используют ваши соперники. И в еще большей степени удивлялись искусству голкипера. Когда он в молниеносном броске накрыл мяч после одиннадцатиметрового, Диди воскликнул:

— А Жильмар, пожалуй, прав!

Можете себе представить, как мне страстно хотелось забить гол во время своего дебюта. Но сделать это не удалось. Во многом мое «бесплодие» объясняется чрезмерным волнением — таким сильным, какого я больше не испытывал никогда. И все-таки в ходе состязания мне довелось несколько раз вести дуэли с вашим вратарем. Все их выиграл Яшин.

Первый матч в составе сборной на чемпионате мира. Его помнишь с особой отчетливостью. Когда на третьей минуте Вава с подачи Диди буквально «внес» мяч в ворота, я думал, что мы выиграем легко и, может быть, с большим счетом. Но этого не произошло. И в этом, несомненно, была заслуга того, кому ваши тренеры доверили охрану последнего рубежа.

Я отчетливо помню, как мой добрый друг, тоже дебютант сборной, непревзойденный никем Гарринча примерно в середине первого тайма вывел меня на прекрасную позицию точным накидным пасом. С ходу, в прыжке, я ударил по воротам. Мяч пошел под перекладину. Сердце екнуло от ожидания предстоящей радости. Но Яшин отнял ее и сорвал бурю аплодисментов своим «космическим» броском. Потом еще два или три раза он взял пробитые мною мячи, которые сам я считал очень трудными.

Но дело было не только в бросках и ликвидации

непосредственной угрозы воротам. Как известно, на чемпионате мира наша сборная впервые применила ту схему тактического построения, которая сегодня в том или ином варианте применяется повсюду. В матчах против Австрии и Англии, наращивая силы из глубины, мы вели все атаки, как правило, через центр, организуя здесь стремительные прорывы в штрафную.

На игру против сборной СССР нам было дано совершенно иное тактическое задание: прорываться по краям, где были поставлены наши «реактивные двигатели» — Гарринча и Загало, рвать оборону соперников на флангах, отвлекать сюда ее главные силы и затем точными навесными передачами вводить в прорыв игроков центра для завершающих усилий.

Как я уже писал, на первых же минутах она принесла успех. Тут, по-видимому, сработали два элемента: стремительность и особенно неожиданность. Два попадания в штангу, вихрь атак и гол.

Потом все надолго застопорилось, хотя мы прилагали значительные усилия, чтобы увеличить счет и тем самым обезопасить себя от всяких случайностей. В чем же было дело? Прежде всего, в Яшине.

В матче против сборной Бразилии он зарекомендовал себя мудрым тактиком, показав игру, которой мы еще до него не видели.

Нужно сказать, что защитники советской команды несколько растерялись, действуя против таких «неуловимых», как Гарринча, Диди, Загало. В линии обороны то там, то здесь появлялись бреши. Но их в буквальном смысле этого слова закрывал своим телом ваш вратарь. Он все время был в движении, выскакивая на перехваты идущих то слева, то справа, то по верху, то по низу мячей. Он взмывал за ними в небо и доставал своими длинными, цепкими руками. Он, случалось, нырял за ними в густой частокол ног. Иными словами, от угла к углу штрафной площадки, от ограничивающей ее линии до лицевой и обратно действовал своеобразный «чистильщик», срывающий все наши попытки создать напряженность в зоне ворот.

Его действия были для нас в свою очередь полной и весьма неприятной неожиданностью. Они явно расстраивали, казалось бы, безупречно составленный и начавший так красиво осуществляться план. Ни в первом, ни в начале второго тайма мы не смогли реализовать свои настойчивые усилия. Не могли — это совершенно искреннее признание и точное определение.

Вот почему, когда Вава за пятнадцать минут до конца матча, использовав нерасторопность защитников, забил все-таки второй

гол,— мы восприняли это, как необыкновенную радость. Мы бросились обнимать нашего дорогого Ваву, целовать его, и делали это гак горячо, так искрение, что он… потерял сознание. И его в течение нескольких минут приводил в чувства наш добрый доктор.

Матчем со сборной СССР завершились игры в подгруппе, мы вышли из первого испытания с прекрасным результатом, и в раздевалке, естественно, царило радостное возбуждение. Только Диди казался угрюмым. Это не могло остаться незамеченным для такого чуткого человека, как господин Феола.

— Что с тобой, мой друг? — спросил он у Диди, прекрасно действовавшего на протяжении всего матча.

— Я проиграл спор Жильмару,— сказал Диди. И рассказал его суть.

— Ну, не грусти, парень. Этому русскому забить гол и верно не так легко. Жильмар знает, что говорит.

Есть у меня и еще одно воспоминание, связанное с той замечательной порой. Незадолго до финального матча газета «Стокгольм Тиднинген» выпустила специальный иллюстрированный номер, в котором поместила портреты участников чемпионата, наиболее отличившихся, по ее мнению, в проведенных матчах. С ее страниц улыбаются почти все мои товарищи, француз Фонтан, шведы Хамрин, Лидхольм, Скоглунд, немец Фриц Вальтер… Есть там и мой портрет. А совсем рядом — портрет Яшина. Я берегу эту газету, как берегу старательно все, что относится к моей жизни в футболе.

С тех пор я глубоко ценю искусство этого великолепного мастера, которого считаю одним из лучших голкиперов нашего времени. Не знаю даже, с кем и сравнить его. Разве что с Жильмаром, который верой и правдой служил нашей сборной на чемпионатах мира в Швеции и Чили, всегда показывая стабильную, надежную, всецело подчиненную интересам команды игру.

Я сравниваю Яшина с Жильмаром потому, что последний мне очень близок и дорог. И все-таки, если быть объективным, класс русского голкипера в известной мере выше, так же как выше и сложнее испытания, выпадавшие на его долю,

Яшин вошел в историю мирового футбола не только как великолепный исполнитель, но и как неутомимый творец, как человек, создавший много нового в сложном вратарском искусстве. Это и поднимает его над всеми остальными собратьями, в том числе и над великолепным и всеми нами любимым Жильмаром.

Я писал уже, что в чемпионатах мира мы стартовали

одновременно. Уже в Швеции Яшин был признан всеми специалистами одним из лучших голкиперов планеты. Затем в Чили он несколько сдал. Во всяком случае, в одном-двух матчах сыграл не лучшим образом. Наши обозреватели писали, что он «доживает свой век». Писали об этом и обозреватели других стран, в том числе, как мне известно, и советские журналисты.

Но Яшин еще целых десять лет продолжал изумлять своим нетускнеющим искусством. Десять лет продолжал оставаться Яшиным, королем футбольных ворот. Это великолепный пример любви к спорту.

Я откликаюсь на ваше письмо потому, что мое искреннее желание состоит в том, чтобы воздать должное этому замечательному спортсмену и человеку.

У каждого из нас есть свои привязанности и свои слабости. Моя слабость — песни. Я люблю их петь под гитару. И люблю сочинять. Позвольте мне на прощание пропеть куплет, посвященный вашему и нашему Яшину:

Тот, кто до капли отдает
Все силы, мужество и пот
Борьбе на игровой арене,
Тот будет жить за годом год
В сердцах и мыслях поколений.

Я думаю, что вы поймете эти бесхитростные слова и их смысл. Дело не в том, что большие мастера окружены сегодня почетом и славой. Дело в том, что завтра их слава позовет других на новые спортивные подвиги.

КОРОНАЦИЯ

Пусть на счету прославленного футболиста будут тысячи матчей и многие из них уже померкнут в памяти, утратят волнующие подробности, но первый, самый первый матч в большом футболе незабываем. Так знаменитый хирург помнит первую, пусть самую пустячную операцию, сделанную им, непревзойденный воздушный ас — свой первый самостоятельный вылет, а многоопытный минер — первую найденную и разряженную им мину, когда он, казалось, касался кончиками пальцев самой смерти.

Храбрясь для вида, а в душе безмерно робея, новичок выбегает вместе со всей командой на зеленое поле стадиона. В уши бьет, как штормовая волна, гул многотысячной толпы. Он кажется настороженным, недружелюбным. Конечно, тебе не раз приходилось играть и раньше, но сюда, на дно огромной чаши главного стадиона страны, под испытывающий взгляд многотысячной толпы болельщиков — нашей «главной судейской коллегии» — ты вышел впервые. Весь ты на виду и, стараясь казаться спокойным, стоишь, облокотившись о боковую штангу, и отшвыриваешь ногой невесть как залетевшие сюда мелкие камушки.

Семь метров тридцать два сантиметра в длину, два сорок четыре — в высоту. Ты остался один в этом строгом прямоугольнике, сразу ставшем несказанно неуютным и большим. Защитники что-то кричат тебе ободряюще, но ты уже предоставлен самому себе и можешь, в конечном счете, рассчитывать только на свои силы, выдержку и мастерство.

Резкий, пронзительный звук судейского свистка больно, как выстрел, ударяет в сердце. Ты пригибаешься, словно перед прыжком в непостижимую бездну, всматриваясь вдаль, где чья-то нога уже тронула мяч, и строгая линия игроков сместилась в сторону, и все смешалось в неудержимом вихре, который мы называем игрой. Забыв о своих тревогах, о толпе на трибунах, о гуле, о криках, ты выбегаешь в центр ворот, и вот уже матч увлекает тебя и все сильнее втягивает в свою неукротимую орбиту. И вот уже через какое-то мгновение ты бросаешься навстречу прорвавшемуся форварду, падаешь ему в ноги, чувствуешь такое привычное, такое желанное прикосновение мяча. Стадион приветствует твой подвиг бурными аплодисментами. Ты поднимаешься и… смотришь на мир совсем другими глазами. Ты уже не новичок. Ты такой, как все. Ты —

боец!

Начинаются будни спортивной жизни. Но вдруг ты замечаешь, что как бы ни увеличивалось число сыгранных тобою матчей, как бы ни хвалили тебя товарищи и тренеры, как бы легко и удачно ни игралось — покоя нет и нет. Наоборот, к естественной для каждого человека, начинающего какое-то новое дело, увлеченности прибавляется, зреет в тебе, растет чувство высокой ответственности — перед командой, перед спортом, перед народом, пославшим тебя на передний край великих спортивных битв. И чем выше лестница, по которой поднимаетесь ты и твоя команда, тем прочнее это чувство, тем сильнее сознание долга.

И вот наконец наступает момент, когда ты невольно оглядываешься назад я вспоминаешь тот незабываемый день — счастливый день дебюта. Вспоминаешь, чтобы сказать самому себе:

— Даже не верится, что уже пройден такой большой путь и что достигнута вершина, о которой даже мечтать было страшновато.

Так или почти так чувствовал себя Лев Яшин в памятную всем нам пору доброго, счастливого тысяча девятьсот шестидесятого года, О событии, которым ознаменовался он для нашего футбола, я хочу сказать сейчас несколько слов.

…Господин Мишель Шобмийон был одним из старейших и искуснейших мастеров Франции. В дни, о которых идет речь, ему было уже немало лет: еще в 1918 году поистине золотые руки Шобмийона изготовили Кубок Франции, за который на протяжении более чем полувека сражались и сражаются футболисты этой страны.

С той поры ювелирных дел мастер выполнил бесчисленное множество заказов, но по-прежнему считал творение далекой молодости своим самым любимым детищем.

— Это единственная драгоценность, которая всегда попадает в достойные руки,— любил он частенько шутить в кругу своих друзей,— Я бы с удовольствием сделал еще что-либо в этом роде.

В 1958 году мечта господина Мишеля сбылась: ему поручили отлить приз для победителя только что учрежденного соревновании — Кубка Европы для национальных сборных.

— Опять кубок! — воскликнул прославленный ювелир.— Каждые сорок лет мне попадается что-либо подобное.

Шутка понравилась и обошла многие французские газеты.

Господин Мишель постарался. Для самого юного и самого важного на нашем континенте состязания он придумал очаровательный приз, несущий на себе следы глубокой

древности,— кубок, отлитый из чистого серебра, напоминал по форме древнюю греческую амфору. В этом был символ. Дело в том, что незадолго до этого, производя раскопки в Греции, ученые нашли барельеф с изображением футболиста. И Шобмийон воспроизвел ее, эту находку, на одной из граней нового кубка, словно желая подчеркнуть долголетие и непреходящую прелесть игры, возраст которой мы почему-то исчисляем лишь жалкой сотней лет.

Кубок вышел и в самом деле прекрасным. Мишель Шобмийон смотрел на него и непрестанно повторял:

— Хотел бы я знать, кому достанется эта прелесть?

Но удовлетворить его любопытство преждевременно никто не мог. Семнадцать национальных сборных команд вели ожесточенный спор за право именоваться лучшей на континенте, где, согласно бытующей легенде, родилась и утвердилась эта прекрасная игра. Венгрия, Испания, Чехословакия, Португалия, Австрия, Франция… Если кто-нибудь взялся бы изучать футбольную историю, то обязательно увидел эти имена на страницах, повествующих о ее славе.

Два года длилось это волнующее состязание, наполнившее футбольную жизнь старого материка новым содержанием. Кипели страсти, сотни тысяч зрителей заполняли трибуны прославленных стадионов, чтобы стать свидетелями крушения признанных авторитетов и восхождения новых звезд.

И вот, наконец, из семнадцати одинаково достойных претендентов на европейскую футбольную корону осталось только двое. Остался один решающий матч. На него в числе других избранных гостей французская Федерация футбола пригласила господина Шобмийона. В те дни это был весьма ценный подарок: десятки тысяч людей не могли достать билет, дающий право посмотреть решающий поединок между сборными СССР и Югославии.

— Я обязательно приеду,— сказал этот неугомонный человек, которому уже более семидесяти лет.— Я очень хочу посмотреть русских. Я хорошо помню, как они приезжали к нам еще в двадцать шестом. Господи, какими только оскорбительными словами не называли их тогда наши «свободные» газеты. Теперь Париж стал совсем другим. Он знает истинную цену Советской России.

Наступило воскресенье 10 июля I960 года. Национальные сборные СССР и Югославии вышли на поле знаменитого стадиона «Парк де Пренс». Один из лучших арбитров мира англичанин Артур Эллис дал свисток, и началась борьба.

Мы еще вернемся к описанию этого волнующего спортивного

события. Скажем лишь сразу: победила — для многих совершенно неожиданно — сборная Советского Союза.

Когда раздался финальный свисток, десятки тысяч парижан, поднявшись со своих мест, стали ритмично и дружно хлопать в такт шагам советских спортсменов, совершающих круг почета. Луч прожектора упал на нашего капитана Игоря Нетто и осветил его — усталого, необычайно счастливого, державшего в руках приз, равного которому у наших футболистов не было никогда. А на трибуне старый Мишель Шобмийон шептал:

— Я рад, что мое творение досталось им. Славные ребята. И великолепные мастера.

Через несколько дней широко известная спортивная газета «Экип» напечатала интервью с создателем кубка. С ювелиром, знаменитым во всем мире и лучше, чем кто-либо, знающим цену прекрасному.

— Я восхищен искусством русских,— заявил Мишель Шобмийон,— но среди них есть один, чье филигранное искусство, мужество и неповторимость игры заслуживают особого поощрения. Я имею в виду русского голкипера Льва Яшина, Это великий артист зеленого поля. И я не знаю, были бы так же счастливы сегодня парни из Москвы, если бы с ними не было этого гиганта.

Такую высокую оценку нашему с вами герою дал в те дни далеко не один Мишель Шобмийон. Ее провозгласили многие видные специалисты европейского футбола. Ее подтверждают сейчас, много лет спустя, те, кому довелось участвовать в этих исторических спортивных сражениях.

Мне только бы хотелось добавить, что роль Яшина в нашей победе не ограничена великолепной игрой в финальном поединке. Он цементировал оборону команды напротяжении всего этого трудного турнира. Впрочем, об этом тоже говорится в письмах и рассказах очевидцев. Предоставим же слово им.

«Я считаю — ему нет равных в мире»

Мы договорились с ним обо всем по телефону. Он сказал:

— Можете не волноваться. Я обязательно напишу.

Действительно, вскоре пришло письмо, под которым стояла подпись — Йожеф Божик.

Я всматривался в эти слова и, честное слово, испытывал невольное волнение. Ведь это имя, как вы, вероятно, знаете, составляет законную гордость спортивной Венгрии, Божик был одним из ведущих игроков той знаменитой сборной, выступления которой составили целую эпоху в футбольной истории Европы. Той сборной, которая стала олимпийским чемпионом в Хельсинки, завоевала серебряные медали на чемпионате мира 1954 года, дважды — на чужом и своем поле — разгромила сильнейшую национальную сборную Англии (6:3 и 7:1) и подарила нам всем еще много блистательно сыгранных матчей.

Даже в этой команде, составленной почти целиком из «звезд», Йожеф Божик выделялся своим мастерством. Достаточно вспомнить, что он был включен Международной Федерацией в символическую сборную мира за двадцатилетие (1950—1970 гг.).

Когда «золотая команда» стала понемногу распадаться, подчиняясь неумолимому закону смены поколений, Йожеф еще долгое время оставался в ее строю, вдохновляя своей великолепной игрой молодежь и способствуя укреплению старых, добрых традиций. Он был с ней в дни розыгрыша первого Кубка Европы, и сейчас любезно делится с нами своими воспоминаниями.

* * *

Сообщение о розыгрыше кубка, а по существу чемпионата Европы (теперь, как известно, он так и называется), было встречено в моей стране с радостью. Мы не просто приветствовали новое, интересное состязание, но и очень надеялись хорошо выступить в нем, вернуть венгерскому футболу его былую, несколько потускневшую в ту пору славу.

К сожалению, в одной восьмой финала жребий свел нас со сборной СССР. Я говорю, «к сожалению», потому что встречи с нашими русскими друзьями всегда оказывались для нас очень

тяжелыми.

28 сентября 1958 года мы выступали в Москве и, проведя состязание явно ниже своих возможностей, проиграли со счетом 1:3. Это была одна из самых бледных, самых невыразительных игр с нашей стороны. Мы почти не атаковали, и вашему голкиперу Беляеву очень редко приходилось быть в деле.

Прошел ровно год. Он был использован нашей сборной для решительного укрепления состава, повышения физической выносливости, технического и тактического мастерства сборной. И к повторному матчу против советской команды мы чувствовали себя подготовленными куда лучше, чем прежде. К тому же значительно стихла боль переживаний от явно неудачного выступления сборной в чемпионате мира 1958 года.

Случалось ли вам бывать в Будапеште накануне большого матча? Если нет, то знайте: в такие дни город живет только футболом. О нем говорят на работе, дома, в автобусах, по телефону. А главное — все заняты проблемой доставания билетов на главный стадион страны.

Обычно мы уезжаем от этой суеты, от ненужных волнений. Так было и на этот раз. В живописных Будайских горах, на высоте 480 метров, примостилась очень уютная гостиница «Красная звезда. Неподалеку — прекрасный спортивный комплекс. Здесь мы и готовились к встрече.

По вечерам специальный автобус привозил почту. Газеты печатали интервью, взятые у нас. Мы перечитывали их с каким-то особым интересом, словно посторонние люди. Тренеры сборной и игроки заверяли болельщиков, что сумеют взять реванш у русских и победить со счетом 3:1 или 4:1.

Спрашиваю себя сейчас: «Что это было — зазнайство?» — и сам себе отвечаю: «Нет! Решительно нет!» Мы действительно испытывали тогда необычайный подъем, были в прекрасной форме и, кроме того, никогда не проигрывали на своем поле советским товарищам.

Мы с интересом рассматривали огромные портреты Месхи и Яшина. Наша пресса проявляла к ним отнюдь не случайный интерес. Дело в том, что старший тренер сборной Лайош Бароти побывал в начале сентября в Москве на дружеском матче СССР — Чехословакия и дал очень высокую оценку этой паре. А нам, в откровенной беседе, наставник сборной сказал:

— Самое сильное место у русских — вратарь. Мы должны проявить максимум воли, настойчивости, точности и хладнокровия, чтобы «пробить» его.

Мы любим играть в хорошую, солнечную погоду. Но небеса редко считаются со вкусами футболистов. С утра и почти весь

день лил дождь.

Мы приезжаем за час до начала. Стадион уже заполнен до отказа. Венгрия ждет от нас только победы.

Мы знаем это. И сразу бросаемся в атаку. В течение первых шести минут подаем шесть угловых ударов. Вероятно, это должно вам кое о чем сказать. Наши быстрые, находящиеся в отличной форме крайние нападающие Шандор и Феньвеши часто отходят назад, стремясь увести за собой ваших защитников, но Яшин все время предупреждает их своими криками:

— Назад!

— Остановиться!

— Ребята, дальше не ходите!

Он беспрерывно кричит. И каждый его выкрик дьявольски раздражает: ты видишь, что Яшин разгадал задуманный маневр и в самое неподходящее для тебя время подсказывает своей защите правильный ход.

Иду по центру. Стремительно смещается влево и чуть вперед наш центральный нападающий. Прекрасная позиция. Я уже приготовился выдать ему пас «вразрез», но крик Яшина полоснул воздух:

— Альберт свободен! — и кто-то из защитников немедленно «прилепился» к нему. И будто не было ни блистательного броска, ни отчаянного выхода, а эта, совершенно незаметная для публики игра, отняла у нас возможность организовать острейшую атаку.

И снова, как выстрелы по нашей передней линии, звучат короткие, отрывистые слова команды голкипера:

— Борис, сместиться влево.

— Юра, возьми Гёреча!

— За лицевую!

— Подстраховать Масленкина!

Более всего меня удивляло и восхищало, что советские защитники беспрекословно выполняли приказы Яшина. Авторитет основывался на глубоком доверии к мастерству и опыту Яшина. Это доверие, конечно, пришло в результате длительных совместных выступлений.

Деятельность русского вратаря не ограничивалась дирижерскими функциями. То и дело он врывался в гущу схватки. Вот вытаскивает совершенно «мертвый» мяч, пробитый метров с девятнадцати Альбертом. Вот ныряет в нижний угол, спасая свои ворота после резкого, необычайно сильного удара Тихи. А потом…

Потом он совершил чудо, а как оно ему удалось, я не могу представить до сих пор. Дело было так. Ваш Игорь Нетто в один из острых моментов решил отыграть мяч Яшину и сделал

неточную передачу. Из-за спины советского полузащитника выскочил Тихи, овладел мячом и оказался один на один с Яшиным в каких-нибудь пяти метрах от ворот. Казалось, свершилось — мы открываем счет. А что произошло дальше, я просто не пойму. Увидел, что Тихи не успел пробить, а Яшин валяется у него в ногах, перекрыв своим могучим телом путь к воротам. Вот уж поистине спас команду, выкрутился из совершенно безнадежного положения!

Честно скажу, венгерские болельщики далеко не всегда находят в себе силы быть объективными: они слишком любят свою команду. По тут никто не мог устоять перед безупречной точностью игры выдающегося мастера, и стадион начал восторженно скандировать его имя:

— Яшин! Бра-во!

— Бра-во, Яшин!

Мы проиграли матч — 0:1. Его судьбу решил гол, забитый вашими парнями во втором тайме, И то, что Яшин не сделал в течение девяноста минут ни одной ошибки.

Вечером мы выступали по венгерскому радио и телевидению. Корреспондент задал вопрос Лайошу Бароти:

— Как вы оцениваете игру Яшина?

— Я считаю его, безусловно, лучшим вратарем мира,— ответил наш тренер —Команда, обладающая вратарем такого класса, может рассчитывать на самый крупный успех в любом соревновании. И я нисколько не удивлюсь, если именно она станет первым чемпионом Европы.

На следующий день это заявление напечатали все венгерские газеты.

Вот, уважаемый редактор, что я могу сейчас вспомнить об этом матче и о той роли, которую сыграл в нем ваш голкипер.

Но встреча в Будапеште была далеко не единственной моей встречей с Яшиным. Я видел его на стадионах Швеции и Чили, где проходили очередные чемпионаты мира, во многих товарищеских состязаниях и турнирах. Он всегда производил на меня глубокое впечатление, прежде всего, своей удивительно скромной, сдержанной манерой поведения. Яшин никогда и ничем не подчеркивал своей исключительности, не позволял себе спорить с судьями или оспаривать их решение. Он образец настоящего спортсмена — волевого, дисциплинированного, мыслящего.

Мы часто спорим между собой, что делает спортсмена великим, что выделяет его среди товарищей, поднимает над ними? Я думаю, прежде всего, сам результат его выступлений, т.е. победы, рекорды, добытые на важнейших состязаниях

современности. Но в еще большей степени — как эти победы были завоеваны. Восхищают проявление несгибаемой воли, умение совершить во имя победы, во имя своей команды то, что всем представляется невозможным, что кажется выше человеческих сил. Именно так вел себя на футбольных полях ваш Лев Яшин.

Я знаком с советским футболом уже более двадцати лет — с того самого майского дня, когда со сборной Венгрии в 1952 году приехал в Москву. Я знаю лично многих ваших футболистов, знаю, что советский спорт дал многих выдающихся мастеров кожаного мяча, таких как Всеволод Бобров, Эдуард Стрельцов, Юрий Войнов, Игорь Нетто, Валентин Иванов, Михаил Месхи, Леонид Иванов… Этот список можно продолжать очень долго. У каждого из них свой почерк, свое творческое «я». Но, да извинят они меня, над всеми возвышается Яшин.

«Ему нельзя не аплодировать!»

За сто с небольшим лет официального существования футбол выдвинул из своей среды огромное количество героев, мастеров, которых мы окрестили небесным именем — «звезды». Случайно ли такое? Вероятно — нет.

Эта игра не только дает человеку высокое эстетическое наслаждение, но и открывает перед ним необозримые возможности для совершенства, для проявления своей индивидуальности и демонстрации почти неограниченных физических возможностей. Можно привести колоссальный список футболистов, чьи имена навеки остались не только в сердцах болельщиков, но и в официальной истории своих стран.

К числу незабываемых гроссмейстеров кожаного мяча, несомненно, принадлежит любимец Чехословакии — Йозеф Масопуст. Достаточно привести лишь некоторые сведения из его биографии. Почти четверть века провел он на зеленых полях, побывав за это время почти во всех странах земного шара. Он только около ста раз выступил под флагом национальной сборной страны и свыше семисот (!) за свой родной клуб «Дукла», где сейчас работает тренером. Он призывался также под знамена сборной Международной и Европейской федераций футбола, а в 1962 году был признан лучшим футболистом Европы — честь, которой удостаивались немногие. Это «возведение на престол» произошло в тот памятный год, когда сборная Чехословакии в далеком Чили добилась большого успеха, став вторым призером чемпионата мира.

«В том феерическом и в известной степени сенсационном восхождении сборной Чехословакии, которое она совершила на чемпионате,— писал в те дни «Франс-футбол»,— несомненно исключительная роль принадлежит Йозефу Масопусту, который был не только самым лучшим среди своих товарищей, но и выступал как их боевой вожак, организатор атак, душа обороны».

От Йозефа Масопуста я получил письмо весной 1972 года, когда в Праге торжествовали по случаю победы на очередном чемпионате мира по хоккею с шайбой. Я говорю об этом для того, чтобы было понятно начало рассказа великого чешского мастера футбола.

* * *

Нет ничего радостнее спортивного зрелища. Последние дни мы все были поглощены событиями, происходящими на льду. Конечно, радует успех нашей команды. Успех, которого, признаться, мы долго ждали. Но радует созерцание битвы в целом. Особенно, как всегда, потрясает ваша команда. Несмотря на проигрыш, она продемонстрировала великолепное мастерство. По существу, матчи Чехословакия — СССР были истинным украшением турнира и значительно поднимались над всем остальным, что происходило на нем.

По-видимому, так бывает часто. Нужно отдать должное: любое состязание, в котором участвуют советские спортсмены, становится интересным. Это идет от вашего принципа: слабых не посылать. Вероятно, вполне правильного принципа, когда речь идет о современных международных состязаниях, в которых всегда имеют место соображения престижа.

Встречи между футбольными сборными наших стран тоже всегда проходили в упорной, яростной борьбе, отмеченной вместе с тем печатью дружбы и сердечности.

Вы просите меня поделиться впечатлением об игре Яшина в Марселе, в полуфинальном матче на Кубок Европы 1960 года. С удовольствием выполню эту просьбу, но прежде хочу высказать несколько общих характеристик. Если, разумеется, вы мне это позволите.

Я начал свое письмо с хоккея, В отношении его часто приводится определение, что «вратарь — это полкоманды». Уверен: в футболе он значит не меньше, а, может быть, даже больше. Помните, перед очередной битвой в Мехико, в 1970 году, тренер англичан, еще сохранявших звание чемпионов мира. Альф Рамсей заявил однажды журналистам: «Я смогу найти замену, пожалуй, любому полевому игроку, но заменить Бенкса мне пока некем».

Эти слова полностью подтвердились. Когда Бенкс заболел, его болезнь обернулась для Англии трагедией в матче против сборной ФРГ в четвертьфинале. Демонстрируя высокий класс, Англия выиграла первый тайм 2:0, но потом три роковые ошибки преемника Бенкса заставили ее выйти из борьбы.

Я утверждаю, что многие классные команды, добившиеся признания и славы, базировали свою мощь па искусстве своих великолепных вратарей. Такой была Испания середины тридцатых годов во главе с Заморой, австрийская «чудо-команда» во главе с Руди Хиденом, сборная моей страны, добившаяся в 1931 году права играть в финале чемпионата мира, когда ее ворота защищал Франтишек Планичка.

Мне кажется, что лучшая пора вашего футбола приходится на те годы, когда было в расцвете мастерство Льва Яшина, Многие выдающиеся успехи, такие, как приобретение олимпийского золота и Кубка чемпионов Европы, одержаны, прежде всего, потому, что у вас был он. Я думаю, что такое утверждение не умаляет ничьи заслуги, оно лишь подчеркивает заслуги Яшина.

Мне доводилось сидеть его не раз со стороны, быть с ним рядом. Но, несомненно, истинную силу Яшина, истинную его цену знает по-настоящему лишь тот, кто играл против него, кому было просто жизненно необходимо забить ему гол.

Теперь, по вашей просьбе, опишу его выступление против нас в Кубке Европы. Нет, начну не с этого, а чуть раньше.

6 сентября 1959 года наша национальная команда выступала в Москве против вашей сборной. Встреча была товарищеской, но в преддверии предстоящих официальных состязаний обе стороны придавали ей серьезное значение. Начало поединка раззадорило нас еще больше: уже на четвертой минуте мы пропустили гол, а в середине тайма — второй.

Неудача или убивает или разжигает. В данном случае мы почувствовали возможность крупного поражения и резко изменили избранную поначалу манеру игры: неторопливый розыгрыш мяча. Темп возрастал прямо пропорционально нашему стремлению отыграться.

Хорошо помню, как после очень серых действий в дебюте блестяще заиграло наше нападение, как все чаще форварды стали проникать в штрафную площадь советской сборной. И вот последовал редкий по силе и точности удар «инсайда» Шерера. Не было никакого сомнения, что это гол. И вдруг ваш Яшин в резком, красивом прыжке достает этот мяч.

Тут позвольте снова сделать небольшое отступление. Есть виды спорта, в которых уровень класса определяется очень просто: результатом. Секунды в спринте, килограммы в тяжелой атлетике, сантиметры в прыжках позволяют нам судить о величии или обыденности содеянного.

Спортивные игры — иное дело. Здесь о величине подвига того или иного игрока может судить только тот, кто его видел. Сейчас к игре Яшина я могу прилагать самые различные эпитеты, но каждый по-своему поймет, по-своему прокомментирует их. У того, кто не видел спортсмена в игре, нет возможности ни с кем его сравнивать.

Но можете поверить старому волку (пишу это не только для вас, но и, главным образом, для будущих читателей вашей книги), что многие броски Яшина даже в одном этом матче были по-своему рекордными, рекордными в том смысле, что никому

другому их бы не удалось повторить. К таким бесспорным рекордам должен быть отнесен мяч, взятый Яшиным после удара Адольфа Шерера.

Очень хорошо помню и другой случай. Где-то незадолго до окончания первой половины игры наш полузащитник Титус Буберник резко вышел, проскочив мимо защитников, на простреленную передачу с правого края и, не сбавляя хода, головой резко послал мяч в дальний от вратаря верхний угол. Если бы до 6 сентября 1959года меня спросили (я повидал немало, участвовал в двух чемпионатах мира), может ли быть отражен такой мяч, я бы, не задумываясь, ответил отрицательно. Но Яшин, именно Яшин доказал мне обратное. Именно Яшин показал мне футбольное чудо, которое я до этого не знал и не видел. Он расширил мое представление о возможностях защиты ворот.

Во втором тайме тренеры освободили меня от игры, и я наблюдал за ходом встречи со стороны. Яшин играл по-прежнему здорово. Но впечатление было уже иным. В игре он «смотрелся» куда грознее, он просто гипнотизировал вас, заставляя думать, что пройти его невозможно.

Когда на следующий год мы летели в Марсель, где предстояло играть полуфинальный матч на Кубок Европы с вашей сборной, в самолете только и было разговоров о том, будет ли играть Яшин (разнесся слух, что он получил серьезную травму и не сможет выступать). Многие наши ребята не скрывали своего желания, чтобы в воротах русской команды стоял кто-нибудь другой.

Однако этого не произошло: Яшин не оставил своих товарищей в минуту решающих испытаний.

Что сказать о матче в Марселе. Мы его проиграли очень крупно — 0:3. Но это не означает, что игра, как говорится, шла в одни ворота. Наша сборная прилагала много усилий сначала, чтобы захватить инициативу, а затем, чтобы сделать результат более почетным.

Нет никакой возможности описать игру Яшина хотя бы только в этом матче. Но даже несколько примеров скажут многое.

Уже при счете 0:2 Буберник, всегда отличавшийся высокой активностью, а также редким чутьем на свободное место, ворвался в вашу штрафную и получил идеальную передачу от Бубника. Последовал резкий, сильный удар в нижний угол — удар самый «неудобный» для вратарей такого типа, как Яшин. Но он нырнул и «вытащил» мяч, накрыл его своим могучим телом.

Я остановился ошеломленный. И потом невольно стал аплодировать Яшину. Словно сговорившись, ему стали

аплодировать наши парни — Новак, Масопуст, Бубник, Долинский, ему аплодировали товарищи по команде.

Еще несколько раз русский вратарь делал такое, что заставляло дрожать стадион. Почти каждый из нашей пятерки форвардов по два-три раза попытал свое счастье в единоборстве с ним, но тщетно. Яшин всегда отличался мастерством, а в тот день он был в ударе.

Примерно за четверть часа до окончания поединка мы получили право на 11-метровый штрафной удар. Прекрасная возможность уйти от «сухого» счета — на большее мы уже не могли надеяться.

— Кто будет бить? — спросил я, хотя еще до матча тренером было оговорено, что, если случится такое, предоставившееся право использует Войта. Но я словно забыл об этом. Я рассчитывал, что, как всегда в подобных случаях, подогреваемые горячкой боя, вызовутся сразу несколько добровольцев и этот энтузиазм успокоит того, кто давно стал жертвой тренерского выбора.

Но произошло неожиданное: ребята молчали. То, что должно было по замыслу поднять дух нашего крайнего нападающего, сыграло прямо противоположную роль. И Войта пробил мимо ворот.

Итак, повторяю, матч закончился в пользу советской команды — 3:0. Хорошо сыграло ваше нападение, где особенно выделялись своей активностью, техникой, волевым напором Иванов, Понедельник, Месхи. Но не их восторженно приветствовали марсельцы. Прорвавшись на поле, они подхватили на руки и понесли вашего Яшина.

А мы, конечно, пришли в раздевалку не в очень хорошем настроении. Особенно был опечален Войта. Чтобы «выпустить пар», он начал бурчать. Сначала потихоньку, потом все громче.

— Конечно,— вдруг выпалил в сердцах он,— какой уж тут игры можно ожидать, какой злости, если наши форварды вместо того, чтобы нападать на чужого голкипера, не давать ему вздохнуть — стоят, разинув рот, и хлопают в ладоши, как в театре.

В раздевалке стало убийственно тихо. Подобной грубости мы от своего товарища не ожидали. И даже не находили слов, чтобы достойно возразить.

Молчание нарушил Вильям Шройф, наш вратарь. Он подошел к Войте и положил ему руку на плечо:

— Ты неправ, друг! Такому игроку, как Яшин, грешно не аплодировать!

Задание, которое не удалось выполнить

Письмо знаменитому югославскому форварду Милану Галичу я послал в адрес когда-то знаменитого французского клуба «Реймс». Несмотря на свои 34 года, Галич продолжает оставаться на зеленом поле и удивлять — именно удивлять — своим нестареющим искусством людей.

Совсем недавно журнал «Франс-футбол» посвятил ему специальную статью, в которой есть и такие слова:

«…С тех пор как Париж увидел Милана Галича в знаменитом матче на Кубок Европы, в 1960-м году, кажется, время остановилось. Во всяком случае, для этого человека. Он так же, как прежде, на дружеской ноге с мячом, его так же часто «теряют» защитники, и даже скорость, которая, как известно, всегда является уделом молодых, пока не покинула знаменитого форварда. Знаменитого не только своим прошлым, но и настоящим».

Несколько слов о прошлом. Галич появился в составе широко известного белградского «Партизана» в 1957 году и сразу завоевал симпатии всех поклонников футбола. Через сезон, когда национальная сборная готовилась к поездке в Швецию на финальную часть очередного чемпионата мира, вся югославская печать настойчиво требовала включения Галича в ее состав, отмечая его исключительную одаренность. Но тренеры не послушались этого совета, сославшись на неопытность молодого форварда. Когда же в четвертьфинале Югославия, показавшая, по всеобщему мнению, красивую и мощную игру, все же уступила 0:1 национальной сборной Франции, белградская газета «Спорт» буквально так прокомментировала это поражение:

«У тренеров сборной должна быть на плечах голова, чтобы принимать правильные решения, или, если ее нет, хотя бы уши, чтобы прислушиваться к мнению общественности. Сборная проиграла Франции, потому что в ее рядах не было форварда, который бы отличался умением поражать ворота соперников из любых положений, брать на себя смелость завершающего удара. А между тем, такой форвард имелся в Белграде, и мы беспрерывно твердили его имя — Галич, Галич, Галич…»

Не удивительно, что на следующий сезон талантливый нападающий был введен в основной состав главной команды

страны и прочно занял в нем место.

Это было время нового взлета футбольной славы Югославии. В 1960 году она впервые стала олимпийским чемпионом и вышла в финал Кубка Европы, победив, к слову сказать, в полуфинале сборную Франции на ее поле. Впереди ждал поединок с командой СССР.

Мне хотелось напомнить читателям об общественном мнении накануне этого, безусловно, главного матча сезона, Вот что писала тогда достаточно авторитетная газета «Экип»:

«В финал вышли два действительно достойных соперника. И все-таки скажем честно: на этот раз шансы сборной Югославии выше. В зрелищном отношении ее футбол — просто объединение. Она собрала под свое знамя игроков, отличающихся безупречной техникой, высокой сыгранностью, современной скоростью движения и мысли. Это команда, отвечающая самым строгим требованиям».

Не скрывала своего мнения и югославская пресса. Уже упоминавшаяся нами газета «Спорт» за день до финала написала:

«После 1952 года никогда больше мы не располагали такой сильной, боевой, прекрасно укомплектованной и подготовленной командой. Ее выход в финал первого в истории состязания между национальными сборными нашего континента уже подтверждает это. Но наша сборная сегодня способна и на большее. Вот почему мы с оптимизмом ждем предстоящий матч».

И вот наступило 10 июля 1960 года. О том, что происходило в этот день на идеально ровном зеленом поле лучшего во французской столице стадиона «Парк де Пренс», рассказал мне в своем ответном письме один из участников и героев отшумевшего давно сражения Милан Галич.

* * *

История встреч между нашими сборными сравнительно коротка, но каждая из них оставила по себе яркий след. Это те встречи, которые можно, без страха и стыда обмануться, включать в хрестоматии по футболу, если такие будут когда-либо издаваться у нас в Европе по примеру того, как это сделали в Бразилии. К слову сказать, у меня есть такая книга, она читается с захватывающим интересом и служит отличным горючим материалом для разжигания энтузиазма молодежи.

Ничто так ярко, так убедительно, так действенно не может

агитировать за футбол, как сам футбол. Мне было четырнадцать лет, когда состоялся знаменитый олимпийский матч между Югославией и СССР. Мы, мальчишки, одинаково восхищались и нашей командой, сумевшей добиться в таком состязании счета 5: 1, и вашими великолепными форвардами, которые за каких-нибудь двадцать минут провели в наши ворота четыре ответных мяча!

На следующий день, когда проводилась переигровка, по-моему, вся Югославия не вышла на работу. Помню нашу квартирку, до отказа набитую друзьями отца и моими друзьями. Все прильнули к радиоприемнику, все напряженно вслушиваются в голос комментатора. А когда в эфире прозвучал в последний раз свисток судьи, началось всеобщее ликование. Только минут через десять отец получил возможность что-то сказать, а мы — его услышать.

— Эта победа вдвойне дорога потому, что русские прекрасные спортсмены и победить их — всегда трудно.

Слова отца я вспомнил через четыре года, слушая репортаж из далекого Мельбурна. Советская команда взяла реванш за поражение в Тампере и стала олимпийским чемпионом. Мне тогда уже было восемнадцать лет, я учился в институте и выступал за юношескую команду «Партизан». Мы собирались ежедневно, проводили товарищеские матчи, много работали над техникой. Много спорили, горячились, думали о будущем.

И конечно, известие, пришедшее из Австралии, очень взволновало нас. Мы с жаром его обсуждали, выискивали «виновных». Подошел тренер. Постоял. Послушал. Потом вмешался в разговор;

— Не так-то все просто, ребята. Никто ни в чем не виноват. Просто русские — прекрасные спортсмены, великолепная команда. Чтобы победить такую команду, надо много работать. Надо быть выдающимися мастерами. Ну-ка, пошли работать…

Уважение к советскому футболу, трезвая, реалистическая оценка его силы всегда были свойственны любителям и специалистам спорта в моей стране.

Это я с особенной силой осознал, когда попал в сборную. Мы много и серьезно изучали тактику советской команды, просматривали фильмы с ее участием, посылали своих наблюдателей на матчи СССР — Венгрия и СССР — Чехословакия.

Какова была оценка тренеров наших возможностей? Она примерно сводилась к следующему:

— Советская команда — очень серьезный противник. Сейчас она на подъеме. Несколько уступает нам в технической подготовке и, вероятно, в скорости. Компенсирует это высоким

коллективизмом и жесткой игровой дисциплиной. Очень сильна в обороне, где особенно выделяется своим мастерством вратарь. Сухих вратарей нет, но надо иметь в виду, что «пробить» его трудно.

Яшина я видел в 1959 году, когда московское «Динамо» приезжало к нам в Югославию. Помнится, турне было очень неудачным: ваши проиграли с крупным счетом белградской «Црвене Звезде» и, кажется, «Хайдуку» из Сплита. Я был свидетелем поражения в Белграде. Действия Яшина, признаться, не произвели на меня тогда особого впечатления. Он пропустил четыре мяча, два из которых, по-моему, вполне можно было взять. Вот почему неоднократное повторение фамилии русского вратаря на меня лично особого впечатления не произвело. У меня было свое мнение на этот счет. Быть может, в какой-то мере оно мне помогло, в том смысле, что раскрепостило, дало известную психологическую свободу в игре против него.

Тактическую установку на матч 10 июля 1960 года я помню так отчетливо, словно только что вышел с совещания. Тренеры предписывали нам вести состязание в остроатакующем стиле, на больших скоростях, привлекая к наступлению не только второй эшелон, но и защитников. Предполагалось — и потом полностью подтвердилось, — что соперник применит в обороне персональную опеку. Главным оружием против нее выбиралась игра с постоянной сменой мест, которую мы называли между собой «обмен жилплощади».

Всю ночь и все утро в день матча на Париж падал дождь. Такая погода потребовала некоторых уточнений, главное из которых сводилось вот к чему.

Поле стало необычайно мокрым и скользким. Мокрым и скользким будет мяч. Поэтому форварды и полузащитники должны чаще, разумеется, с удобных позиций, обстреливать ворота. При каждом ударе остальные врываются в штрафную площадь, чтобы иметь возможность добивать мячи, которые, несомненно, будут выскальзывать из рук голкипера. Надо только быть очень внимательным, все время готовым к рывку.

Чтобы уже не возвращаться к этому, отвечу, что именно это задание тренера не было выполнено нами. Но не по нашей вине. Мы постоянно помнили о наставлении и стеной шли на вашего голкипера, не оставляли без внимания и соответствующей реакции ни один удар партнера.

Но все оказывалось напрасным: за весь матч Яшин ни разу не выпустил из рук мяча, не дал нам ни одного шанса в этом отношении, ни одной даже малейшей надежды, Сыграть так в дождливую погоду, на скользком поле — казалось мне

удивительным. Вот уж поистине: стопроцентная надежность.

Кстати, на эту сторону его мастерства обратила внимание спортивная пресса. Франсуа Реметтер, еще недавно выступавший за команду Франции на чемпионате мира и объявленный лучшим вратарем этой страны за весь послевоенный период, писал в газете «Экип», что о такой собранности, четкости, предельной внимательности, которые проявил Яшин в игре со скользким, тяжелым мячом, мог бы мечтать любой вратарь мира.

Но все это было уже потом — и оценки, и выводы. А нас еще ждала игра. И к ее описанию я сейчас перейду.

Наверное, нелишним будет напомнить, что французы, хотя их команда и проиграла накануне нам, проявили завидную спортивность и заполнили до отказа вместительные трибуны своего лучшего стадиона. Освещать матч прибыли сотни корреспондентов из самых различных стран, причем не только европейских.

Как и было обусловлено заранее, мы пошли в атаку, и, нужно сказать, соперник не смог ее сдержать. Это были тридцать минут такой красивой, целеустремленной и продуманной игры. Игры, когда все ладится, у всех хорошее настроение, у всех необычайный физический и духовный подъем. Защитные линии советской сборной далеко не всегда успевали отразить возникавшие угрозы. Стадион ревел, наблюдая за тем, как одну острейшую ситуацию сменяет другая, еще более острая. Ревел, кипел страстями, неистовствовал в ожидании близкого, всегда такого желанного для публики гола. А гола все не было.

Его не было, потому что в воротах стоял Яшин. Это был сейчас человек, совершенно не похожий на того, которого я видел всего год назад в Белграде. Казалось, ему сменили и тело, и душу — столько страсти, азарта и мастерства открылось вдруг передо мной. «Откуда это?» — задавал я самому себе один и тот же вопрос. Задавал и не мог ответить.

Теперь, с дистанции времени, мне это сделать значительно легче. Я понял, что ваш вратарь обладает великолепным и необычайно ценным искусством играть хорошо тогда, когда это особенно нужно. Несомненно, эта способность мобилизоваться, быть в пике формы к самому важному состязанию сезона, сконцентрировать всю волю, все свое мастерство и проявить их в полной мере — первейший показатель истинно высокого класса.

За годы пребывания в большом футболе я видел немало различных спортсменов. Я видел форвардов, которые на тренировках поражали мое воображение силой и точностью своих ударов. Но в игре им никак не удавалось забить ни одного гола. Я видел юных вратарей, с которыми тренеры поначалу «Партизана»,

потом бельгийского «Стандарта» и французского «Реймса» связывали самые радужные надежды. Это были прекрасно сложенные, прыгучие, как обезьяны, красивые и легкие парни. На учебных занятиях они, случалось, совершали такие броски, доставали такие мячи, что нам только оставалось удивляться. Казалось, это родились новые футбольные гении. Но в первой же официальной игре они пропускали простейшие мячи, и тренеры, схватившись за голову, бежали производить замену. Сразу куда-то исчезали их прыгучесть, ловкость, их отвага и реакция.

Вы спросите: в чем же тут дело? Все очень просто. Этим людям не хватает психологической устойчивости, а если говорить попросту — умения держать себя в руках, подчинять свой разум и свою волю единой цели. Им не хватало умения «отключаться» от рева трибун, от мыслей о долге и ответственности и подчинять себя лишь одному единственно святому и единственно важному — игре.

Возвращаясь к матчу, я могу еще раз с полным основанием заявить, что играли мы хорошо. Многие мои товарищи порою оказывались просто «неуловимыми» для русских защитников. Высокая скорость в сочетании с достаточно высокой техникой давали себя знать. Не часто доводится играть в финале Кубка Европы. Поэтому, вероятно, каждая деталь поединка живет и сейчас в сознании, как живая.

Идет вторая минута матча. Между прочим, одна из самых опасных для обороняющихся: ты еще не успел «разогреться», не успел физически и психологически вжиться в игру, как…

Удар! Уже в самом начале приземистый, быстрый и юркий Шекуларац проходит дриблингом сквозь строй защитников, смещается к правому углу штрафной и оттуда наносит сильнейший удар с полулета. Мяч летит в нижний угол, и за ним в непостижимом броске летит человек в темном свитере. Так, в самом дебюте между нашей линией нападения и Яшиным словно бы произошел негласный разговор:

— Мы не дадим тебе покоя.

— А я — вам…

Буквально через несколько мгновений происходит невероятное: Яшин выбросил рукой мяч кому-то из своих защитников, подскочил Шекуларац, перехватил передачу и рывком вышел один на один к воротам. До них было всего метров восемь, когда он ударил, и мяч с огромной силой пошел в сторону от Яшина. Как мне потом рассказывал отец, комментатор югославского радио закричал и то мгновенье на всю страну:

— Г-о-о-л!

Но его винить нельзя: была стопроцентная голевая ситуация,

был произведен сильнейший и точный удар. Тут даже не помог бы бросок. Но Яшин сделал в воздухе что-то вроде классических «ножниц», и мяч, задетый его ногой, взвился свечой вверх, а затем ушел за лицевую. Можно только было позавидовать, что природа дала этому человеку такую реакцию, как дает она идеальный слух великим музыкантам.

Прошло еще минут пять. Костич, имитируя попытку прорыва, оттянул на себя двух русских защитников и передал мне мяч в каком-нибудь шаге от одиннадцатиметровой отметки. Я ударил с ходу, и мяч с огромной силой полетел в дальний от вратаря верхний угол. Но Яшин в броске достал его кончиками пальцев и отвел за перекладину.

Ночью, после матча, который мы проиграли, я долго не мог уснуть. Когда под утро пришло забытье, я все время видел в тревожном сне этот удар и этот бросок, словно показанный мне в замедленной съемке. И во сне я кричал:

— Не может быть!

Ребята будили меня. Но как только я засыпал, все опять повторялось сначала. Я передаю все, как было, для того, чтобы вы яснее представили, какое неизгладимое впечатление произвела на меня игра вашего великолепного голкипера в этом матче, который, на мой взгляд, был одним из лучших в его жизни.

Яшин показал себя в этом сражении — а это было непримиримое, яростное сражение за право называться сильнейшим в Европе — спортсменом без слабостей. Он одинаково хорошо действовал на линии ворот и на выходах, отражал сильнейшие удары в упор и с дальних дистанций, был все время начеку.

Вспоминается такой случай. Наш вратарь Виденич в один из моментов выбил мяч от своей штрафной к штрафной соперников. Советские защитники, не ожидавшие такого оборота дела, прозевали момент, и мячом овладел Костич. Он оказался один перед русскими воротами, но… в его ногах уже валялся Яшин, который пристально наблюдал за всем происходящим от начала до конца и, вовремя среагировав, отвел очередную угрозу. Казалось бы, мелкий факт, но окажись в воротах другой человек — мы бы обязательно забили гол.

Нет непробиваемых вратарей. Но весь первый тайм мне казалось, что Яшин своей игрой опровергает эту аксиому. Удача пришла совершенно неожиданно. Еркович, действуя на правом фланге, на высокой скорости обыграл какого-то из ваших защитников. Обыграл чисто, проскочил вдоль боковой линии. Но тот почему-то решил, что допущено нарушение правил и, прекратив борьбу, смотрел, что же будет дальше.

А дальше получилось вот что: увидев, что его не преследуют, Еркович довольно спокойно срезал угол, вошел в штрафную и вынудил Яшина переместиться к ближней от нашего форварда штанге. Еркович правильно оценил обстановку и, подняв мяч, быстро, технически безупречно перебросил мне. Помню, я увидел совсем незащищенное пространство и резко, головой ударил в налетавший на меня светлый шар. И вместе с ним влетел в сетку. Гол! Я забил Яшину гол. Еще каких-нибудь тридцать минут назад я не видел бы в этом ничего особенного. Теперь же именно это обстоятельство больше всего радовало меня.

Итак, мы ушли на перерыв при счете 1:0. Во время отдыха слушали почти непрерывные наставления тренера. Наряду с другими он говорил и о Яшине:

— Видите, мы все-таки его пробили. Теперь русский вратарь уже не будет таким спокойным!

Как жестоко он ошибся, наш тренер. Но винить его нельзя. Из ста вратарей девяносто девять заметно снижают коэффициент полезного действия, особенно в таких матчах, как этот. Но Яшин оказался тем единственным вратарем, на которого это правило не распространяется. Он играл еще надежнее, еще спокойнее. Но об этом несколько позже.

Случилось так, что мы пострадали от оружия, которым собирались разить соперников. Почти в самом начале второго тайма ваш форвард, в, казалось бы, совершенно неугрожающей ситуации, метров с двадцати сильно и довольно точно пробил по воротам. Наш Виденич заметил этот удар, прыгнул, но не смог удержать скользкий мяч и уронил его между собой и кем-то из игроков обороны. Но раньше всех к мячу подоспел выскочивший из-за спины защитника ваш знаменитый Метревели и… сравнял счет. Это произошло очень быстро, как-то совершенно неожиданно. И сразу перевернуло настроение команды. Из людей, стремящихся сохранить свое преимущество, мы превратились в несчастливцев, которым вдруг пришлось начинать все сначала.

Основное время не дало преимущества ни одной из сторон. Назначаются тридцать добавочных минут. Минут, которые должны решить все.

Мы снова бросились в атаку, и яростнее, мощнее ее я лично ничего в своей футбольной жизни не помню. Двадцать минут непрерывного штурма. И двадцать минут настоящего подвижничества русского вратаря.

Я не пойму, как он вытащил мяч, посланный мною метров с десяти в правый верхний угол. Я не пойму, как он успел, пролетев метра три в воздухе, снять мяч с головы Ерковича, прорвавшегося к самой штанге на простреленную передачу слева. Я не пойму, как

он дважды, отчаянными бросками в ноги, сумел ликвидировать прорывы Шекулараца, выходившего с ним один на один.

Нужно сказать, что многое из того, что он сделал, Яшин и сам бы сейчас, вероятно, не смог объяснить. Мне кажется, что именно в этом матче, в эти минуты пришла к вашему Яшину слава великого вратаря. Именно 10 июля 1960 года он утвердил за собой право на это имя. Во всяком случае, в Югославии он стал известен именно после финала на Кубок Европы. Я сам был свидетелем того, как люди разных возрастов, рассматривая его портрет в газете, говорили почти одно и то же:

— Вот человек, который «украл» у нас победу.

Грубоватое, но довольно точное определение.

Столь же решительными, хотя, разумеется, иными по форме, были официальные оценки. Прочитав ваше письмо, я не поленился покопаться в своем «походном музее» — папке, где я храню наиболее дорогие для меня исторические материалы, Вот отчет агентства ТАНЮГ, переданный из Парижа:

«Это проигрыш, в котором нельзя винить ни одного нашего спортсмена. Галич, Костич, Еркович, Шекуларац и другие сделали все, чтобы обеспечить успех. Но советская сборная выстояла, а потом и провела решающий мяч. Свой успех русские разделят неравномерно. Выдающуюся роль сыграл Яшин, который фантастически, великолепно отражал все атаки энергичных югославских форвардов и являлся тем последним неприступным препятствием, о которое разбивались все атаки югославской команды. В лице Яшина не только советские товарищи, но и весь европейский футбол видит настоящего героя современного спорта».

С той поры прошло уже двенадцать лет. Еще пять лет выступал я за сборную Югославии и провел в ее составе ровно полсотни матчей. Выступал в Чили, в памятном 1962 году, где, кстати, нас опять «подвел» ваш голкипер. Принимал участие в чемпионатах Бельгии и Франции. Но ничего подобного тому, что показал Яшин в Париже, не видел. Это было высшее достижение вратарского искусства. Это была игра, о которой нельзя вспоминать без восхищения.

Извините за излишнюю восторженность. Эта черта вообще не присуща мне, но о Яшине не могу написать иначе.

* * *

Письмо Милана Галича, содержание которого я стремился передать предельно точно, заставило меня обратиться к прессе тех далеких дней и постараться выяснить, насколько широкой была оценка игры нашего вратаря, какова ее общая тональность. В подшивках газет, издающихся в различных странах, я нашел слова, исполненные той же восторженности и благоговения. Позвольте мне привести лишь небольшие выдержки из найденных мною отчетов.

«Русский Яшин защищал ворота с мастерством, напоминавшим искусство акробата»,— такое признание сделала газета «Пари-Жур».

«Яшин был бесспорным героем обоих матчей — и против Чехословакии, и, особенно, против Югославии. Его вклад в победу русской команды огромен. Причем речь идет не только о количестве отраженных ударов, хотя и одно это могло принести ему славу. Но Яшин оказался великолепным дирижером, умеющим подчинить своей воле действия всей линии обороны. По существу, этот вратарь одновременно исполняет роль играющего тренера, от которого все время исходят оперативные тактические установки»,— констатировала ведущая спортивная газета Франции «Экип».

Почти в те же дни выходящий в Лондоне журнал «Мировой спорт» посвятил закончившемуся чемпионату Европы специальную статью, в которой были и такие слова:

«Чемпионат помог увидеть, сколь богата талантами футбольная Европа… Неизгладимое впечатление оставила игра русского голкипера Яшина, которая продолжает лучшие традиции защиты ворот, созданные Заморой и Планичкой. Победа русской команды, значительная сама по себе, во многом определена выдающимся искусством и железной стойкостью ее вратаря».

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Вратарь! Судьба редко в минуты матча отпускает ему время на отдых, на размышление. Чаще всего он ни одной секунды не стоит на месте. Он, как чуткий барометр, реагирует на каждое изменение обстановки на футбольном поле. Его команда идет вперед, и он выдвигается вперед. Это не жест — это естественная необходимость постоянно ощущать себя в гуще событий, не пропустить ничего, ни одного штриха в сложном рисунке спортивного сражения. А только мяч перешел к чужим, к игрокам соперничающей команды — вратарь сейчас же настораживается, делает шаг назад, всматривается, определяя, где же лучше занять позицию. Одним словом, пока идет игра — он всегда в игре. Посмотрите, на «пятачке» у ворот, по всей ширине вратарской площадки выбита продолговатая «лысина». Не вините за нее работников стадионов: здесь сколько ни подсевай, всегда голо, потому что здесь эпицентр всех футбольных землетрясений, здесь разыгрываются самые драматические схватки. Здесь-то и проходит жизнь вратаря. Его извечное единоборство с атакующими силами противника.

Посмотрите на команду в короткие минуты разминки перед матчем. Белые, цветные, пятнистые мячи один за другим летят к воротам. Они словно говорят тому, кто отважился стать на их защиту: «Держись. Готовься. Тебе будет трудно».

Да, будет трудно. Будут рваться к воротам форварды и полузащитники соперников и яростно атаковать с ближних и дальних дистанций. Будут прорывы, угловые, штрафные удары, столкновения в воздухе, шум спортивного боя, яростный крик болельщиков… Будет трудно от сознания, что в этом круговороте страстей ты один не имеешь права на ошибку — тебе ее не простят.

В послужном списке заслуженного мастера спорта Льва Ивановича Яшина было уже много замечательных свершений, содеянных на стадионах Мельбурна, Парижа, Будапешта, Гётеборга, Буроса, Софии, Дели, Ганновера, Лейпцига, Буэнос-Айреса, Монтевидео и других городов планеты, когда сборной страны пришел черед лететь на очередной чемпионат мира — в Чили.

Яшину хорошо запомнился тот нерадостный, непонятный 1962 год. После яростных сражений в далекой, полупустынной Арике кое-кто готов был перечеркнуть былые заслуги нашего замечательного вратаря. Многие, ссылаясь на короткие газетные

отчеты, считали, что он сыграл плохо, подвел команду, не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Это далеко не так. Как свидетельствуют очевидцы, например, заслуженный мастер спорта, заслуженный артист РСФСР Николай Николаевич Озеров, и здесь в ряде поединков он показал свою былую силу, свою непроходящую спортивную молодость. Например, 31 мая в матче против сборной Югославии, который мы выиграли 2:0. В состязании с национальной командой Уругвая 6 июня, тоже закончившимся нашей победой со счетом 2:1.

Конечно, были и у него ошибки, в частности, во время игры с Колумбией, кстати, результат которой (4:4) никак не отразился на нашем положении в подгруппе. Многие — в том числе и те, кто был за тысячи километров от Арики — утверждали, что он повинен в голах, которые забили ему нападающие сборной Чили в четвертьфинале, Возможно. Но кто, какой спортсмен, пусть даже самый великий, избавлен от ошибок? Как это ни парадоксально звучит, они даже в какой-то степени говорят в пользу Яшина, в том смысле что утверждают: это обыкновенный смертный, добившийся трудом феноменального мастерства.

Повторяю, были ошибки и у Льва Яшина. Два раза в далеком городке, примостившемся на берегу океана, он сыграл не так хорошо, как мог бы, не так блестяще, как играл всегда.

И (о, зигзаги судьбы!) эти факты не только бросились в глаза, они, к удивлению и сожалению, чуть не затмили собой все то доброе и яркое, что освещает его имя. У нас были статьи, авторы которых явно намекали на то, что 33-летнему голкиперу пора уходить на отдых. У нас были болельщики — я сам видел на трибунах таких далеких от спорта молодцов,— которые освистывали его появление на поле после чемпионата в Чили.

Когда сборная СССР вернулась с далекого континента домой. Лев Яшин — это знают очень немногие — прошел серьезное медицинское обследование, показавшее, что в роковом матче с Чили у него было сотрясение мозга, которое он, вероятно, получил в самом начале поединка, но время какой-то очередной схватки у ворот. Видный советский травматолог, участвовавший в обследовании, всплеснул руками:

— Чудо, что он сумел продержаться, выстоять после такого удара. Уже один этот факт достоин восхищения. Знаете ли вы, что это тяжелейшая травма…

Но сильней травмы физической была травма моральная. На каждом шагу, где только можно было, Яшину давали теперь понять, что его время истекло. Даже в родном динамовском клубе в тот год все чаще и чаще тренеры назначали на игру Владимира Беляева — молодого, несомненно, очень способного и очень

терпеливого его напарника. Сколько раз теперь он попадал в неловкое положение: люди замолкали, когда входил он. И Лев Иванович прекрасно понимал: это говорили о нем — как о «ветеране», как о старике.

Сколько талантливых, не отдавших спорту и половины того, что они могли отдать, мастеров терялись в подобных ситуациях, не находили должного мужества и уходили «с дорожки».

В эти тревожные, трудные дни своей жизни Яшин с особой силой проявил свой железный характер и его главную черту — необыкновенную любовь к футболу. Он сумел подавить свое самолюбие, свою тоску, сумел «не заметить» известную неприязнь некоторых его наставников и соратников. Он все это сумел и продолжал тренироваться как ни в чем не бывало. Только, может быть, еще упорней, еще настойчивее. Впрочем, почему «может быть»? Александр Семенович Пономарев, возглавлявший тогда команду мастеров московского «Динамо», рассказывал мне как-то:

— Он удивлял меня в ту пору своей неутомимостью, своим энтузиазмом, своим юношески пламенным отношением к тренировкам. Никто не работал в команде в ту пору больше и напряженнее Яшина. После официальных занятий он еще часами оставался на поле, заставляя молодежь из «дубля» проверить на нем свои силы.

В 1963 году московское «Динамо» в десятый раз за всю свою историю стало чемпионом Советского Союза, набрав в изнурительном футбольном марафоне из 38 туров 55 очков. В тридцати трех играх ворота своего клуба защищал Яшин, причем больше половины поединков он провел на «нуле». Он вместе со своими товарищами получил золотую медаль чемпиона страны — пятую за свою спортивную карьеру.

22 сентября в Москве сборная СССР проводила свой очередной товарищеский матч против национальной команды Венгрии, и в воротах нашей команды опять стоял Лев Яшин.

Матч закончился со счетом 1:1. В первой половине Валентин Иванов провел мяч в ворота гостей, а после отдыха одна — всего одна,— но очевидная ошибка Яшина стоила нам ответного гола.

На следующий день его фамилия вновь замелькала в футбольных отчетах, на этот раз сопровождаемая отнюдь не лестными выражениями. Одна очень уважаемая наша газета высказалась совершенно откровенно в том смысле, что, дескать, Яшин уже не может больше ничем помочь сборной.

В октябре для проведения первого четвертьфинального матча на Кубок Европы в Москву прибыла сборная Италии, признававшаяся тогда всеми авторитетами одной из сильнейших

на континенте. Ее предстоящий поединок с советской командой вызвал необычайный интерес. Освещать состязание прибыли десятки корреспондентов из Италии, Франции, Англии, Швеции и других стран. На пресс-конференции, устроенной для них, руководитель сборной СССР Константин Иванович Бесков вынужден был отвечать на множество вопросов. Один из первых предложила римская «Гадзетто делло спорт»:

— Почему не будет играть Яшин?

— Яшин пользуется большим уважением всех советских футболистов. Это сильнейший наш вратарь. Но в играх чемпионата страны он имел большую нагрузку, особенно нервную, и в настоящее время чувствует себя недостаточно подготовленным к матчу,— ответил старший тренер. Это был дипломатический ответ. Однако мы-то знали, что дело не в нервах. В Яшина перестали верить. Мы знали, что федерация вывела его из состава сборной. Как тогда многим показалось — навсегда. Но в этот момент судьба сделала свой очередной зигзаг.

«И никого другого!»

Его родина — далекая Аргентина, его футбольная колыбель — знаменитый в свое время клуб «Бока Хуниорис», где он начал карьеру центрального защитника, которую потом продолжил в известных французских клубах «Рэсинг» и «Рэд Стар». Кстати, под знаменем последнего он в середине тридцатых годов принял участие в матче против сборной Советской Украины, получив, таким образом, еще в довоенное время возможность познакомиться с мощью нашего футбола (матч окончился со счетом 6:1 в пользу советских мастеров и вызвал тогда настоящую сенсацию на Западе).

Но роль игрока, сделавшая его в конце концов гражданином Франции, не принесла мировой известности. Элениo Эррера — это имя широко знакомо многочисленным любителям спорта, как имя выдающегося педагога, крупного теоретика и практического организатора современного футбола. Каждый специалист, которому доводилось хоть раз выступить в роли старшего тренера национальной сборной, может справедливо рассматривать это как крупный творческий успех. Господин Эррера тренировал, разумеется, в различные времена, три сборные — Франции, Испании и Италии. Под его руководством миланский «Интернационале» стал одним из знаменитых клубов мира, выиграв дважды — в 1964 и 1965 годах — Кубок европейских чемпионов и Межконтинентальный кубок.

Честно признаться, ответного письма от Эрреры я не ждал, мне казалось, что в жизни он должен быть так же рационально практичен, как и в футболе: что за смысл тратить время на письмо далекому журналисту.

К счастью, я ошибся. Известный селекционер и конструктор современного футбола вдали от шума стадионов, от зеленых полей, где надо обязательно выигрывать («в нашем мире ошибок не прощают»), оказался настоящим поэтом своей любимой игры. Он прислал довольно объемистое сочинение о Яшине, которое, как и все другие, публикуемые здесь, я даю в вольном литературном переводе, разумеется, с глубокой благодарностью к его автору.

* * *

В 1963 году исполнялось столетие футбола, а точнее, век его официального признания и организационного оформления. Поскольку общепризнанно, что родиной этой игры является Англия, Международная Федерация решила в ознаменование исторического события провести матч между ее национальной командой и «сборной мира», составленной из выдающихся игроков нашего времени.

Еще задолго до начала состязания я получил весьма любезное письмо от господина Стэнли Роуза, в котором мне предлагалось возглавить команду «звезд». Не скрою, я был польщен и немедленно ответил своим согласием, тем более что ФИФА предоставляла мне известную свободу действий в выборе состава и в го же время помогала в его комплектовании.

Была еще одна причина, заставлявшая с радостью принять предложение. Меня часто называют «рационалистом», «приверженцем жесткой обороны» и другими ругательными словами. Ничего не поделаешь: в этих оценках есть значительная доля правды. Но в своих делах, связанных с профессиональной игрой, я редко руководствуюсь личными симпатиями, а исхожу из того, что может обеспечить решение задачи, которая поставлена передо мною.

Но в душе я бесконечно люблю футбол, который в далекой юности исповедовал на своей родине — красивый, свободный, отмеченный высоким исполнительским мастерством. Такой футбол, думалось мне, будет показан в этом матче. И я не ошибся. Но об этом несколько позже.

Некоторые думают, что в такой команде, как «сборная мира)», тренеру буквально нечего делать. Это глубокое заблуждение, У него много работы. Она начинается с подбора состава. Причем, как вы понимаете, сделать выбор это еще не значит обеспечить сбор. Кто-то занят, кто-то болен, кого-то связывают серьезные финансовые обязательства.

У меня была мечта на такой матч собрать все лучшее, что дал нам мировой футбол. Особенно хотелось увидеть в своей команде двух «суперзвезд»: Пеле и Яшина. Пеле приехать не смог, Яшин приехал.

Вот я и подошел к тому разговору, которого вы от меня ждете. К разговору о моем выборе. К разговору о Яшине.

До встречи на «Уэмбли» мне доводилось видеть его несколько раз, в том числе в финале Кубка Европы I960 года. После этой игры никаких раздумий насчет того, кто должен стоять в воротах сборной мира, у меня не было. Когда мы обсуждали этот вопрос в ФИФА я сказал так:

— На это место я вижу только одну кандидатуру — Яшина. И никого другого.

— Вы правы, сэр,— поддержал меня господин Стэнли Роуз.— Только подумайте, ради бога, и о возможной замене. Ведь этот русский творит на поле всегда такое, что недолго и до греха.

Я послал письмо Яшину, в котором изложил подробно все условия его участия в состязании и получил очень скоро ответ. Советский голкипер извещал в нем о своем согласии и о своей радости выступить в «матче столетия». Иного ответа я и не ждал от настоящего спортсмена.

Матч был назначен на 23 октября, его участники прибывали в Лондон партиями. Одним из первых прилетел Яшин и тут же осведомился, когда будет первая тренировка.

— Подождем, пока соберется большинство членов команды.

Он не удовлетворился этим ответом и стал расспрашивать, где и как организовать занятие самому.

— Я хочу это сделать уже сегодня,— заявил он.

Конечно, ему была предоставлена такая возможность.

Мне случалось видеть до этого Яшина не раз — то с трибун, то с экрана телевизора. Но я счастлив, что получил возможность узнать его так близко и, пусть очень короткое время, поработать с ним. Я узнал, в чем истоки его величия. Они, прежде всего, в исключительно честном отношении к своей роли. Есть артисты, которые вымучивают образы, которые написаны для них жизнью. Яшин же самозабвенно отдавался игре вне зависимости от того, происходит ли она на глазах у тысяч зрителей или перед безмолвными трибунами. Мне кажется, если бы даже ему приказали, он бы ничего не смог делать в полсилы.

Мне очень понравилась еще одна его черта; необыкновенное умение быстро сходиться с людьми и, даже не зная их языка, находить общий язык. При помощи своих «переводчиков» чехов Плускала н Поплухара он переговорил со всеми, был скромен, дружелюбен, приветлив и во многом способствовал быстрому сплочению коллектива, что так исключительно важно для команды, игроки которой собраны со всех концов света.

День 23 октября стал праздником для многих любителей футбола: они увидели эту игру во всем ее великолепии, увидели, какие истинно неисчерпаемые возможности она таит в себе. Матч на «Уэмбли», по моему твердому убеждению, был во всех отношениях прекрасен. Это был триумф техники, мастерства, мысли, это было живое воплощение красоты во всех ее проявлениях. Да и как могло быть иначе, если на поле действовали такие «земные боги», как Бенкс, Мур, Гривс, Чарльтон, Шнеллингер, Копа, ди Стефано, Эйсебио, Хенто…

Но даже среди них заметно возвышался Яшин. Не скрою, некоторые из «звезд», особенно в сборной мира, действовали с профессиональным холодком, со сдержанностью людей, «знающих себе цену». А Яшин целиком отдался азарту, страсти и вел себя так, как будто на поле идет бой за звание чемпиона мира.

Публика видела это и восторженно приветствовала великого мастера. Да он и в самом деле действовал великолепно, не раз спасая команду и показывая чудеса футбольной техники. Сам господин Стэнли Роуз, отнюдь не склонный к восторгам, сказал мне на банкете:

— Из всего, что вы выбрали, самое прекрасное — Яшин.

До перерыва англичанам, действовавшим великолепно, красиво, агрессивно, так и не удалось открыть счет, и в этом, прежде всего — его заслуга. Тренер, имеющий в своем распоряжении такого надежного, стойкого защитника ворот, может считать себя по-настоящему счастливым.

После окончания матча, когда заменивший Яшина Шошкич пропустил два легких мяча, многие упрекали меня за то, что я произвел замену. Но можно ли было вызвать из Югославии хорошего, заслуженного спортсмена на такое торжество и не разрешить ему в нем участвовать? Будь же это официальный матч, я бы никогда этого не сделал.

За игрой, как уверяла пресса, наблюдало, как минимум, 250 миллионов человек. И каждый из них мог бы повторить слова, которые вынесла в заголовок крупными буквами газета «Ивнинг Ньюс»: «Яшин — бесспорный и главный герой «Уэмбли».

Истинную цену этих слов особенно хорошо знает лишь тот, кто присутствовал в тот день непосредственно на стадионе. Недаром, когда он уходил на перерыв, все сто тысяч зрителей встали и устроили ему — именно ему — восторженную овацию.

Что же все-таки так пленило искушенного английского зрителя, что произвело на него столь неизгладимое впечатление? Я постараюсь суммировать основные факторы.

Во-первых, во многом необычные и поэтому особенно привлекательные действия. Интересно, например, что за весь тайм он не произвел ни одного удара ногой, посылая своим партнерам мячи рукой с поразительной точностью и глубоким расчетом. Это было совершенно новым даже для видавших виды англичан. Не менее глубокое впечатление произвело и то, что, едва влившись в команду, он без стеснения и запинки, как опытный дирижер, стал руководить действиями обороны, направляя защитников в самые «горячие», самые необходимые места. Удивительно и то, что эти люди, говорившие на

испанском, немецком и чешском языках, превосходно понимали его.

Во-вторых, всех пленила его редкая надежность и уверенность действий, его отличная техническая и общефизическая подготовка, позволявшие совершать немыслимые прыжки и доставать столь же немыслимые мячи.

В-третьих, англичане, бесспорно, были благодарны ему за то, что он действовал не формально, а с высоким чувством ответственности, целиком отдаваясь игре. Он проявил в тот вечер не только спортивные, но и весьма высокие, чисто человеческие качества.

Я еще не раз встречался с этим замечательным спортсменом и каждый раз он все больше поражал меня, хотя, признаться, я не отношу себя к числу людей, которых легко удивить. Он поражал меня непостижимой способностью не только не снижать своего класса, но и каждый раз в чем-то прибавлять, находить, как говорят шахматисты, усиление в старых, давно испробованных вариантах.

Футбольный мир дал нам за последнее время значительное число известных голкиперов — Бенкс, Жильмар, Грошич, Альбертози, Беара, Прегг, Карбахал, Шройф… Этот список, несомненно, можно било бы продолжить. Но лично я ставлю Яшина над всеми этими выдающимися мастерами. Такое утверждение, вероятно, следует объяснить. И я постараюсь сделать это.

Прежде всего, Яшин — это творец. Сознательно или подсознательно он создал идеальный образ вратаря современного футбола. В его исполнении эта фигура потеряла свою первозданную исключительность и органически слилась со всеми членами команды, стала неразрывным целым игрового коллектива. Что я понимаю под этим? А то, что Яшин вместе со всеми участвует в оборонительных и наступательных действиях команды. Тщательно продуманная, проверенная во многих состязаниях, его тактика является, на мой взгляд, прекрасным проявлением высокой спортивной мудрости. Причем это не нечто застывшее, раз и навсегда определенное, Яшин прекрасно умеет — даже не хочется писать «умел» — мгновенно угадать малейшее изменение общего рисунка, «учуять» самые тончайшие творческие веяния и немедленно среагировать на них.

Всего несколько лет тому назад этот популярный и в то же время удивительно скромный спортсмен был включен в состав символической сборной мира за последние двадцать лет, Я могу только присоединиться к тем, кто голосовал за него. Я лично не знаю более надежного, более интересного, более подходящего

исполнителя для самой трудной и ответственной роли в современном футболе — роли вратаря.

«Человек из будущего»

Роберт, а точнее, Бобби Чарльтон принадлежит, бесспорно, к числу исключительных личностей современного спорта. Пожалуй, немногие, лишь такие как Пеле, могут быть поставлены рядом с ним.

В коллективных играх не регистрируются рекорды, но о Чарльтоне говорят как о рекордсмене. Почти двадцать лет беспрерывно выступает он за свой знаменитый клуб «Манчестер Юнайтед», проведя под его флагом уже более пятисот матчей. Нет ему, вероятно, равных и по числу выступлений за сборную страны, которое давно перешло за сотню, и по числу голов, которое он провел в ворота соперников.

Когда в 1966 году сборная Англии впервые в истории выиграла звание чемпиона мира, все специалисты единодушно сошлись во мнении, что одним из главных героев этой победы был Бобби Чарльтон. То же самое говорили о нем, когда ровно через два года «Манчестер Юнайтед» выиграл Кубок европейских чемпионов.

Но никакие цифры и никакие титулы не могут передать истинное величие этого выдающегося мастера современного футбола. В чем же оно, его величие?

Прежде всего, в необыкновенном умении «зажигать порох», как пишут о нем английские журналисты, то есть создавать такую обстановку в команде, когда просто невозможно играть плохо, без максимальной отдачи сил. Беспрерывно маневрируя по полю, смело нагнетая темп, без устали питая своих партнеров мячами, Чарльтон подобен мощной динамо-машине, которая приводит в действие сложный футбольный механизм и ведет его по курсу, помогая взобраться на самые, казалось бы, недоступные вершины. Тонкий тактик, неутомимый спортивный боец, виртуозный техник и вместе с тем обаятельный, скромный, отзывчивый человек, Бобби пользуется заслуженной любовью у всех мастеров кожаного мяча и всех любителей футбола.

В начале семидесятого года я написал Чарльтону письмо и получил от него ответ, а в мае 1971 года имел счастье беседовать с ним лично, пригласив в качестве переводчика своего сына. Письмо и записи, сделанные при встрече, легли в основу того небольшого рассказа, с которым я сейчас хочу познакомить читателей.

* * *

— В Москве я уже второй раз,— начал свой рассказ Бобби Чарльтон и, увидев мой недоуменный взгляд, поспешил заверить: — да, да, именно, второй.

Это было давно, в пятьдесят восьмом. Мне было всего двадцать лет, я только третий год выступал за основной состав «Манчестер Юнайтед», но господин Уинтерботтом, спасибо ему, включил меня в тренировочный состав сборной страны, готовившейся к чемпионату мира в Швеции, Вместе со сборной, в памятном мае, я приехал в вашу прекрасную столицу.

Тогда я и познакомился, правда со стороны, с игрой Яшина. Мне помнится, о нем с восхищением говорили все у нас в команде, а особенно ее лидер, Дерек Кеван.

— Это не человек, а дьявол в воротах,— сказал он о вашем вратаре после чемпионата мира, выступая по Лондонскому радио.

С тех пор имя Яшина хорошо запомнилось мне, иногда я видел его игру по телевизору, чаще читал о его растущем мастерстве в газетах, но встретиться с ним на поле пришлось впервые в 1963 году на «Уэмбли» в матче сборная Англии — сборная мира.

Должен сказать, что эта игра оставила в моей душе неизгладимое впечатление, «Виноваты» в этом все без исключения ее участники. Но в большей степени, чем кто- либо, конечно, Яшин. Он показал нечто такое, что, кажется, выходит за рамки реального.

Я не журналист. Не писатель. Но мне кажется, что можно было бы написать книгу о любом матче, в котором он участвовал. Это спортсмен, каждое действие которого отмечено не только физическим, но и психологическим совершенством, глубиной мысли и проницательности.

Помнится такой факт. Во время поединка, о котором я уже упомянул выше, защитники «сборной мира» не очень-то опекали наших форвардов, давали играть более или менее свободно. Яшин немедленно настроился на перехваты, стал выходить почти к границам штрафной площади, по существу «работая на двух должностях». Он «запретил» нам фланговое маневрирование, заставив прибегать к низовым, менее эффективным и легче нейтрализуемым соперниками передачам. Только во втором тайме, когда вышел Шошкич, мы вернулись к прежней тактике и, как известно, добились успеха.

Хотелось ли нам выиграть? Очень! Ведь матч был посвящен столетию со дня рождения футбола, а моя страна имеет к этой

исторической дате самое прямое отношение. Очень хотелось порадовать своих соотечественников. Но нам все время мешал Яшин.

Я мог бы перечислить по меньшей мере десятки случаев, когда он сыграл на пределе человеческих возможностей. И, поверьте, я это говорю не ради красного словца, не ради того, чтобы украсить вашу книгу, а ради истины. И только!

Помню, как минуты за три до перерыва судьба послала мне редчайший для современного футбола случай: я ворвался в штрафную без опекуна и метров с четырнадцати сильно пробил по воротам «звезд». Я почувствовал, а потом и увидел, что мяч идет в нижний угол, почтя в притирку к боковой стойке. Думаю, если прикинуть скорость полета мяча и мое расстояние до вратаря, то станет ясно, что теоретически он не имел никакой возможности среагировать на этот удар. А практически — он накрыл мяч и, сделав кувырок через голову, вскочил на ноги как ни в чем не бывало.

Вы, наверное, хорошо знаете нашего Джимми Гривса. Лучшего нападающего, пожалуй, не сыщешь. Это спортсмен, обладающий страшным по силе и точности ударом. Достаточно сказать, что на его счету почти пятьсот мячей, забитых в ворота соперников. Четыре раза по итогам сезонов он объявлялся лучшим бомбардиром Англии. Трудно вспомнить состязание, с которого бы он ушел, не забив своего мяча.

Одно из главных достоинств Джимми — невозмутимость, но в этот день мы увидели нечто совершенно невероятное: Гривс вышел из себя. Он несколько раз то хватался за голову, то недоуменно разводил руками, не в силах понять, что происходит.

В «матче века» Гривс играл просто великолепно. Даже мы, знавшие его неограниченные возможности, восхищались смелостью, агрессивностью и молодым задором. Он так часто вырывался на ударные позиции, что можно говорить о его дуэли с Яшиным, как о совершенно отдельной, четко выраженной сюжетной линии поединка. И эту дуэль, быть может, впервые в своей жизни выиграл не Гривс. И, поверьте, винить его в этом нельзя.

Вот несколько эпизодов, характеризующих их единоборство. Уже в первой атаке он обходит одного за другим двух защитников и, оказавшись на какое-то мгновение один перед воротами, сильнейшим ударом посылает мяч под перекладину.

— До этого дня,— говорил он мне потом,— я мог бы поклясться, что такой удар невозможно отразить. Но Яшин разубедил меня, поколебал мою уверенность.

Действительно, советский вратарь уже в этом эпизоде

показал нам всем, как показывал уже не раз, свою уникальную реакцию и прыгучесть.

А вот еще более удивительный эпизод. Где-то в середине первого тайма Джимми вышел один на один к воротам. До Яшина оставалось каких-нибудь семь метров, когда он резко, с ходу ударил. Такие мячи и в самом деле не берутся. Я уверен, что сам Яшин не смог бы повторить больше того прыжка, который совершил в тот раз. Это было похоже на полет ракеты, развившей третью космическую скорость. Вот тогда-то Гривс и схватился в первый раз за голову. И в самом деле — было от чего.

К слову сказать, игра Яшина в тот день еще не раз вызывала восхищение английской публики, а наши мальчишки — случай, подобный которому я просто не помню — нарекали его именем своих сверстников, показавших более или менее надежную игру в воротах.

— Яшин! — это короткое имя можно было услышать на лужайках, в парках и на детских стадионах Лондона, Манчестера, Ливерпуля. Шеффилда…

Да что там — дети. Когда мы, игроки сборной, пришли на перерыв, то в раздевалке то и дело слышалось это имя. Смит вспоминал, как с пяти метров сильнейшим ударом головы направил мяч в ворота и как Яшин — «просто непостижимо» — парировал его. С аналогичными «жалобами» выступили Истхэм и Пейн.

Уже настало время возвращаться на поле, когда пришел сэр Альфред Рамсей и сообщил, что «звезды» заменили вратаря.

— Теперь у них будет играть Шошкич,— сказал он,

— Ну и слава богу,— искренне, без тени шутки заявил Гривс. Мы переглянулись друг с другом и захохотали. Настроение поднялось. Мы знали, что теперь будет легче.

На банкете, устроенном в тот же вечер, мы, помнится, впервые лично познакомились с Яшиным и в течение некоторого времени беседовали с ним: то с помощью переводчика, то — в большей степени — на международном языке футбольных жестов. Мне очень понравилась его манера держаться: какое-то удивительное сочетание высокого, естественного достоинства и необычайной простоты, И очень дружелюбная улыбка. Увидишь ее и понимаешь: с этим человеком можно дружить.

Уже тогда даже в нашей, английской печати проскальзывали сообщения, что Яшин собирается уходить с поля и что матч в составе «звезд» чуть ли не последний в его жизни. Мне, естественно, захотелось узнать, насколько это соответствует истине,

Мой собеседник очень скоро понял вопрос, стал жестами

показывать, что не имеет никакого желания расставаться с футболом и будет упираться до последней возможности. Причем делал он это настолько выразительно, что я просто не мог удержаться от смеха.

Мы крепко пожали друг другу руки и расстались, уверенные в том, что судьба нам готовит непременно новые встречи. Ведь футболисты, как корабли в мировом океане: рано или поздно, их пути пересекаются.

И вскоре мы оказались под одной крышей очередного чемпионата мира, хозяином которого на этот раз оказалась моя страна. Мы выступали в разных подгруппах, но мне довелось посмотреть по телевизору его игру против Италии и Венгрии (ведь все матчи по нескольку раз передавались в записи).

Когда приходит состязание, подобное чемпионату мира, ты, естественно, только и живешь им. В команде постоянно обсуждают шансы сторон, оценивают мастерство команд и главным образом отдельных исполнителей. Я должен сказать, что в сборной Англии создалось совершенно единодушное мнение о Яшине.

— Это, бесспорно, лучший вратарь мира,— говорил наш Гордон Бенкс, великолепный голкипер,— и я не изменю своего мнения, что бы на этот счет не думали другие.

Я лично присоединяюсь к этому мнению. Мне кажется, главная заслуга Яшина состоит в том, что он в какой- то мере шагнул вперед. Он не только герой своего времени, но еще в большей степени человек из будущего. Как я это понимаю?

Футбол, как и все живое, подвергается изменению, совершенствуется, приобретает новые черты. Одна из его главных тенденций сегодня — решительное стремление к универсализму. Уже сегодня вы не найдете «чистых» форвардов, «чистых» полузащитников и даже защитников. Последние, например (я говорю об игроках высокого класса), все чаще и чаще завладевают флангами, просачиваясь по ним к самой линий ворот, участвуя в атаке и очень часто завершая их.

Яшин одним из первых в современном футбольном мире показал нам, что этот процесс универсализации затрагивает и такую, казалось бы, одиозную фигуру, как вратарь. Более того, он четко очертил границы этой универсализации. Только в исполнении Яшина вратарь стал активным полевым игроком, своеобразным диспетчером, умеющим прекрасно использовать выгоды своего расположения и из глубины направлять действия своей команды, выступать в роли футбольного суфлера, умеющего подбросить в нужный момент необходимую реплику, без которой дальнейший ход действия просто немыслим.

Я был польщен, получив приглашение на его прощальный матч. И вместе с тем не буду скрывать: читая письмо из Москвы, я искренне загрустил. Что бы там ни говорили о бессмертии великих спортсменов — чертовски жаль, когда уходят такие мастера. Яшин относится к числу таких спортсменов, которые своей игрой, своим высоким искусством обеспечивают вечную жизнь футболу.

Здесь, у вас в Москве, на поле в Лужниках, я принял из его рук повязку капитана сборной мира. Я мог бы долго говорить о том, какая это для меня высокая честь. Но я хочу сказать сейчас о другом. О том, что этой высокой чести Яшин удостоился много лет назад и ни у кого не возникало даже мысли искать ему преемника, пока он оставался с нами в одном строю.

Оказывается подсчитано (мне любезно назвали эту цифру), что Яшин сыграл 813 официальных матчей в большом футболе. Это огромное достижение само по себе. Но дело, в конце концов, не в том, сколько ты провел игр, а как ты исполнил свою роль в каждой из них. Величие этого спортсмена в том, что он всегда умел быть достойным того дела, за которое взялся.

Яшин — прекрасный вратарь, это истинный спортсмен в самом широком и благородном значении этого слова. Я уверен, что каждый, кому удавалось хоть однажды забить ему гол, несказанно гордится этим. И мне немножко грустно, что я не отношусь к их числу.

«Тысячи рук, тысячи глаз»

Ему было всего тридцать лет, когда нелепая, страшная авиакатастрофа оборвала его жизнь. Капитан знаменитой команды «Торино», одной из сильнейших в Европе в то время, погиб вместе со своими товарищами. В очерке-некрологе итальянская спортивная газета писала о нем:

«Имя Валентино Маццолы едва ли не самое любимое и самое популярное в нашей стране. Он завоевал сердца миллионов итальянцев своим выдающимся мастерством и не знающей предела спортивной честностью. Его яркая, красивая, увы, короткая жизнь — призывный клич для молодежи. Да повторится незабвенный Валентино в наших юношах, в наших детях!»

Когда писались эти строки, никто не мог предположить, что пожелание автора осуществится буквально. В начале и особенно в середине шестидесятых годов с трибун итальянских стадионов, с газетных полос и экранов телевизоров вновь зазвучали восторженные крики:

— Вива, Маццола!

— Браво, Алессандро!

— Вот истинно достойный сын своего отца.

Действительно, Алессандро Маццола (или Сандро, как называют своего кумира итальянские тиффози) стал достойным продолжателем семейных традиций и семейной славы. Ему было всего семь лет, когда погиб отец, но, казалось, маленький Сандрино запомнил все, чем был славен и могуч его любимый папа. Он принес на зеленые поля своей страны ту же спортивную честность, то же благоговейное отношение к футболу, ту же святую жажду совершенства и отвращение к самодовольству. Уже в двадцать лет он утвердился в основном составе знаменитого миланского клуба «Интернационале», сначала в роли центрального нападающего, а затем активного полузащитника, выдающегося игрока средней линии. Вместе со своей командой он дважды торжествовал победу в Кубке европейских чемпионов и розыгрыше Межконтинентального кубка — в 1964 и 1965 годах. Тогда же, в шестьдесят пятом, он был провозглашен лучшим футболистом Италии — честь, о которой мечтали многие выдающиеся мастера кожаного мяча этой страны. По этому поводу «Гадзетто делло спорт» писала:

«Вот настоящий художник футбола, а вместе с тем — мыслитель зеленого поля. Алессандро Маццола с небывалым единодушием признан лучшим игроком сезона, и это дань его

великолепному мастерству, его почти сказочному трудолюбию, его удивительной разносторонности и активности. Если бы нам удалось вырастить еще несколько таких «звезд», мы бы непременно вернули себе славу великой футбольной державы. Славу, которую так безответственно растеряли».

Попутно скажем, что Италии удалось осуществить эту мечту, удалось воспитать целую плеяду замечательных исполнителей, и в 1970 году, в далекой Мексике, ее сборная стала финалистом и серебряным призером очередного чемпионата мира. Одним из главных «героев» этого выдающегося успеха был признан Алессандро Маццола.

И вот передо мной лежит его короткое письмо, отпечатанное на машинке русским текстом. И это одно уже заставляет меня передать самую искреннюю, самую сердечную благодарность этому человеку, проявившему такую трогательную внимательность и заботу о своем далеком адресате.

* * *

«Яшин — это человек с тысячью рук и тысячью глаз»,— вот что я говорю на протяжении почти десяти лет всем своим друзьям и знакомым, всем любителям футбола, как только речь заходит об этом удивительном русском вратаре.

Я слышал о нем многое, как слышит это имя каждый, кто в той или иной степени интересуется футболом. Нельзя быть болельщиком, а тем более игроком или тренером, и не знать этого имени, безразлично в какой стране ты живешь и какой футбол исповедуешь.

Но одно дело знать о нем понаслышке, быть знакомым со стороны, другое — встретиться с ним на поле, лицом к лицу в спортивном противоборстве. Мне довелось выступать против него, и должен сознаться — это далеко не лучшее воспоминание моей спортивной жизни.

Это произошло в 1963 году. В разгаре был очередной розыгрыш Кубка Европы для национальных сборных, который нынче утвердился окончательно в своем официальном звании чемпионата континента. В одной восьмой этого состязания жребии свел сборную Италии с командой СССР. Нужно сказать, что мы считали себя в те дни достаточно грозной силой и смотрели в будущее не без оптимизма.

В середине октября состоялся первый матч в Москве. К

сожалению, мне не удалось в нем участвовать, и я не могу давать ему какие-либо оценки. Матч мы проиграли 0:2. Но наша пресса единодушно утверждала, что этот счет не отражает истинного соотношения сил. Состязание было омрачено не совсем тактичным поведением игрока нашей сборной Э. Паскутти и не совсем, на наш взгляд, правильным его удалением с поля почти в самом начале игры. Уменьшение количественного состава ослабило сборную не столько в физическом, сколько в моральном плане и, как рассказывали мне товарищи, лишило дальнейшую борьбу всякого смысла.

Прошел месяц или почти месяц, без каких-нибудь трех или четырех дней. 10 ноября у нас на родине, на хорошо известном стадионе «Форо Италико», игрался повторный матч. До сих пор я отчетливо помню обстановку неслыханного ажиотажа, накала страстей и нетерпеливого ожидания реванша. О реванше говорили болельщики, писала пресса, реванш пообещал всей Италии сеньор Эдмондо Фаббри.

Вся страна жила в те дни в состоянии футбольного опьянения. В состоянии, когда все кажется легким и вполне выполнимым. И это состояние волей-неволей передалось нам, игрокам сборной, готовившимся к очень важному, на редкость принципиальному поединку.

Нужно сказать, что Федерация футбола Италии и ведущий тренер сборной Эдмондо Фаббри сделали все для того, чтобы как можно лучше подготовить команду и снабдить ее солидным запасом энтузиазма. В боевом составе остались только «чистые» итальянцы — то есть люди, которые могли воспринять призыв к победе, как свое родное, кровное дело. Тщательно анализировались уроки выступления сборной в Москве, еще и еще раз осваивалась тактика советской команды, «персональные дела» ее игроков.

В день приезда футболистов из России почти все газеты страны опубликовали заявление Эдмондо Фаббри, который утверждал, что мы сумеем ликвидировать дефицит в два мяча и решить исход встречи в свою пользу,

— Помните, ребята, атака, атака, еще раз атака! Если мы будем следовать этому девизу, мы непременно победим,— напутствовал он нас перед самым выходом на поле.

И нужно сказать, что мы во многом выполнили его наказ. Выдержав первый, не очень продолжительный и, признаемся, не очень опасный натиск гостей, мы решительно перешли в контрнаступление. И вот тут-то… начинается Яшин. Он буквально смял, подавил, во многом нейтрализовал действия наших форвардов и полузащитников, он их «убил» морально, став

непреодолимой стеной на пути их вполне понятного стремления забить гол.

Я могу утверждать с полным правом, что наши форварды играли в тот день просто превосходно и их ни в чем нельзя винить. Доменгини, Булгарелли, Ривера, Меникелли — вне зависимости от своего расположения в футбольной схеме — действовали энергично, красиво, показывая первоклассную технику и высокие бойцовские качества. Они буквально рвались к воротам соперников, но в этих воротах стоял человек с тысячью рук и тысячью глаз. Вот он успел отвести на угловой страшный по силе удар Риверы, вот вынул из верхнего угла такой мяч, что даже итальянские болельщики, славящиеся своей предельной пристрастностью (и я подтверждаю эту славу) прореагировали на его бросок бурными аплодисментами.

А вскоре наступил один из самых драматических моментов, который, как мне кажется, во многом определил судьбу матча в целом. Быстрый, легкий и изящный Доменгини, сместившийся на какое-то время в центр, резко ушел от своих преследователей, вышел на свободное место и получил превосходный пас в каких-нибудь десяти метрах от ворот. Он мгновенно использовал эту ситуацию и редким по силе ударом послал мяч точно в правый нижний угол ворот. Стадион взревел от радости: гол казался настолько неминуемым, что публика не стала ждать какие-то мгновения и уже ликовала.

И вдруг этот девятый вал восторга сменился тишиной изумления: Яшин в броске парировал мяч. Это было нечто такое, что и сейчас остается непостижимым для моего сознания. Всей своей игрой и, главное, этим неповторимым по легкости, быстроте реакции, отваге броском он нанес психологический удар по всей нашей команде.

— Как же играть, когда у них ворота замурованы наглухо? — спросил во время перерыва с неподдельным отчаянием Доменгини. И каждый из нас готов был вслед за ним спросить то же самое.

Но я забежал несколько вперед. После неудачи, постигшей Доменгини, до перерыва оставалось минут двадцать, и Яшину пришлось еще много поработать. Он дважды «доказал» мне, что я не могу забивать мячи из верных положений, смело отражал штрафные, перехватывал навесные передачи, как фокусник оказывался там, куда мы посылали мячи. В этой напряженнейшей, изнурительной вратарской работе он не допустил ни единой ошибки, обеспечив своей команде стопроцентную надежность.

Меня часто спрашивали потом мои друзья и знакомые, всегда

ли так великолепно играет Яшин. Я пожимал плечами, потому что не имел возможности видеть его «всегда». Но теперь я задаю самому себе этот же вопрос и отвечаю на него самым решительным образом:

— Нет, всегда так играть невозможно. Яшин земной человек, а то, что он показал на «Форо Италико» 10 ноября 1963 года, относится к разряду чудес. Это был, безусловно, не обыкновенный, а один из самых лучших, самых блистательных дней его футбольной жизни.

По-видимому, тут сыграл свою роль тот запас предельно положительных эмоций, который Яшин приобрел после матча на «Уэмбли», выступая за сборную мира. Восторги зрителей, восторги прессы сделали свое дело, и против Италии он играл на крыльях вдохновения. В этом смысле нам не повезло. А старший тренер сборной СССР очень тонко уловил создавшуюся ситуацию и вернул Яшина в состав, хотя в московском матче против нашей сборной отказался от его услуг. Что ж, это был одни из самых мудрых, самых правильных тактических ходов. Недаром же сеньор Эдмондо Фаббри заявил после состязания на весь мир:

— Хотел бы я посмотреть на Бескова, если бы он поставил в ворота не Яшина.

Думаю, что случись такое, мы выиграли бы матч 10 ноября и выиграли бы с крупным счетом. Это не хвастовство. Это объективная оценка той исключительной роли, которую сыграл в этом поединке советский голкипер.

Его стойкость, мужество, воля заставили нас броситься в атаку всеми наличными силами, забыв в азарте про осторожность. И в этом смысле он является соавтором гола, который влетел в наши ворота на 30-й минуте после стремительной контратаки, которую провели ваши нападающие.

Теперь нам уже терять было нечего и мы стали атаковать непрерывно. Но весь первый тайм Яшин продолжал «стоять насмерть».

А вскоре после отдыха мы получили право на 11-метровый штрафной удар: Булгарелли сбили в штрафной площади. Когда судья сделал характерный жест, я, не скрою, ликовал в душе. «Наконец-то,— кричало все внутри,— мы распечатаем его ворота, снимем с них символ неприступности, собьем с «темпа». А время, для того чтобы отыграться, коренным образом изменить ход матча, еще было. Было!

Я радовался, пока не вспомнил, что, по договоренности, бить пенальти поручено мне. Приходится сознаться — мне стало страшно. Я попробовал отказаться, но товарищи подталкивали меня и кто-то даже сказал:

— Не дури, Алессандро!

И вот мы остались наедине друг с другом, забыв про то, что за нами жадно следят тысячи, а, может быть, и миллионы людей. Я отчаянно нервничал и пристально всматривался в своего визави, стараясь уловить на его лице хотя бы малейшее проявление этого же чувства. Но Яшин внешне оставался совершенно спокойным. «Откуда такая воля, какую школу жизни он прошел, что умеет так себя вести?» — прорезал сознание вопрос. И тут же новая мысль: «Надо не спешить, надо во что бы то ни спало вывести его из равновесия, лишить этого убивающего спокойствия».

Но время летело, проходили все допустимые сроки, а Яшин по-прежнему стоял невозмутимо, как живое воплощение спокойствия. Это в конце концов взбесило меня. А злость, как известно, плохой советчик. Наверное, она поторопила меня, заставила понадеяться на силу удара, на «верность» ситуации. Заставила забыть, что передо мною Яшин.

Я разбежался дальше, чем обычно, и вложил в удар всю силу, всю энергию, накопленную в мышцах. Я был уверен, что на этот раз ворота будут распечатаны.

Что было потом? Я помню, прежде всего, поразившую меня тишину. Обычно сразу после того, как пробит пенальти, трибуны взрываются грохотом обвала, а сейчас они хранили молчание. Я смотрел вперед и ничего не понимал. Яшин лежал на земле. Безжизненно висела на воротах сетка. И я никак не мог понять, где же мяч? Почему его нет там — за желанной чертой?

Через три года мы встретились со сборной Советского Союза вновь, на этот раз в подгруппе финала очередного чемпионата мира. Мы были полны радужных надежд, но уступили со счетом 0:1. Вновь наши форварды — и я вместе с ними — оказались бессильными перед искусством и стойкостью русского вратаря.

Вы спрашиваете меня, что я могу сказать о Яшине? Я уже ответил на этот вопрос в самом начале: он представляется мне человеком, который все видит, все понимает и способен достать самый невероятный мяч, словно у него не пара, а тысяча рук.

Футбол — игра коллективная, здесь все решается сообща, здесь все общее — и радости, и неудачи. Но такие люди, как Яшин, иногда стоят больше иной команды. Им под силу одним вершить судьбы самых знаменитых и ответственных футбольных сражений.

«Вы действительно лев!»

Биография этого человека очень интересна и удивительна. Его по праву можно назвать чемпионом футбольного долголетия. И это ни в коей мере не будет преувеличением. Свою игровую молодость, прелесть и свежесть своего таланта он сумел сохранить на долгие годы — и это особенно восхищает — в условиях профессионального спорта, высасывающего из каждого, кто стал на его стезю, все силы, всю душу.

«Только железная воля, фанатическое соблюдение режима, только огромная любовь к игре и беззаветная преданность ей,— писала в 1963 году газета английских коммунистов «Дейли Уоркер»,— позволили ему оставаться самим собой и сверкать в нашем футболе яркостью звезды первой величины».

Эти слова написаны о Стэнли Мэтьюзе — выдающемся мастере кожаного мяча, спортсмене неповторимой и прекрасной судьбы.

В четырнадцать лет, по протекции, Стэнли был принят на должность курьера в один из английских профессиональных клубов — «Сток Сити». Служба была не легкой, и тем не менее в свободное время он стал заниматься футболом. Он мог часами работать с мячом. Такое трудолюбие, помноженное на природную одаренность, конечно, дало себя знать: в пятнадцать лет юноша стал игроком любительской сборной клуба, а 1 февраля 1932 года был принят в профессионалы «Сток Сити». Как раз в этот день ему исполнилось семнадцать лет. Вскоре он сыграл свой первый матч в чемпионате Англии, и с тех пор неизменно принимал в них участие на протяжении 33 лет!

Но не только этот своеобразный рекорд принес Мэтьюзу всемирную известность и славу. Он вошел в историю, как виртуозный техник и умный тактик, поистине непревзойденный мастер дриблинга. Английские болельщики, любовно называвшие Мэтьюза «фокусником», специально приходили смотреть, с какой легкостью обходит и обводит он самых искусных защитников.

Против Стэнли играли лучшие представители обороны почти всех стран. Уже в девятнадцать лет, через два года после начала своей футбольной карьеры, Мэтьюз был включен в состав сборной Англии на место правого крайнего нападающего и в течение двадцати трех лет оставался неизменно в этой роли. История мирового футбола не знает ничего подобного, и, очевидно, уже не узнает никогда.

Что же выделяло Стэнли Мэтьюза из среды других

английских футболистов? Во-первых, он поражал всегда своей огромной работоспособностью, находясь в непрерывном движении. В отличие от многих других «звезд», он никогда не гнушался «черновой» работы и очень часто бегал на свою половину поля за мячом, лично завязывал атаки из глубины.

Однако самым главным достоинством Мэтьюза было искусство игры корпусом, или, как у нас говорят — искусство финта. Каждое его обманное движение было настолько правдоподобным, выглядело таким естественным, что защитник обязательно делал выпады, рывки и… оставался за спиной уходящего в другую сторону Стэнли.

Еще одним достоинством этого выдающегося мастера является дружеское обращение с мячом. Даже двигаясь на огромной скорости, он умел держать его в ногах, словно привязанный. Пасы и удары этого форварда были всегда, по свидетельству очевидцев, идеальны.

С первых и до последних дней своей удивительной карьеры Стэнли был окружен у себя в стране трогательной любовью почитателей футбола. Об этом красноречиво говорит вот такая, например, страница из его биографии. В 1938 году, недовольный наглым поведением алчных хозяев, Стэнли собирался покинуть свой родной клуб. Когда весть об этом распространилась по городу, в нем чуть было не произошло настоящее восстание. Тысячи болельщиков вышли на демонстрацию, неся плакаты: «Мэтьюз, не смей уходить!», «Если Стэнли не будет, мы перестанем посещать стадион!» Напуганные хозяева вынуждены были пересмотреть свои условия, и Стэнли остался.

Через восемь лет неблагодарные хозяева клуба начали вновь поговаривать о якобы «спортивной старости» Мэтьюза. И тогда, решительно порвав со «Сток Сити», он перешел в другой профессиональный клуб — «Блэкпул». С его уходом некогда громкая слава «Сток Сити» стала катастрофически падать, и в сезоне 1959/60 года команда чуть было не покинула даже вторую лигу. Естественно, резко пошатнулись и финансовые дела клуба.

Его руководство стало мучительно думать над тем, как избежать краха. И вот тогда кто-то подал счастливый совет вернуть Стэнли.

Он вернулся, и… произошло «чудо». Количество болельщиков, посещающих матчи, сразу возросло с трех до двадцати пяти тысяч. А на следующий сезон «Сток Сити» вернулся в высшую лигу и начал успешно выступать в ней. Когда был сыгран последний матч чемпионата Англии 1963 года, по издавна установившейся здесь традиции спортивные журналисты провели анкету, чтобы назвать лучшего футболиста. Это очень

высокое и почетное звание было в тот раз единодушно присуждено сорокавосьмилетнему Стэнли Мэтьюзу. А через два года, в честь его пятидесятилетия, был устроен матч-бенефис между сборной Англии и «сборной мира». В воротах последней вновь стоял Лев Яшин. Позже он так говорил о юбиляре: «…Я просто не верил своим глазам. Неужели этот форвард, который молниеносно обводил защитников и постоянно угрожал моим воротам, уже отпраздновал свое пятидесятилетие?»

А теперь мы можем узнать и о том, что думает Стэнли Мэтьюз о нашем с вами герое.

* * *

Я продержался в футболе несколько «эпох», и это позволяет мне видеть и оценивать событии не только с позиций нынешнего времени, но и в их, так сказать, сопоставимой ценности.

Помнится, например, какой шум подняли наши газеты, когда в 1936 году русские футболисты приехали в Париж. Смысл всех статей сводился к одному: «красных вообще не следует выпускать за пределы своей страны». Ничего не поделаешь, такое время было, нас разделяла пропасть и мы буквально ничего не знали о спорте Страны Советов. Более того, нас уверяли, что там вовсе нет спорта.

Вот почему, когда в 1945 году, вскоре после окончания второй мировой войны, к нам в Англию пожаловала футбольная команда «Динамо», ее приезд был равнозначен, по реакции населения, прилету марсиан. И, как о марсианах, о них писали, помнится, всякую чушь. По счастливой случайности у меня сохранилось несколько газет того времени и я могу познакомить вас с их «творчеством», Вот, например, статья спортивного обозревателя «Санди экспресс», озаглавленная не очень-то оптимистично: «Не ждите очень многого от русского «Динамо». В довольно обширном тексте есть и такие слова:

«Это попросту начинающие игроки, они рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное от изнурительной многочасовой работы время».

А вот творение корреспондента «Дейли мэйл», которое он назвал очень коротко — «Воскресенье». «Сегодня у советских динамовцев,— говорилось в заметке,— перерыв для водки и игры. Молчаливые советские футболисты будут петь под дикие, надоедливые звуки балалайки и кричать «ура» и другие слова,

выражая свой восторг и свою преданность».

Я не думаю, чтобы авторы этих писаний умышленно выдумывали эту клевету. Проще объяснить их творчество тем, что эти журналисты сами оказались жертвами невежества, превратного представления о Советской России, о ее возможностях в различных областях жизни, в том числе и в области спорта.

13 ноября московское «Динамо» впервые выступило перед англичанами. Соперником команды был лидер чемпионата страны «Челси» — клуб, откровенно претендовавший в ту пору на довоенную славу «Арсенала». Многие считали, что гости будут разгромлены. Но матч закончился со счетом 3:3. Мне довелось быть его свидетелем, и я сразу же увидел, что перед нами команда высокого международного класса, которая не только не уступает нашим, но кое в чем и превосходит их, например, в понимании коллективизма и тактики. А когда русские разгромили «Кардифф-Сити» с небывалым счетом 10:1, этот вывод, вероятно, стал ясен всем.

Теперь уже нужно было спасать авторитет нашего футбола, и на матч 21 ноября под флагом «Арсенала» по существу вышла команда, составленная из сильнейших игроков Лондона. Вошел в нее и я.

Все мы искренне хотели тогда победить, но в конце концов проиграли со счетом 3:4. Личное участие в состязании помогло мне понять, что советские футболисты представляют еще более грозную силу, чем это казалось поначалу. В их составе были выдающиеся мастера, но, пожалуй, наибольшее впечатление произвел на меня ваш вратарь, изумительный Хомич. Сразу же после окончания игры я сделал заявление для прессы, в котором говорилось буквально следующее:

— В условиях вчерашнего матча ни один вратарь не сыграл бы лучше, чем сыграл Хомич, Я вообще считаю, что в прекрасной русской команде он является одной из самых ярких звезд. Его реакции, прыгучести и смелости может позавидовать любой. Я говорю это с твердым убеждением.

Должен откровенно признаться — мое заявление не оказалось оригинальным. В ту незабываемую осень сорок пятого года имя Хомича звучало в каждых устах. О нем говорила Англия, с его именем связывали высокий уровень советского футбола. Вспоминается, к слову сказать, обошедшая все газеты мира речь первого лорда адмиралтейства сэра Александера:

— Я считаю,— заявил он,— что «Динамо» — команда очень высокого класса. Она доказала, что может играть на равных с лучшими командами Англии. Что касается вашего вратаря

Алексея Хомича, то на месте наших футбольных руководителей я бы ни за что не выпустил его за пределы Англии. У нас нет сегодня такого голкипера и он бы нам очень и очень пригодился.

«Тигр». «Непробиваемый Тигр». «Русский Тигр в воротах «Динамо»,— вот заголовки лишь немногих статей, посвященных ему. «Тигр» — это любовное прозвище дали ему люди моей страны за изумительную реакцию и прыгучесть, за невиданную смелость и ловкость. Хомич был для них не просто вратарем, а человеком, раскрывавшим правду о вашем спорте, о его праве на признание, о его сегодняшних и будущих возможностях.

И вот в пятьдесят восьмом я узнаю, что русская сборная выступает в финальной части чемпионата мира, и в ее воротах вижу игрока самого высокого класса — Яшина. Я вижу его среди победителей чемпионата Европы 1960 года, вижу его неповторимую игру на «Уэмбли» в шестьдесят третьем. В моем сознании он предстает не просто как первоклассный голкипер. Это живое олицетворение того удивительного, с точки зрения формальной логики взлета, тех потрясающих в историческом плане успехов, которых добился за короткое время советский футбол.

В апреле 1965 года в Лондоне на стадионе моего родного клуба «Сток-Сити» проходил матч между командой, названной «Англия», и «сборной Европы». Этот поединок проводился в честь моего пятидесятилетия, но запомнился не только этим. Пожалуй, за долгие годы я не видел более красивой игры и не участвовал в более прекрасном состязании, где все было исполнено благородства, виртуозности, где все было подчинено духу высшей спортивности. На следующий день известная лондонская газета поместила о матче пространный отчет, в котором писала:

«Бенефис сэра Мэтьюза удался на славу. Матч стал украшением современного футбола, а его украшением, в первую очередь, явился русский голкипер Лев Яшин, вновь показавший англичанам свое чудесное искусство».

Яшин — он красит любое состязание, в котором участвует. Он достиг настоящих вершин в том деле, которому посвятил значительную часть своей жизни.

Вечером того же памятного дни мы встретились с ним на банкете и провели вместе незабываемые для меня минуты. Я с большим удовольствием рассказал ему о визите московского «Динамо» в сорок пятом и. естественно, от души похвалил Хомича, отметил прекрасного центрального форварда Бескова.

— Хомич — мой первый учитель и, если можно так выразиться, духовный отец, а Бесков — мой тренер,— не без гордости сказал Яшин. Тогда я заметил:

— В свое время Хомича у нас в стране называли тигром. Но, не примите это за лесть,— вы превзошли своего учителя. Сегодня, в этот вечер, исполненный для меня особого смысла, я могу позволить себе удовольствие быть до конца откровенным. Примите же мое заверение: вы действительно Лев и носите свое имя не зря. Вы царь среди вратарей мира.

Яшин улыбнулся, мне даже показалось, что он чувствует себя несколько неловко, и разговор перешел на другую тему. Но сейчас я снова хочу вернуться к нему.

В каждом деле, которым занимаются люди, есть рядовые исполнители, которые поддерживают его, и есть творцы, созидатели, которые обеспечивают ему дальнейший расцвет, открывают для него новые горизонты, делают его красивее, лучше, вдыхают в него новую жизнь.

Есть также движущие силы и в футболе. Это бразилец Пеле, это мой земляк Бобби Чарльтон, это советский вратарь Лев Яшин.

Когда мы встретились с ним на банкете, Яшин подарил мне на память миниатюрный тульский самовар. Он стоит в гостиной моего дома на самом видном месте, напоминая о самых святых ценностях нашей жизни. О дружбе. О верности. О преданной любви к своему делу. От самовара исходит тепло воспоминаний. Я вижу снова заполненный до отказа стадион, вижу ярость атак, вижу Яшина в воротах. И тогда я думаю, что прожил жизнь не напрасно. И тогда я тверже верю в бессмертие футбола — самой прекрасной игры на земле.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем, —
Так кто ж тогда рассеет мрак?
Назым Хикмет

Спорт, пожалуй, одно из самых постоянных и длительных человеческих увлечений. Тот, кто хоть раз по-настоящему полюбил спорт, понял его романтику, его поэзию, тот до конца своих дней сохранит большое, трепетное чувство ко всему, что происходит на зеленом поле стадиона, беговых и водных дорожках, на игровых площадках и в гимнастических залах… Азарт сражений, опьяняющая радость победы, неповторимое ощущение силы, ловкости, здоровья — все эти чувства, зародившиеся в детстве, не утрачиваются никогда. И как бы ни уставали мы в сегодняшнем поединке, каким бы радостным или разочаровывающим не был для нас его результат, завтра при звуке судейской сирены вновь учащенно, взволнованно, радостно забьется сердце.

Однако время, конечно, берет свое. Придя на очередной матч, мы вдруг обнаруживаем, что в составе близкой нашему сердцу команды нет любимого игрока: сначала он отсутствует на одном состязании, самом незначительном, потом пропускает два-три выступления подряд и вдруг исчезает совсем. Мастер, при одном виде которого еще вчера неистовствовали трибуны, сегодня сам приходит на трибуны — как болельщик, как педагог, как тренер. Он, говорят, «покинул большой спорт». Ничего не поделаешь, во всем этом своя железная закономерность, своя неумолимая логика.

Пусть уже нет сил вести борьбу на равных с молодежью, нет ее здоровья и свежести, ее, казалось бы, неиссякаемой энергии. Но есть нечто такое, что по праву можно назвать бесценным капиталом. Эта — твой опыт, твой пример, зовущий вперед, на новые спортивные подвиги.

Когда-то повзрослевший московский мальчишка Лева Яшин впервые пришел на зеленый газон футбольного поля, впервые прикоснулся к мячу. Его звал сюда пример его кумиров, его манил к себе огонь их вдохновения, их громкой славы. Он с

жадностью смотрел на Анатолия Акимова, Леонида Иванова, Владимира Никонорова, Алексея Хомича, мечтал хоть немного быть похожим на них. И, совершенно не подразумевая этого, он уже тогда был их учеником, их последователем. Он усваивал их приемы, их технику, раскрывал для себя тайны их великолепного мастерства. Как магнит, они привлекали его и неотступно вели за собой.

Сегодня свой путь к вершинам футбольного мастерства миллионы мальчишек во всех уголках нашей страны сверяют по Яшину. Им бредят, в него играют дети Лондона и Праги, Парижа и Рио-де-Жанейро, Стокгольма и Гаваны, Приз Яшина оспаривают ребята из десяти русских городов. И, может быть, среди них уже есть кто-то, кому суждено порадовать нас новыми спортивными подвигами, догнать и превзойти в мастерстве своего великого учителя.

Лев Яшин неразрывно связан с советским футболом и, в известной мере, является живым воплощением его прогресса, его расцвета и славы. Нельзя считать случайным, что рамки его спортивной биографии ограничены, в основном, двумя знаменательными датами: с одной стороны, победой на Олимпийских играх 1956 года, с другой — завоеванием бронзовых медалей на чемпионате мира 1966 года.

Это соревнование, отшумевшее несколько лет назад, сейчас снова оживет перед нами в рассказах его непосредственных участников. Они восстановят в памяти самое лучшее, самое красивое, что оставила игра вратаря сборной команды Советского Союза.

Я повторяю — самое лучшее. И это естественно, потому что эта книга задумана, как своеобразный памятник искусству одного из героев отечественного спорта, а не как сборник критических статей.

Тем не менее, я должен предостеречь своих друзей-читателей от одной ошибки: не нужно на основе всего, что вы прочтете здесь, делать вывод о спортивной безгрешности Яшина. Такая трактовка образа нашего замечательного вратаря оскорбила бы прежде всего его самого.

Лев Яшин — не выдуманный литературный герой, а живой человек. И, как всякому человеку, ему свойственны не только удачи, но и ошибки — порой грубые, непонятные и, казалось бы, необъяснимые. Но с философских позиций эти ошибки лишь подчеркивают величие того, что сделал, чего достиг в спорте этот сугубо земной человек.

Восемнадцать лет назад (я веду отсчет от 1972 года) в сборную нашей страны пришел молодой вратарь Лев Яшин.

Вместе с ней прошел он долгий и славный путь, вместе с ней делил горечь неудач, боль поражений, вместе с ней поднимался на пьедесталы почета самых крупных и знаменательных состязаний.

Он рос вместе с командой, а команда росла вместе с ним, увеличивался счет ее побед, ее международный авторитет. Изучая биографию Яшина, невольно видишь, прежде всего, сборную, а в каждом заметном восхождении сборной есть неизменная доля Яшина.

Чтобы достичь новых вершин, добиться новых успехов, нашему футболу нужны прежде всего новые «звезды», нужны выдающиеся исполнители, отважные бойцы, непримиримые фанатики футбола.

Нам нужны новые Яшины — в воротах, в оборонительных порядках, в линии атаки. Нам нужны люди, овладевшие, как он, всеми премудростями современного футбола, умеющие, как он, отдать всего себя любимой игре.

И я хотел бы верить, что эта книга о Яшине не только разбудит сладкие воспоминания. Я мечтаю о том, что она зажжет сердца тех, в ком мы видим сегодня завтрашний день, наше светлое будущее.

И «звезда» с «звездою» говорит…

В один из летних, ослепительно солнечных дней 1971 года серебристый воздушный лайнер доставил в международный аэропорт Шереметьево группу испанцев. Высокие, стройные, ладные — они были разными и в то же время необыкновенно похожими друг на друга. Их делала похожими единая форма и эмблема на правом кармане пиджака — герб испанского профессионального футбольного клуба «Эспаньол».

Это была очень скромная, не блистающая ни громкой славой, ни подбором ярких «звезд» команда, но встречать ее собралось много народу. В толпе, ожидающей выхода гостей, то и дело слышалось одно и то же:

— Замора!

— Рикардо Замора!

Я стоял вместе со всеми и думал в эту минуту о том далеком времени, когда это имя с восторгом и поклонением повторяла вся спортивная Европа, как символ высшего футбольного мастерства, как образец непревзойденного вратарского искусства.

Герой Олимпийских игр 1920 года. Он приехал в Антверпен безвестным девятнадцатилетним юношей, а уехал, сопровождаемый толпой поклонников и восторженными отзывами прессы. «Испанцы заняли второе место и удостоены в футболе серебряных медалей лишь потому,— писала в ту пору одна из газет,— что им удалось разыскать в своей стране и привезти сюда такое чудо, как Замора. Его игра против сборной Дании и все другие превосходят самое богатое воображение. Это — настоящий гений футбола».

Свою репутацию несравненный Рикардо подтвердил и на следующих Олимпийских играх 1924 года, в Париже. Об этом совсем недавно на страницах журнала «Франс-футбол» рассказал один из их участников. Вспоминая о блестящем, сенсационном успехе Уругвая, он писал:

«Нельзя не отметить еще одну команду, или, точнее, одного игрока одной команды, о котором тогда только и говорили, Я имею в виду испанского вратаря Замору. Команда Испании в первом же туре встретилась с многоопытной, широко известной на континенте сборной Италии. Каким упорным, захватывающим зрелищем стал этот поединок! Все время атаковали итальянцы, но их усилия разбивались в бесподобную игру Заморы. Казалось, что счет останется неизменным — 0:0, Но тут произошла самая

настоящая трагедия. Незадолго до заключительного свистка итальянский форвард Балонсьеро вплотную приблизился к Заморе. Переполненный зрителями стадион замер в напряженном ожидании. Гол? Но Замора героически бросился вперед. Мяч отбит. Однако капитан и лучший защитник испанской сборной Валлона, не успев правильно среагировать, направил мяч в свои собственные ворота… Испания рыдала. Одним утешением было лишь сознание, что ее вратарь — лучший в мире».

Это имя еще в большей степени закрепилось за ним после чемпионата мира 1934 года, когда в течение двух дней благодаря, прежде всего, изумительной игре Заморы сборная Испании выдерживала яростный натиск итальянцев. Только потеряв в первый день из-за грубости игроков «Скуадры адзурры» пять человек из основного состава, испанцы вынуждены были в конце концов уступить 0:1.

На протяжении многих десятилетий имя Заморы было синонимом слова «вратарь». Легенда назвала его лучшим голкипером всех времен и народов, И даже, когда люди нашего поколения захотели назвать своего кумира, захотели утвердить на вратарском троне Яшина, их фантазия не пошла дальше того, чтобы окрестить его Заморой наших дней.

В Москве, в те памятные дни 1971 года, я получил счастливую возможность встретиться с Рикардо Заморой. Он покорил меня своей изысканной любезностью, своей предельной доброжелательностью. Мы говорили о многом — о современном футболе, о тактике, о прошедших и будущих чемпионатах. И, конечно же, в первую очередь, мы говорили о Яшине. Я поделился с господином Рикардо своими планами.

— Это прекрасно,— одобрил он,— Вообще прекрасно, что спортивные журналисты и писатели стали уделять внимание нашей футбольной «профессии» — одной из самых трудных и романтичных. Читали ли вы книгу Курта Частки «От Заморы до Яшина»?

— Конечно,— ответил я. И не удержался, добавил: — Гораздо раньше Частки, в шестьдесят пятом, я написал «Повесть о вратарях», в которой отдал должное выдающимся русским голкиперам.

— Не могли бы вы подарить мне эту книгу?

— С удовольствием.

Листая ее страницы, он произнес с искренней радостью и убежденностью:

— У вас действительно прекрасная вратарская школа, которая поставляет в ваши команды великолепных мастеров. Я видел в действии Рудакова, Кавазашвили, Банникова, видел очень

молодого Пронина в Ленинграде. Они мне все очень понравились, они уже сейчас игроки высокого международного класса. И все же Яшин…— Тут его голос стал взволнованным. И долго не мог остановиться великий вратарь, говоря о своем преемнике.

* * *

— В любой стране мира, где любят футбол и играют в него, можно встретить неплохих вратарей, поднимающихся в отдельных играх до значительных высот. Но чтобы заслужить славу великого голкипера, надо играть стабильно, надо уметь от матча к матчу повышать свое искусство, уметь неизменно верно служить своей команде и изумлять своих соперников. К этому приходят лишь единицы, потому что путь к такой игре лежит через огромный, почти нечеловеческий труд, через умение трезво, всегда критически оценивать свои действия, через готовность к постоянному поиску. А все это возможно лишь тогда, когда человек не «служит» в футболе, а отдает ему свое сердце, свою любовь, когда он вдохновенно слился с ним. Всеми этими качествами в полной мере обладает ваш Яшин.

Игру этого прославленного мастера мне сначала удалось посмотреть несколько раз по телевидению. Она мне нравилась. Но я не спешил составить окончательное мнение, так как телевизор скрадывает расстояние: бывает крайне трудно определить, когда ошибся вратарь, а когда виной гола несостоятельная игра защиты. На экране не определишь, какую — правильную или нет — занимал голкипер позицию по отношению к игрокам нападающей стороны, вовремя ли выбрал момент для выхода наперехват и многое другое. Попутно замечу: смотреть спортивное состязание в «ящик» — это все равно, что курить трубку без табака.

Впервые воочию увидеть игру Яшина мне довелось в Лондоне, во время матча сборной ФИФА против сборной Англии, который проводился в честь столетия английского футбола. Я был, к счастью, среди приглашенных на этот волнующий, яркий спортивный праздник.

Сборная ФИФА, или, как ее еще чаще, называют — сборная мира была составлена из самых ярких «звезд», но я, признаться, с особым вниманием, с откровенным пристрастием следил за действиями двух спортсменов — Эйсебио и «непробиваемого»

Яшина. Все знали о составе приглашенных почетных гостей на этот матч (в нашей ложе сидели люди, чьи имена составляют целые страницы в истории мирового футбола, его прошлую славу), создавалось впечатление, что гроссмейстеры сегодняшнего дня как бы держат экзамен перед нами. И нужно сказать, что они его выдержали с честью.

Эйсебио играл превосходно, он просто заворожил меня, и иногда я ловил себя на мысли, что жалею о безвозвратно ушедшей молодости, жалею, что не могу испытать свои силы в единоборстве с таким выдающимся мастером.

Не меньшее впечатление на меня, как и на всех присутствовавших, произвела блестящая игра Яшина. Его самоотверженные броски, мгновенная реакция на удары, четкие, предельно рациональные действия на выходах убедительнее всего говорили о его высоком международном классе. И о том, что наша вратарская эстафета находится в надежных руках. Когда лондонская публика восторженно, как триумфатора, приветствовала Яшина, когда все газеты Британии писали о нем, как о главном герое «матча века», признаться, я испытывал волнение и радость, как будто возвеличивали лично меня.

И все-таки даже тогда я бы еще не рискнул говорить вам — или кому-либо другому — о Яшине то, что скажу сегодня. Ибо «матч века» в какой-то мере был спектаклем, а истинная цена спортсмена проверяется в настоящих футбольных сражениях.

Составить окончательное впечатление о советском вратаре, сравнить его мастерство с мастерством других мне помог чемпионат мира 1966 года.

После состязаний, отшумевших на Британских островах, много писали о них. Писали и о том, что они внесли революционные изменения в технику и тактику игры, уже отметившей свой официальный вековой юбилей.

Все это бесспорно. Но чемпионаты 1966, а затем и 1970 годов подтвердили и старые истины. Одна из них заключается в том, что как бы не изменилось лицо современного футбола, его рисунок, его характер — роль вратаря в нем всегда остается исключительной и решающей. Я мог бы привести десятки примеров, когда усилия команды, выдающейся команды сводились на нет нечеткой игрой голкиперов, их, может быть, и не частыми, но оказывающимися решающими ошибками.

Достаточно вспомнить красивый и интересный матч Португалия — Венгрия на чемпионате 1966 года. Венгры имели в нем явное игровое преимущество. Пропустив в начале поединка мяч, они вскоре сравняли счет — 1:1. Нетрудно представить, какой подъем переживала в этот момент венгерская команда, как

была морально готова к борьбе за победу. И именно в это время происходит, на мой взгляд, трагический случай. Мяч во время одной из контратак португальцев идет в штрафную площадку венгров. Обыкновенный навес, который должен уметь взять каждый игрок хорошей клубной команды. Антал Сентмихай вышел на перехват, но нерасчетливо, грубо промахнулся и подоспевший Аугусто спокойно ударом головой втолкнул мяч в ворота. А через несколько минут Сентмихай допускает еще одну непростительную ошибку, и счет уже 1:3. Венгры подавлены. Матч безнадежно проигран.

Еще более яркий пример с чемпионата мира 1970 года, когда Англия, выигрывая 2:0, уступила в конце концов команде ФРГ со счетом 2:3 из-за грубых ошибок своего второго вратаря. «Если бы болезнь не вырвала из наших рядов Бенкса, мы бы еще поспорили с бразильцами»,— заявил после поединка Альф Рамсей. И я лишь могу присоединиться к его высказыванию.

Но оставим ошибки вратарей, к счастью, не такие уж частые. Наблюдая последние чемпионаты мира, я сделал вывод, что футбол, с тех пор, как я покинул зеленое поле, значительно ушел вперед в своем развитии. Еще более повысилась техника владения мячом. Когда я увидел в Париже, в 1924 году, уругвайцев, они показались мне волшебниками из сказки, настолько удивительно было их умение обращаться с мячом. Теперь Пеле, Жаирзиньо, Чарльтон, ди Стефано, Беккенбауэр, Гарринча, Эйсебио вытеснили их из моего сердца.

Это перемены в технике полевых игроков. А у вратарей? Конечно, они значительно усовершенствовали методы игры, расширили сферу своих действий. А главные заботы у них остались прежними: правильный выбор позиции в воротах, надежный прием мяча, точность и уверенность при игре на выходах.

Достаточно выполнять все эти, перечисленные мною обязанности, исправно и точно, чтобы прослыть вполне хорошим голкипером. Но есть спортсмены, которые не могли удовлетвориться лишь этой ролью. Их когорту, совсем уж не такую многочисленную, как может показаться на первый взгляд, возглавляет ваш соотечественник — Лев Яшин.

Меня часто спрашивают, кого я считаю сегодня лучшим вратарем мира. Честно говоря, ответить на этот вопрос односложно очень трудно в наше время, когда мир располагает таким большим числом первоклассных команд. Что сказать о Жильмаре, который помогал своей сборной трижды одерживать блистательные победы? О Бенксе, который вместе со своими товарищами поднялся на пьедестал почета в 1966 году?

Но, поставив перед собой задачу быть максимально объективным, я отдаю пальму первенства советскому вратарю Льву Яшину. Ни один из его коллег не может похвастать таким количеством «героических ролей», которые сыграл он в современных футбольных спектаклях. Об одной из них, сыгранной на «сцене» «Уэмбли» в 1963 году, я уже говорил. Хочу восстановить в вашей памяти еще несколько из них.

Я был среди тех ста двадцати тысяч счастливцев, которым удалось попасть на мадридский стадной «Бернабеу», где разыгрывался финал чемпионата Европы 1964 года между сборными Испании и СССР. Лил проливной дождь, но на поле бушевали страсти. Команда моей страны играла в тот день хорошо, и я могу твердо сказать, что если до 64-й минуты сохранялся счет 1:1, то в этом огромная заслуга Яшина. Особенно помню два случая. Вот Суарес выскочил по центру на передачу и метров с десяти сильно «срезал» тяжелый, мокрый мяч в верхний угол ворот. Я вскочил, приветствуя успех Испании. Но оказалось, что я аплодирую Яшину, совершившему, как мы говорим, невероятный бросок.

Через семь минут он еще больше удивил меня. Кто-то из советских защитников, занявший при розыгрыше углового позицию у дальней штанги, принял мяч нерасчетливо. Казалось, он сделал то, чего так долго не могли добиться наши форварды. Но Яшин, и здесь учуявший беду, успел ее отвести в броске. Нет, это даже был не бросок, а какой-то героический выпад, который демонстрируют иногда на боевой дорожке фехтовальщики. Резкая, стремительная, как удар молнии, атака на мяч увенчалась — в который уж раз — успехом. Не могу считать своих соотечественников предельно объективными зрителями, но этот подвиг Яшина (такое иначе не назовешь) они приветствовали стоя, бурной овацией в течение нескольких минут. Каждый, кто видел матч с трибуны стадиона или по телевизору, отлично помнит это.

А разве можно забыть то, что он показал на чемпионате мира 1966 года? Яшину исполнилось тогда 37 лет, но о возрасте спортсменов судят не по паспорту. Он был молод телом, молод душой и во всех матчах, на которые его ставили, показывал молодую, красивую, восхищавшую меня игру.

Трудно передать словами его действия в матче против Венгрии, Я подсчитал, что он взял по крайней мере 7—8 мячей, которые я бы, например, никогда не взял. А в матче против ФРГ? Достаточно вспомнить, как за две минуты до перерыва он накрыл невероятно трудный мяч, пробитый Зеелером с пяти метров, а буквально через мгновенье парировал сильнейший удар под

перекладину Хелда. И недаром после состязания футболисты ФРГ все как одни направились к Яшину и поздравили его с великолепной игрой. Много ли вы видели подобных демонстраций восхищения? Мне за всю мою карьеру ничего подобного испытать не довелось.

В этом же матче, в самом его начале, помнятся, произошел такой эпизод. Левый крайний сборной ФРГ Эммерих послал сильнейший мяч в верхний угол ворот, а Яшин в броске отбил его. И тогда 10 000 немцев, приехавших болеть за свою — и только за свою! — команду, устроили русскому вратарю бурную овацию, А Эммерих развел руками, словно говоря всем нам:

— Это невероятно!

Да, искусство Яшина граничит часто с чем-то поистине непостижимым, неподдающимся обыкновенным оценкам.

Как и многие другие любители спорта, я храню у себя газетные вырезки, рассказывающие о самых дорогих, самых интересных состязаниях, в которых я участвовал сам или свидетелем которых был. И я с удовольствием перечитываю сейчас статьи, в которых английские, немецкие, австрийские, итальянские журналисты курили фимиам Яшину. Они это делали искренне, ибо советский вратарь заслужил тогда самые высокие похвалы.

Тем более мне было странно узнать там, в Лондоне, что ни кто иной, как ваш тренер Морозов обвинил Яшина в слабой игре против сборной ФРГ и, в частности, в мяче, пропущенном от Беккенбауэра. В этой связи я хочу поделиться одним воспоминанием.

В 1929 году на стадионе «Метрополитен» в Мадриде мы играли со сборной Англии и победили в конце концов ее со счетом 4:3. Это, кажется, была вообще первая в истории мирового спорта победа над сборной командой, представляющей родину футбола. Но поначалу игра складывалась для нас крайне неудачно: мы проигрывали 0:2. Оба гола я пропустил, будучи закрытым наглухо своими же защитниками, по публика не желала этого понять и освистала меня. В разговоре с друзьями, с журналистами я объяснял, что не виноват. Меня выслушивали с улыбкой, хлопали по плечу:

— Ладно, не оправдывайся. Все ведь кончилось хорошо.

Ничего доказать я не мог.

После матча СССР — ФРГ, сыгранного в июле 1966 года в Ливерпуле, нам, группе специалистов и почетных гостей, любезно «прокрутили» телефильм, на котором засняты все детали этого состязания. Кадры фильма документально подтвердили, что Яшин не был виноват в пропущенном мяче: защитники выбрали

крайне неправильную позицию, закрыв ему обзор своими могучими спинами. Верно, Яшин кричит на них, требуя обзора, но… поздно: мяч, как бандит, вырывается из-за угла и ныряет в сетку в самом неожиданном месте.

Чтобы поставить точку под оценкой его действий в этом матче, я приведу цитату из английской газеты «Дейли миррор»: «В матче сборных СССР и ФРГ мы увидели образец высшего достижения современного вратарского искусства. Его продемонстрировал русский Яшин. Его акробатические прыжки, его реакция, точность выбора места не раз ставили в тупик западногерманских бомбардиров и вызывали восхищение зрителей».

В Яшине мне нравится, прежде всего, то, что интересы команды и надежность игры он всегда ставит на первое место. Что это значит? Ему чужда игра на эффект, на публику, он в любом случае откажется от красивого броска, от возможности взять мяч красиво, если обстановка позволяет действовать просто. Его первая заповедь: точность выбора места, предупреждение опасности.

Много говорят и пишут об открытиях Яшина, таких, как игра на выходах по всей зоне штрафной площади, взаимодействие с защитой, участие в завязывании атак… Я бы отметил, ради справедливости, что все эти элементы были присущи в известной степени и лучшим вратарям прошлого. Так, помнится, Планичку уже в его время хвалили за дерзкие перехваты; Хиден охотно выбрасывал мяч рукой, причем часто это были броски метров на пятьдесят, сразу создававшие остроту на поле… Великая заслуга Яшина перед мировым футболом состоит, на мой взгляд, в том, что он систематизировал все, что было накоплено вратарями прошлого, создал четкую, стройную вратарскую науку и неизменно совершенствует ее. Он стал эталоном и в то же время высшим выражением вратарского искусства.

Я с большой радостью вспоминаю о наших с ним личных встречах. Речевые различия нас не смущали: у нас был общий язык — футбол. Я понял, что Яшин любит его так же искренне, так же самозабвенно, так же бескорыстно, как любили его мы — люди старшего поколения.

Мне посчастливилось присутствовать на банкете в Лондоне, по случаю окончания очередного чемпионата мира. Здесь члены оргкомитета следующего первенства официально провозгласили Яшина в присутствии всех игроков, тренеров, руководителей и почетных гостей лучшим вратарем только что закончившегося турнира. Я видел, как искренне аплодировали этому сообщению Гордон Бенкс, Ганс Тилковски, Жюзе Ирибар и другие

прославленные коллеги. Этой овацией они как бы подтверждали его полное право именоваться лучшим среди лучших.

Да что они! Я приведу вам другую историю. У меня есть неразлучный друг, фамилию которого позвольте мне не называть. Мы дружим более пятидесяти лет. Когда я был принят, в шестнадцатилетнем возрасте, вратарем в первую университетскую команду, мой друг стал добровольно носить чемоданчик, в котором лежали мои футбольные доспехи. Я сопротивлялся, но он молил:

— Разреши, пожалуйста. Ты же знаешь, что я не могу играть из-за своей проклятой ноги. Пусть у меня будет хоть это…

Шли годы, мы подросли, мой друг стал богатым человеком, крупнейшим адвокатом, но по-прежнему он ни на минуту не оставлял меня. Пока я играл, он «вез» мой чемоданчик в Монтевидео, Лондон, Париж, Рим, Флоренцию, Антверпен… Потом мы ездили вместе в качестве туристов или членов клуба «Эспаньол».

Мой друг отлично знает футбол, радуется его расцвету, который умеет оценить объективно, и только в одной он был всегда неизменен. После каждой игры, которую мы видели, он повторял неизменно:

— Знаешь, Рикардо, ты остаешься до сих пор непревзойденным. Я не вижу вратаря, которого можно было бы поставить рядом с тобой.

Мои протесты и уверения в том, что это не так, ни к чему не приводили.

— Уж ты меня не учи,— говорил обычно он,— толк во вратарях я знаю!

В шестьдесят третьем мы вместе приехали в Лондон, на «матч столетия». Праздник на «Уэмбли» удался на славу: казалось, люди показывали богам земную прелесть футбола. Тем более мне показалось странным грустное настроение друга. Когда мы вернулись в гостиницу, я спросил его:

— Уж не заболел ли ты?

— Нет, спасибо. Но я вынужден тебя огорчить.

— Огорчить? Чем?

— Мне очень больно признавать это, Рикардо, но этот русский Яшин, пожалуй, играет не хуже тебя.

Я расхохотался.

— Огорчить? Мой мальчик, разве может быть что-нибудь прекрасней сознания, что жизнь идет вперед, что футбол продолжает так щедро одаривать нас талантами?

Через три года, в том же Лондоне друг пошел в своих оценках еще дальше:

— О, этот Яшин действительно великий вратарь, какого я еще не видел. Знаешь, между прочим, его называют «Заморой наших дней». Не кем-нибудь, а Заморой! Ты слышал об этом или я сообщаю тебе новость?

Признаться, я уже слышал и читал об этом не раз. Могу признаться и в другом: мне льстит такое сравнение, что действительно лучшего вратаря сегодняшних дней сравнивают со мной и называют моим именем.

«Величайший поэт футбола»

У каждого из нас есть не только своя любимая команда, но и свои любимые футболисты, которые особенно точно отвечают нашему представлению о том, какими должны быть мастера этой прекрасной игры.

Для меня таким человеком является заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Константин Иванович Бесков. Вот уже почти сорок лет его жизнь неразрывно связана с зеленым простором игрового поля, с волнующими, непримиримыми битвами на нем.

Начав в далеком 1933 году выступать в детской команде московского завода «Серп и молот», Константин Бесков прошел большой путь в футболе.

Люди моего поколения были свидетелями его игры. Сколько раз мы искренне любовались и восхищались филигранной техникой Бескова, его тактической мудростью, на которой покоились, как на прочном фундаменте, многие комбинации знаменитого послевоенного московского «Динамо». С каким восторгом мы слушали репортажи из Англии глубокой осенью 1945 года, где наши динамовцы побеждали прародителей современного футбола, и не раз взволнованный голос Вадима Синявского доносил с Британских островов:

— Бесков! Опять отлично сыграл Бесков!

«Отлично сыграл!» — эта фраза почти всегда стояла рядом с его фамилией. И тогда, когда он выступал на Олимпийских играх. И тогда, когда сражался против национальных сборных Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии… И всегда, когда отстаивал честь родного клуба.

Закончив выступать, получив диплом выпускника Государственного центрального института физкультуры, Константин Иванович перешел на тренерскую работу. С его именем связаны годы расцвета московской футбольной школы молодежи. Под его руководством блистательно заиграла в 1963—64 гг. национальная сборная СССР.

Константин Иванович еще молод, он успел сыграть за родной клуб вместе с Яшиным, он вернул его в сборную в шестьдесят третьем, он был с ним рядом последние пять лет, выполняя свои многотрудные обязанности старшего тренера московского «Динамо».

Этому замечательному мастеру и педагогу я с особым удовольствием предоставляю слово в книге рассказов о

вратарском мастерстве.

* * *

— Жизнь Яшина в большом футболе вся, от начала до конца, прошла на моих глазах. Я помню, как он впервые пришел в наш динамовский коллектив — высокий, худощавый парень в короткой солдатской шинели. Он казался несколько угловатым и смешным, но только до того момента, пока вам не удавалось увидеть его в деле. Потом вы уже в любом наряде узнавали его таким, каким он предстал перед вами в воротах: ловким, смелым, неутомимым.

Насколько я помню, даже делая свои первые шаги в команде, Яшин не выглядел робким юношей. В нем сразу угадывалась уверенность в себе, в своих действиях. Это проявлялось не в словах, а в делах, поступках, действиях на поле — на тренировках и в игре.

Я хочу отметить, что с первых дней пребывания в команде Яшин очень много и напряженно трудился. Он не пренебрег ни одним дельным советом, ни одной фразой старших годами и опытом товарищей, впитывая в себя, как губка воду, все хорошее и полезное. Одним словом, если команду мастеров, особенно такую, как московское «Динамо», иногда принято называть футбольным университетом, то Яшин, несомненно, был в нем студентом-отличником.

Он довольно скоро овладел основами мастерства и если на первых этапах в чем-то отставал, то это — в общефизической подготовке, в таких качествах, как сила, ловкость, выносливость. Объяснить подобные недостатки нетрудно: детство Левы прошло в тяжелое военное время, в четырнадцать лет он вынужден был стать к станку, о физкультуре и спорте, даже о простых мальчишеских забавах подумать было некогда. Но, попав в команду, он стал много времени уделять подсобным упражнениям и различным видам спорта — легкой атлетике, штанге, гимнастике.

Лева учился старательно, относился к делу с любовью, с большой ответственностью, и в команде с первых его шагов стали относиться к нему с глубоким уважением, с подчеркнутым доверием. Особенно нам импонировало то, что Лева, «горел» идеями, он уже тогда часто высказывал свои революционные мысли о том, как следует строить игру вратаря:

— Надо экспериментировать! Надо в полном объеме использовать предоставленное тебе право играть руками. Пользоваться им по всей штрафной площади. Кому легче перехватить навесную передачу — защитнику или вратарю? Конечно, вратарю. Кому удобнее «снять» угловой, идущий к одиннадцати метровой отметке? Кому сподручнее прервать высокий пас? Вратарю! Вратарю!

— Дело говоришь,— отвечали ему ребята.— Давай, как говорил Маяковский, твори, выдумывай, пробуй. Мы тебя всегда поддержим!

Хорошо помню первый матч, который Лева провел за основной состав. Мы играли против наших известных соперников — динамовцев Тбилиси. Сражаться с ними всегда доставляло удовольствие. Они вкладывали в каждый поединок много страсти, выдумки, красоты. И противник воспламенялся их страстностью. Поэтому любой матч против южан становился футбольным праздником.

Так было и на этот раз. Мы повели со счетом 4:1. Казалось, игра сделана. По наши соперники не думали складывать оружие. Они предпринимали яростные попытки изменить ход состязаний в свою пользу, начала все чаще и чаще переводить игру на нашу сторону. И тут Лева решил, что настал его черед сказать новое слово, показать новую игру, пресечь попытки соперника обострить обстановку, действуя у самой границы штрафной площадки. Но свой эксперимент он не согласовал с защитниками, да и сам, не обладая еще опытом, допустил несколько промахов. В результате за каких-нибудь пять-десять минут в наши ворота влетело три гола. Положение стало критическим. И только за пять минут до конца мне удалось из невероятно трудного положения провести в ворота тбилисцев решающий мяч. Мы выиграли 5:4!

Хорошо помню обсуждение этого поединка, которое состоялось на следующий день. Никто, ни один человек, не упрекнул Яшина за допущенные ошибки,

— Ты, Лева, не стесняйся, продолжай свои эксперименты! — говорили ребята.

— Можешь твердо рассчитывать на помощь всей команды! — подвел итог разговора старший тренер.

Я не случайно привел эти слова. Лев Яшин рос не сам по себе. Его мастерство оттачивалось, совершенствовалось в результате огромной помощи, товарищеской поддержки, глубокого понимания его новаторства всем коллективом. И особую роль, как мне кажется, в быстром и правильном становлении Яшина, в расцвете его таланта сыграли динамовские

защитники той поры.

Защитники! Добрым словом до сих пор вспоминает Яшин замечательную оборонительную линию, которая прикрывала его в те годы сначала в родном «Динамо», а затем в сборной страны. Константин Крижевский, Борис Кузнецов, Анатолий Родионов — это были замечательные, мастера футбола. А, главное, как и Яшин, они умели широко смотреть на вещи, жить с перспективой, видеть далеко вперед. Мне хочется сегодня воздать им должное и назвать их соавторами яшинского взлета и яшинской славы.

В 1954 году Лева уже окончательно вошел в состав «Динамо» и вместе со всеми получил свою первую золотую медаль чемпиона страны. Потом к ней прибавилось еще четыре. Должен сказать, что подобной коллекции не имеет больше ни один московский динамовец.

— Кстати,— продолжал рассказывать мне Константин Иванович Бесков,— хорошо, что до начала нашей беседы вы ознакомили меня с содержанием книги. В ней собраны волнующие воспоминания великих мастеров мирового футбола. Но все-таки не перед ними прошла футбольная жизнь Яшина. Сколько волнующих, значительных деталей, метких наблюдений могли бы добавить в это повествование Эдуард Стрельцов, Валентин Иванов, Борис Татушин, Никита Симонян, Анатолий Ильин, Сергей Сальников, Валерий Лобановский… Десятки и сотни советских форвардов и полузащитников, которым посчастливилось играть против него и в полной мере испытать всю силу его мастерства. Ибо одна из особенностей Яшина, на мой взгляд, как раз и состоит в том, что он с одинаковым блеском действовал во внутренних и международных турнирах, действовал беспрерывно на протяжении многих лет. И в том, что в течение 1954—1963 гг. московское «Динамо» пять раз завоевывало звание чемпиона страны, выходило победителем в споре с многочисленными и грозными соперниками, огромная заслуга Льва Ивановича. Если бы позволял размер вашей книги, я бы рассказал о десятках матчей, выигранных и спасенных им в нашем внутреннем чемпионате. Он был грозой не только иностранных, но и лучших советских форвардов, а играть против футболистов, прекрасно изучивших тебя, всегда сложнее и труднее. Впрочем, я оговорился; «прекрасно изучить» Яшине было бы непосильно любому, потому что он никогда не оставался на месте, всегда что-то творил, искал, совершенствуя свое великолепное мастерство.

В спорте Яшин добился многого. Есть вратари, отличающиеся удивительной прыгучестью, есть мастера игры на выходах, есть хозяева верхних мячей… Яшину подвластно все в многогранном

искусстве защиты ворот, которому он посвятил значительную часть своей жизни. Когда смотришь, как он действует во время матча, невольно приходит мысль, что в нем счастливо соединились сразу несколько человек, несколько талантов и характеров — настолько разнообразна и безупречна его игра.

Яшин не только освоил и закрепил опыт нескольких поколений лучших вратарей. Он расширил границы вратарского искусства и понимания его роли, его места в команде. Его игра на выходах, его методы руководства обороной и командой в целом, его слитность с коллективом и органическое участие во всех действиях на поле, включая такие, как организация атаки, уже общеизвестны и общепризнаны.

Но до сих пор я не встречал в нашей литературе о футболе объяснения этой поразительной широты диапазона яшинского искусства. А оно, на мой взгляд, прежде всего, состоит в его удивительно глубоком, проникновенном понимании сути игры, ее «внутреннего механизма». Иными словами, Яшин не только великий исполнитель, но и великий мыслитель современного футбола. И именно это неизмеримо поднимает его над всеми остальными вратарями.

Льва Ивановича — и это второе объяснение его успехов — отличает глубокая любовь к спорту, к нашей игре. Дважды в жизни я имел случай убедиться в этом.

В начале 1963 года, после относительной неудачи в Чили, у нас происходила очередная смена старшего тренера сборной, и эта хлопотная, увы, крайне неблагодарная должность на этот раз досталась мне.

Свою работу я начал с того, что пригласил к себе всех участников чемпионата в Чили на персональные беседы. Многие из них были в явном психологическом шоке. Их надломило не само поражение, а то, как его восприняли отдельные спортивные руководители и болельщики, их обижало отношение, граничащее с откровенной несправедливостью. Они приходили ко мне, заявляя о твердой решимости оставить футбол.

— Ну, а ты как?— спросил я Леву.

— Честно говоря, Константин Иванович, не хочется расставаться с футболом. Ни обиды, ни поражения не могут затмить любви к нему. Не могут убить уверенности, что я еще могу принести пользу команде, людям, футболу.

Не знаю, точно ли я передаю слова, но смысл их абсолютно точен. Они глубоко взволновали меня, и мы условились, что он возобновит тренировки и мы оставим все разговоры об уходе.

Вскоре после этого он подарил нам такие шедевры вратарского искусства, как игру в «матче столетия» и против

сборной Италии на ее поле.

В 1967 году я принял команду московского «Динамо», стал ее старшим тренером, роль, которую и по сей день выполняю с удовольствием. Клуб переживал тяжелые дни. В предыдущем сезоне «Динамо» заняло восьмое место в чемпионате страны и еще в одной восьмой финала выбыло из розыгрыша Кубка СССР. Уходили один за другим ветераны — Кузнецов, Кесарев, Крижевский, Рыжкин, Савдунин… Уходили те, кто пришел в коллектив гораздо позже Яшина. А ему исполнилось тогда 38 лет. Естественно, что именно в эти дни его вновь посетило сомнение. И он пришел ко мне посоветоваться.

Я задал ему тот же вопрос, который предлагал четыре года назад. И получил точно такой же, как тогда, ответ. И мы оба рассмеялись, как озорные мальчишки, которым удалось кого-то надуть. И я сказал ему искренне:

— Мы еще повоюем с тобой, Лева, и повоюем неплохо.

Он стал работать с еще большим напряжением, с большей страстью, чем прежде. А что произошло дальше, вы все знаете: в сезонах 1968 и 1969 годов он выступал блистательно, восхищая своей игрой миллионы зрителей, показывая нам всем чудеса своей техники и своей молодости.

Я прожил в большом спорте не один десяток лет, но не помню другого случая, чтобы вся команда так верила в одного игрока, как верила она в Яшина. Бывало не один раз, когда перед ответственный матчем ко мне, словно невзначай, заходили наши защитники, «середнячки», нападающие и спрашивали:

— Константин Иванович, будет завтра играть Яшин?

И тогда мне вспоминались дни, когда я работал старшим тренером в московском «Торпедо», ЦСКА, «Локомотиве», ворошиловградской «Заре», Повсюду перед матчами с московским «Динамо» ко мне подходили испытанные во многих сражениях форварды и неизменно задавали один и тот же вопрос:

— А будет играть Яшин?

Одним словом, его игровой авторитет, его влияние на настроение своей и соперничающей команд не имели себе равных в истории нашего футбола. И попутно вот что скажу вам от себя: конечно, футбол и арифметика в принципе несовместимы, но все-таки хочется утвердить такую мысль — в тех главных победах, которые в его время (а теперь их, к сожалению, просто нет) одерживали московское «Динамо» и сборная страны, всегда семьдесят — семьдесят пять процентов успеха следовало отнести на счет Яшина. Таково мое твердое мнение, и в нем меня никто не переубедит.

Есть у Левы еще одно выдающееся, на мой взгляд, качество в

игре, о котором почему-то говорят редко: он никогда не свалит вину за свою ошибку на другого, ни за что и никогда в угоду публике не кивнет на защитника, не замашет на него руками — дескать, куда, мол, ты смотрел?! Нет, каждый гол он берет на себя. Как говорят, один лишь бог знает, какой чудесный климат создает такое поведение игрока в команде, какую уверенность, спокойствие вселяет в ее линию обороны!

Кстати, тут мы уже подошли к грани, где его спортивные качества вплотную смыкаются с гражданскими, человеческими. В коллективе Леву с первых дней и по сегодняшний уважают за добрый, отзывчивый характер. У него просто нет и, по-моему, не может быть врагов так же, как для него не существует знаменитых и незнаменитых игроков — все равны в едином и славном футбольном братстве. За каждого он готов встать горой, пойти и требовать, если что-нибудь очень нужно товарищу.

Но можно с нашего вратаря, с коммуниста Яшина брать пример и того, как не следует путать спортивное братство с панибратством, с замазыванием ошибок, со всепрощением.

Кто не помнит тяжелых неудач московского «Динамо» в шестидесятом и особенно в шестьдесят первом году. Многое объясняли болезнями, но, честно говоря, больше всего вредили коллективу нарушители дисциплины.

Нужен был очень прямой, принципиальный разговор. И начал его ни кто иной, как Лев Яшин. Тяжело было ему — и сейчас не скрывает,— ибо речь шла о самых близких товарищах, о Федосове, Шаповалове. С Федосовым они были друзьями семь лет, вместе ездили на рыбалку, восхищались удачным клевом, варили уху, вели неторопливые беседы… Но эти люди вредили команде, вредили футболу, и Лева, не задумываясь, первый предложил:

— Отчислить!

Ни один советский футболист за всю уж не такую короткую историю советского спорта не добивался таких успехов и наград, как Яшин. Он первым из вратарей континента был признан в 1963 году лучшим футболистом Европы — имя, которое уже само по себе дает пропуск в «спортивное бессмертие». В Лондоне организационный комитет следующего, мексиканского, турнира торжественно провозгласил его лучшим вратарем чемпионата мира 1966 года… Да разве все перечислишь? Да я и не собираюсь ничего этого делать. Достигнув такого признания и славы, он остается скромным, простым, обыкновенным человеком. Ни зазнайства, ни высокомерия. Он продолжает сердечно дружить с теми, с кем начинал когда-то сражаться, кто уже оставил команду — с Женей Шатровым, Георгием Рябовым и многими другими.

Вот разговорился, и не могу, как видите, остановиться. Так у меня всегда бывает, когда беседа заходит о Яшине. Боюсь, как бы чего не пропустить, не забыть сказать о нем людям. Коммунист. Отлично закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Прекрасный семьянин. Человек, безгранично влюбленный в природу, в рыбную ловлю, в сказочность русского леса…

Но все это «земные» его черты, а к торжеству, к величию, к славе его поднял спорт, которому он служит верно и честно.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Я хочу поделиться с читателями некоторыми, если так можно выразиться, «профессиональными секретами».

Каждый раз, когда начинаешь очередную книгу, всегда тебя вдруг одолевает какой-то необъяснимый, но тяжелый страх: кажется, что у тебя совершенно нет материала для задуманного и выстраданного произведения, что ты взялся за непосильный труд и ни за что не сможешь «дотянуть до конца».

Но вот проходят долгие месяцы напряженной работы, и тебя охватывает настоящий ужас уже оттого, что ты не вместил в отведенные тебе издательством рамки и десятой доли того, что хотел и должен был бы вместить.

Так бывает всегда, так вышло и сейчас. Я достиг границы книги, а на столе еще ворох неиспользованных писем и записей. Вот несколько страничек машинописного текста от Флориана Альберта — лучшего футболиста Европы 1967 года, а рядом такое же послание от его друга и соратника по сборной Венгрии Ференца Бене. Оба они с одинаковой страстью «жалуются» на Яшина за то, что сорвал их честолюбивые планы на чемпионате мира в Англии. Вот восторженный гимн нашему вратарю, «пропетый» одним из крупнейших специалистов мирового футбола Рудольфом Вытлачилом. В огромном синем конверте лежит журнал «Франс футбол» и короткое, редкое по теплоте послание от Раймона Копа: «Напишите в вашей книге, что вся футбольная Франция боготворит легендарного Яшина». А рядом — уже давно расшифрованная запись беседы с Гансом Мюллером, который, наряду со всем остальным, сказал мне:

— Нападающие подобны коллекционерам. У меня дома есть целая портретная галерея лучших вратарей мира и на обороте каждой фотографии цифры, обозначающие, сколько раз мне повезло в дуэлях с ними. У Яшина был ноль. Я приехал на прощальный матч, втайне страстно надеясь «размочить» его, но ваш непробиваемый голкипер не дал мне этой возможности!

Письма. Стенограммы. Блокноты, вдоль и поперек испещренные записями… Что же выбрать из всего этого многообразия для достойного финала, венчающего книгу? Какими словами завершить поэму о великом вратаре, сочиненную его друзьями и соперниками?

Внезапно на глаза попадается пачка тетрадных листочков, исписанных мелким, далеко не всегда разборчивым почерком заслуженного мастера спорта Владимира Юрзинова. Это его

литературный труд, его выстраданный в ледовых сражениях очерк о товарище по клубу и сборной Виталии Давыдове. В этом рассказе о ледовом рыцаре есть и необыкновенные слова, относящиеся к моему герою. И нет, по-моему, ничего лучше их, правдивее их и важнее их. Впрочем, судите сами.

«…Мы привыкли видеть, например, Яшина — блестящего и неповторимого — в Лондоне на матче сборных Англии и мира,— достающего из девятки мертвый мяч, и мы мало знаем другого Яшина.

Яшин поразил меня. Осенью мы часто готовимся к очередному сезону вместе с футболистами. Иногда они нам завидуют: играть им трудно в эту пору — грязь, слякоть, порой и снег.

Но игра все-таки игра. Еще сложней и тягостней на таком поле — тренировка. Свистит, пронизывает до костей ветер. Он срывает брызги с луж и колет ими, как иглами, лицо. Почва теряет упругость, скользит по грязи нога, тяжелеет, становится свинцовым и неуклюжим мяч. И вы, словно мяч, сразу оказываетесь в грязи. Мерзко. Противно. Неуютно.

Такой или почти такой я помню глубокую осень 1970 года. Стадион новогорской спортбазы «Динамо». В воротах — прославленный Яшин. Уже сходящий, заканчивающий свой сложный, неповторимый путь в футболе.

Я долгие два часа смотрел в тот день на него влюбленными и изумленными глазами. Он поразил меня тем, как тренировался, с каким упоением и наслаждением бросался он за каждым мячом, ни на что другое не обращав внимания. Он падал, моментально вскакивал и сейчас же снова летел — теперь в другой угол.

Бежало время. Потихоньку, один за другим, потянулись в душ молодые футболисты, поредело поле, в штрафной остались подошедшие только что два-три еще зеленых новичка из дубля. Вскоре я увидел, как переодетые в модные костюмы, с отливающими глянцем прическами молодые мастера отправились в клуб, где уже надрывалась музыкой радиола. А великий Яшин, этот не стареющий Лев, по-прежнему летал из угла в угол на скользкой и грязной площадке, под мелким дождем и мокрым снегом. Потом, когда ушли и эти, из «дубля», он сиротливо осмотрелся вокруг, увидел хоккеистов, увидел меня и весело закричал:

— Ну-ка, настоящие мужчины, не откажите в милости — побейте!

И мы били. До пота. До исступления. До самой темноты. Вот когда нужна была кинокамера, вспышки блицев, толпа репортеров. Вот когда бы вы увидели настоящего Яшина —

великого спортсмена и человека».

Можно ли мечтать о лучшей концовке для книги о нем. Нет, здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить.